

БЕЛГОРОДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

А. НИКОЛАЕНКО

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ХАЗАРИЯ
ИЛИ
ДОНСКАЯ РУСЬ?..

(Древности Приоскольской лесостепи
в заметках краеведа)

Волоконовка 1991

Анатолий Григорьевич НИКОЛАЕНКО

**СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ХАЗАРИЯ
ИЛИ
ДОНСКАЯ РУСЬ?..**

**(Древности Приоскольской лесостепи
в заметках краеведа)**

Краеведческое издание
для любителей Отечественной истории

Ответственные за выпуск:

Е. Д. Соловьева,

А. А. Шанин,

А. Г. Николаенко.

ОТ АВТОРА

Мы живем в глубине лесостепья, на берегу спокойного Оскола, у окраины Курской магнитной аномалии. Мы — это краеведческая группа «Алан», в составе которой дети-подростки районного центра Волоконовка, Белгородской области.

Группа базируется при Волоконовском Доме пионеров и своей деятельностью занимается уже два десятка лет. Краеведческий коллектив принимает к себе всех. Принимает такими, какие мы есть. А мы все разные. С многообразием забав и характеров. Но наши детские забавы превращаются в серьезное дело — изучение истории родного края. Без объединения всех нас в единое целое, дело бы не пошло. Что же нас объединяет?

Все мы живем под голубым небом: перед нашими глазами то изумрудная зелень холмов, то солнечные переливы снежных равнин, а весной — всегда синее и белое «кипение» подснежников и черемухи; мы дышим запахом хлебной нивы и весенними парами чернозема, любим слушать чарующие мелодии соловья и жаворонка. Все это — наша Родина, наш Дом. Вот это нас и объединяет.

По естеству своему мы должны знать, кто жил в этом Доме, и как жил; должны знать о всех тех, кто смеялся и плакал до нас, кто шел по жизни верной дорогой и кто ошибался; о тех, кто задолго до нас стремился к Добру и Красоте, Здравому Смыслу и Истине, кто, проявляя отвагу и благородство, отстаивал Общечеловеческие Заповеди.

Юные «аланы» избрали путь историко-археологического краеведения. Они открывают поселения различных эпох, пункты древней металлургии, контролируют состояние археологических памятников. Нам же особенно интересна история края в эпоху Средневековья. В VIII—X вв. нашей эры на берегах Оскола жили аланы. Изучая историю этого народа, мы и назвали свою группу «Алан».

При работе с археологическими и письменными источниками рождались какие-то мысли, выводы, появлялись аргументы, гипотезы, складывались убеждения. Автор данного сборника «укладывал» все это в рамки краеведческих заметок и публиковал в местных газетах. Сейчас они собраны воедино.

Каждый материал, в газете, имел самостоятельное значение. Поэтому определенная часть историко-краеведческой информации в заметках повторялась. В сборнике же эта повторяемость несколько затрудняет популярность изложения и восприятие материала.

Вместе с тем в любой статье можно выделить новые факты, находки, другой подход к тому или иному положению, дополнительную аргументацию, какую-то версию или гипотезу.

Для ребяты наша деятельность — интересное и счастливое время. Для автора — деятельность вполне успешная и закономерная (я — учитель истории), но, не безоблачная. В нашей жизни переплелись обучение и воспитание, поиск и романтика, трудолюбие и гуманность, желание работать профессионально и делать меньше ошибок.

Нам помогали и помогают археологи С. А. Плетнева, Г. Е. Афанасьев, В. С. Флеров, А. Т. Синюк, А. З. Винников, К. И. Красильников, краевед А. Т. Реполовский, сотрудники Эрмитажа А. П. Покровская и А. И. Семенов. «Аланам» всегда желают доброго пути и открытий жители Волоконовки и населенных пунктов, которые встречаются на наших маршрутах. И, конечно же, успехи в краеведении невозможно представить без поддержки наших семей. Всем, кто нам помогал и помогает, наша искренняя благодарность.

Содержание статей в сборнике многоплановое. Я не мог не писать о происхождении имени Оскола, Волоконовки и ее улиц. В заметках есть строки, затрагивающие проблемы самовоспитания и самообразования подростков, вопросы охраны памятников истории и культуры. Но основное их содержание составляет материал по средневековой истории Приоскольской (от г. Валуйки до г. Старый Оскол) и Донской лесостепи.

Во многих статьях приходится невольно вырываться за рамки Донского региона и «путешествовать» по Волжско-Дунайскому междуречью, по пространствам Киевской Руси, Дунайской Болгарии и Хазарского каганата. На этой территории были распространены в целостной форме или в отдельных элементах две археологические культуры: пеньковская (V—X вв. нашей эры) или салтово-маяцкая (VIII—XII вв. нашей эры). Уместно заметить, что в Подонье пеньковская культура бесследно не исчезла. Трансформируясь, она, наряду с алано-болгарской, составила основу салтово-маяцкой культуры.

В статьях — описание находок, методика поиска, вопросы экономического и политического развития, этническая ситуация того времени. На сегодняшний день большинство историков и археологов считают, что Донское лесостепье в VIII—X вв. нашей эры входило в границы северо-западной части Хазарского каганата. Данную точку зрения в течение нескольких лет разделял и автор, но, последующие археологические открытия и более тщательный анализ письменных (особенно восточных) источников по-

зволили отказаться от этого взгляда и высказать гипотезу о вхождении лесостепного Подонья в состав забытого по каким-то причинам государственного образования, по имени Русский каганат или Донская Русь.

К другой гипотезе — о том, что население Донской Руси называлось в восточных письменных источниках русами, я пришел не сразу и тем более не стремительно: для этого потребовалось 20 лет. Диалектику краеведческого поиска можно проследить по содержанию заметок.

Безусловно, такие идеи не может принять научный мир без скрупулезного и специального исследования. Необходимы десятилетия и усилия не одного поколения исследователей.

И все же, опираясь на определенные факты, хотя бы на краеведческом уровне, я должен сообщить содержание этих гипотез всем, кто стремится к истине своим путем. В том числе и в истории.

Тема Донской Руси несколько сложна, настолько и запутана. Не навязывая своих взглядов, мы тем не менее, продолжаем работать над ней. Необходимо заметить, что народ Рус (Рос) упоминают в своих работах известные советские археологи и историки М. И. Артамонов, Д. Т. Березовец, Д. Л. Талис, Л. Н. Гумилев.

Восстанавливая историю Донской Руси, попутно высказываются суждения по очень давним проблемам «Острова» и трех городов русов. Пытаясь разгадать и эти загадки отечественной истории, я иду собственным путем сомнений и размышлений. Надеюсь, что начавшееся исследование по истории Донской Руси найдет свое продолжение в трудах специалистов-историков и краеведов.

С ДЕТСТВА ИМЕНА ЗНАКОМЫЕ: ОСКОЛ И ВОЛОКОНОВКА

ИМЯ НАШЕЙ РЕКИ

ОСКОЛ — река нашего детства, нашей биографии. Одна из основных водных артерий области, она продолжает служить человеку так же надежно, как и многие сотни лет назад. Река хорошо изучена и описана. Но в жизни ее есть «белое пятно», ждущее своих исследователей. Когда река получила имя и каково его смысловое значение? Эти вопросы не раз интересовали жителей Оскольской долины, вызывали жаркие споры историков-краеведов. Вероятно, и в прошлые столетия люди хотели объяснить имя реки, но до сих пор оно так и осталось загадкой.

Недавно вышло в свет интересное исследование В. А. Прохорова, объясняющее географические названия Центрального Черноземья (В. А. Прохоров. «Надпись на карте». Воронеж, 1977 г.). Там о названии нашей реки сказано: «...В. А. Никонов пишет в кратком топонимическом словаре: «Ни значение, ни языковое происхождение не установлены, неясна и связь с группой -ол (Псел, Хорол), или с тюркским -кол, -гул, -«озеро, река» (Ингул, Тилигул). На реке города Новый Оскол, Старый Оскол. Маловероятно старославянское «оскол» — «осколок, обломок, скала» в значении «испещренная расщелинами местность». А. Иванов приводит диалектное «оскалять», что значит «обнажать», имея в виду лишённые растительности, оголенные меловые холмы на берегах реки. Но, думается, что слово «оскалять» более позднего происхождения, чем название реки».

Однако и после этого объяснения смысловое значение слова «оскол» продолжает оставаться неясным.

Во время знакомства с историей Хазарского каганата перед нами появилась возможность попытаться еще раз найти ответ на интересующий вопрос. В начале необходимо вспомнить процесс заселения края в первом тысячелетии нашей эры. В третьей четверти VII века в Подонье, в том числе и Поосколье, начинают проникать многочисленные древнеболгарские племена тюркского происхождения. Наступают 30—40-е годы VIII века. Лесостепная часть Северского Донца, Оскола и Дона заселяется громадным контингентом аланского населения. До этого оно проживало на

Северном Кавказе, и частичное его переселение было первой колонизацией донских земель в условиях политического господства Хазарского каганата.

Развиваясь в котле общей культуры, болгары и аланы сливаются воедино, продолжая обживать край и выполнять определенные политические задачи. Здесь уместно напомнить читателям следующее. До последнего времени в краеведческой литературе («Белгородский край в истории СССР». Белгород, 1970 г.; «Белгородская область». Воронеж, 1974 г.) фиксируется, что, по крайней мере, в конце IX—X веков почти вся Белгородчина входила в состав Киевской Руси.

Но это не так. С VIII по X век территория юго-востока Белгородской области (8 районов) являлась северо-западной приграничной зоной Хазарского каганата. Чтобы противостоять усилению Древнерусского государства, управление хазар, должно быть, и в IX веке продолжает переселять в Подонье алан. Донской край плотно заселяется. Имея высокую по тому времени культуру, алано-болгары возводят вдоль рек белокаменные крепости. Возникают большие посады, успешно развивается земледелие и ремесло.

В 965 году воинство Святослава наносит поражение разноплеменному войску каганата у Белой Вежи. Это — конец Хазарии. Аланы вновь начинают уходить на свою далекую прародину — Северный Кавказ. Но они не сразу исчезают с карты Подонья, а обратно мигрируя, продолжают жить в некоторых городах, уже занятых половцами.

В доказательство можем сослаться на Ипатьевскую летопись, где рассказывается о походах Ярополка Владимировича против половцев на Дон. В походе 1116 года князь полонил «дщерь ясыско-го князя (дочь аланского князя), взяв ее в жены». Таким образом, аланы проживали и по Осколу около четырех столетий (начало VIII — начало XII в.). После гуннского нашествия это был первый устойчиво-оседлый массив населения, которое в течение нескольких веков не только осваивало край, но и оставило после себя какой-то пласт географических названий местности.

При создавшемся положении раннего Средневековья наиболее укрепленной частью лесостепного Подонья были Оскольские земли. С северо-запада они прикрывались городищами Северского Донца, с северо-востока — городищами Тихой Сосны и Дона. В системе хазарского пограничья район Оскола занимал наиболее выгодное положение и естественно, считался укрепленным районом, то есть крепостью.

На каком языке могло произноситься слово «крепость»? В

настоящее время вопрос о языке салтовцев (т. е. населения Подонья VIII—X вв.) остается еще нерешенным. Одни ученые приходят к выводу, что аланы переняли тюркский язык у болгар. Другие, наоборот, предполагают, что аланы говорили на своем языке, сходном с языком современных осетин. Однако нельзя забывать, что в условиях многоплеменной федерации, каким был каганат, трудно сохранить чистоту одного языка. Возможно, что аланы, проживающие по Осколу, говорили на каком-то смешанном алано-болгарском наречии, имея в лексиконе слова тюркского и иранского происхождения.

Нас же интересует тюркский язык, так как им владело основное население Хазарского каганата — болгары. Тюркское слово «кала» означает «крепость». Уже в VIII веке это слово вполне применительно к землям, расположенным по Осколу. По какому народу принадлежит эта «крепость»? Конечно, тому, кто населял ее в своем этническом большинстве. А большинством были аланы. Среди них имелись племенные различия, в силу чего в исторических источниках они имеют различные этнонимы.

Древнерусские летописи называли алан ясами, другие же выделяли среди алан асов или осов. Значит, крепость по Осколу (применительно к району) принадлежала аланам — ясам-асам-осам. Краткой формой двух последних этнонимов будет ас-ос. Если соединить эти формы с тюркской основой «кала», то получается «Аскала» и «Оскала» — крепость асов, осов, что почти совпадает с нынешним гидронимом реки Оскол.

Естественно, в языковом отношении произошли изменения, и наши рассуждения с исторических позиций должны закрепиться исследованиями лингвистов. Однако, новое толкование гидрониму Оскол наиболее отвечает трем китам топонимии: языкознанию, истории и географии. Свое название река могла закрепить не только через коренное аланское, но и окружающее население — славян, приазовских и волжских болгар и других народов, значущих истинное положение Верхнего Подонья в период раннего Средневековья. Итак, Оскол — «крепость ясов-асов-осов», то есть алан, проживавших по его берегам с VIII века.

Примечание.

Время и место публикации заметок на страниц● 114.

КАТИТ ВОДЫ ОСКОЛ

«Оскол — самая крупная река нашей области, интересно по этому узнать смысловое значение ее имени. В краеведческой литературе есть предположение, из которого следует, что река получила свое название от окружающего ее ландшафта. Так ли это?»

К. ИВАНЕНКО.

г. Новый Оскол.

Читатель, приславший это письмо в редакцию, прав: существует так называемая ландшафтная гипотеза, объясняющая гидроним (название реки). Некоторые топонимисты, учитывая изрезанную оврагами и балками местность по берегам Оскола, решили, что такой ландшафт должен был отразиться в названии реки. Тем более, что в древнерусском языке оказалось созвучное имени реки слово «оскалина», означающее голое место, испещренный обнаженными меловыми кручами ландшафт.

Попытка — таким образом объяснить название реки — достигла цели. Кроме того, появилось мнение, что по берегам Оскола проживало славянское племя. Подобное искусственное построение в топонимии привело к искажению исторической действительности: славяне по берегам Оскола (в пределах Белгородской области) не проживали. Мы прошли с разведками от Валук до оскольских верховий и не обнаружили ни одного славянского поселения, городища или могильника. Неизвестны они и по данным других археологов. Аналогичное положение зафиксировано в пределах Харьковской области. В связи с этим ландшафтные предположения, объясняющие происхождение имени реки, стали для нас неубедительными.

Но кто же, если не славяне, проживали на берегах реки? Археологические изыскания установили, что с начала VIII века по берегам лесостепного Оскола, Северного Донца и Дона жили, оформляясь в народность, алано-болгарские племена. Они состояли из двух основных этнических групп: ираноязычных — алан, переселившихся в Подонье с Северного Кавказа, и тюркоязычных древних болгар, пришедших с берегов Нижнего Дона и Приазовья. Алано-болгарский колонизационный поток действовал в рамках Хазарского каганата. Пришло время, и Хазарское государство ушло в прошлое, оставив нам следы самобытной культуры.

Существование хазарской культуры в Подонье археологи единодушно относят к VIII—X векам нашего времени. В эти века Оскол полностью принадлежал и контролировался алано-болгарами, которые жили здесь прочно и оседло. Именно тогда в Донском ре-

гноне появился новый, в основе своей праано-тюркоязычный пласт географических названий.

О себе алано-болгары письменных источников не оставили. Чтобы расшифровать имя реки, надо было узнать, как эту народность называли их современники. Из древнерусских, арабских, грузинских и других письменных источников стало известно, что донских алано-болгар называли ясамн, асамн, осами. Под именем ясов их зафиксировала древнерусская летопись «Повесть временных лет». Первое упоминание о ясах связано с походом князя Святослава на хазар. В 965 году Святослав с дружиной разгромил хазарское войско. Последствием этого сражения было падение важной хазарской крепости Саркел — Белая Вежа и победа над ясами и касогами. Несомненно, что речь идет о донских ясах, которые накануне своего поражения составляли значительную часть хазарского войска.

Другое упоминание относится к началу XII века. В 1116 году князь Ярополк Владимирович во время похода к Дону полонил дочь яского князя, впоследствии ставшую его женой. Не составляет труда под именем ясов, упоминающихся в русских летописях, узнать прямых потомков алано-болгарского населения, продолжавших жить по берегам Оскола, Северского Донца и Дона до конца XII века. Они оставались носителями той самой хазарской культуры, которая с гибелью Хазарского каганата начала свой медленный закат в Подонье.

Таким образом, исходя из письменных и вещественных источников, мы можем сделать вывод: с VIII по XII век в долине Оскола жили алано-болгары или ясы, асы, осы.

А теперь от исторического экскурса обратимся к области языкознания. Имя нашей реки состоит из двух частей: «ос» и «кол». Исследователи обращали внимание на вторую часть названия — кол, что на тюркском языке означает — озеро, река. Нас же привлекла первая часть — ос, которая должна была характеризовать либо какой-то признак реки, либо являлась именем народа, проживающего по ее берегам в древности.

Особых признаков река не имеет, а проживали по ее берегам алано-болгары или, как мы помним, ясы-асы-осы. Краткими формами этому этнониму будут соответствовать яс-ас-ос. Одна из них должна была отразиться в имени реки. Как оказалось, имя народа закрепилось в первой части гидронима.

Сложив обе части с их смысловым значением, мы получаем: Яскол (ясов река) — Аскол (асов река) — Оскол — (осов река), что почти совпадает или идентично ее нынешнему названию. Сам ли народ дал свое имя реке или это сделали другие, суть не в том.

Главное, что в названии реки отразилась реальная историческая обстановка, сложившаяся в Подонье в те далекие времена раннего Средневековья.

Итак, Оскол — Осов река или река, на берегах которой жили алано-болгары. Имя свое она получила, вероятно, в начале VIII века.

ЖИЛ НАРОД РОС

В одном из номеров «Белгородской правды» сообщалось, что юными археологами Волоконовки открыт ранее не известный на Осколе пласт древностей, который датируется серединой — третьей четвертью I тысячелетия нашей эры.

Наличие этих древностей предполагалось давно. Еще в конце XIX века у деревни Колосково Валуйского района были случайно обнаружены предметы этого периода. Трудность в обнаружении поселений заключалась в их особой топографии. Они располагались там, где по нынешней мерке им не должно быть — близко от реки, в затопляемых местах. Кроме того, Оскольская долина была почти не распаханна, и земля до поры до времени хранила тайну прошедших веков.

В последние годы ребята краеведческой группы «Алан» ввели новые элементы в методику разведок, что не замедлило отразиться на их результатах. Характерным материалом открытого пласта древностей являются обломки лепной, неорнаментированной глиняной посуды. Внешняя поверхность керамики бугристая, коричневого цвета. Вместе с керамикой встречаются биконические пряслица. На Пузышском поселении Валуйского района найден фрагмент антропоморфной фибулы (застежки для плаща), которая датируется нами VI—VII веками.

Все поселения с таким подъемным материалом относятся к так называемой пеньковской культуре или ее вариантам (V—начало VIII веков). Работая с письменными источниками и современными историко-археологическими исследованиями, мы пришли к предположению, что данный пласт древностей оставлен народом рос (по восточным источникам — рус).

Имя народа рос впервые появляется при описании событий IV века нашей эры, затем встречается в VI—X веках. Росы проживали в лесостепной полосе междуречья Днепра и Дона. Были оседлым народом, имели земледельческий характер хозяйства и разнообразные ремесла.

Мы полностью разделяем вывод академика Б. А. Рыбакова

о том, что область древних русов VI—VII веков была обращена к враждебной степи, и эта область первой принимала на себя удары таких кочевников, как гуны, авары, хазары, болгары. Таково же наше отношение и к выводу В. В. Мавродина, который в книге «Происхождение русского народа» пишет: «Следовательно, истоки «народа рос» следует искать не в Скандинавии, а где-то в Среднем Приднепровье и в землях, лежащих к востоку от него».

Территория, на которой проживал народ рос, полностью включает в себя площадь Белгородской области. Археологические памятники росов уже давно известны в западных районах нашего края, теперь же они стали известны и по Осколу. Но сколько их, еще не открытых, расположено по берегам Ворсклы, Оскола, Северского Донца и Дона!

С пезанамитных времен русских людей интересовал вопрос о происхождении названия их Родины — Русь, Россия и само название народа — русский, русские. Несомненно, что название это связано с народом рос (рус), который частично проживал и в лесостепном Поосколье. В связи с этим главной задачей белгородского археологического краеведения является дальнейший поиск поселений пеньковской культуры, то есть поселений народа рос.

Огромный интерес для краеведения представляет книга академика Б. А. Рыбакова «Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.». На одной из ее страниц читаем: «На всем протяжении границы древностей русов мы встречаем на картах XIX века и русскую топонимику: р. Русь, Русская Поляна на правом берегу Днепра, южнее Роси, затем Русский Орчик (юго-восточнее Полтавы), Русская Лозовая (севернее Харькова), Русская Буйловка на Дону. Река Оскол называлась Росью. На северной границе мы встречаем р. Русь — приток Сейма...».

Итак, река Оскол называлась Росью. И это не случайно. Второе имя реки — память о народе рос. Мы не знаем, какими источниками пользовались картографы XIX века, называя нашу реку Росью. Археологические изыскания юных краеведов Волоконовки подтверждают правомочность существования этого имени. От Старого Оскола и до Валук обнаружены десятки поселений, на которых зафиксированы следы проживания росов-русов. Вполне понятно, что река до начала VIII века могла называться Росью.

В начале VIII века в лесостепной зоне Подонья появляются многочисленные алано-болгарские племена. Они не только изменяют этническое лицо местного населения, но и приносят в этот регион мощный пласт новых географических названий. С той поры за рекой стало закрепляться ее нынешнее название — Оскол.

ДОКУМЕНТЫ ИСТОРИИ

Кто учился когда-то в Волоконовской средней школе, помнит очевидно, как часто останавливались все у застекленных витрин биологического кабинета. В нем, как в зоологическом музее, был отражен растительный и животный мир наших окрестностей.

Особое внимание посетители уделяли стенду, на котором размещались всевозможные окаменелости: отпечатки папоротников, кости мамонта и других ископаемых животных. И хотя табличка гласила, что все это обнаружено у Волоконовки, нам просто не верилось, что здесь могли когда-то бродить стада мамонтов, оленей, носорогов, шумело и волновалось мезозойское море (мезозой — эра в хронологии Земли).

Поначалу трудно было осознать ту глобальную связь между историей края и историей жизни на Земле. У стендов разгорались споры, они заставляли нас рыться в книгах, познавать неизвестное. Экспонаты из кабинета нередко попадали на учебные столы, и тогда уроки превращались в фантастические путешествия. Постигая необъятность пространства и времени, мы соприкасались с величием жизни на Земле, и звонок, возвещающий о конце урока, был порой некстати.

Прошли годы. Школьная коллекция окаменелостей исчезла. То ли ее гондали куда-то в музей, то ли не нашлось для нее заботливого хозяина. Не осталось следов от описей, фотографий, публикаций. Краеведению был нанесен урон. И вот уже с группой «Алан» мы вновь занялись археологическими разысканиями, с самого начала тщательно фиксируя и систематизируя все случаи находок окаменелостей и костей древних животных.

Чаще всего в нашем районе люди находят кости мамонта. Мамонт — вымерший слон, современник человека древнего каменного века, о чем свидетельствуют находки костей в стоянках палеолита. Мамонт питался травянистой растительностью, по размерам не превосходил современного слона, но обладал более массивным туловищем, более короткими ногами, длинной шерстью и длинными изогнутыми бивнями. Бивни могли служить для добывания пищи в зимнее время из-под снега. Коренные зубы мамонта, с многочисленными тонкими пластинками, были хорошо приспособлены для пережевывания грубого растительного корма.

Один бивень мы попытались извлечь из земли во время наших поисков. Это было в 1973 году у села Верхне-Яблоново. О том, что в одной из балок есть загадочные кости, нам сообщил школьник Николай Gladков. Группа «Алан» вышла в поход и, действительно,

но, обнаружила кости мамонта. Из-за плохой сохранности бивень извлечь не удалось, а огромный зуб животного до сих пор является наглядным пособием на уроках истории.

Другой бивень был найден местными жителями в обрывах реки Оскол у села Нижние Лубянки.

В том же 1973 году нас пригласил в село Красное Городище учитель-пенсионер Г. М. Толстых. Оказалось, что при земляных работах на берегу реки Тихой Сосны было обнаружено несколько костей мамонта. Своей массивностью выделялась коленная чашечка древнего животного. При осмотре стенок котлована удалось зафиксировать следы кострища. Вполне вероятно, что близ села находилась одна из стоянок древнейшего человека.

Кости ископаемых животных встречались и в Волоконовке. В начале 70-х годов у деревянного моста, на отмели Оскола найдена крупная кость мамонта. Рядом, в обрывах, житель Волоконовки Г. М. Лысенко обнаружил рог ископаемого быка. Такой же рог, только больших размеров, обнаружил на дне Оскола житель Ютановки П. И. Кударенко. В 1979 году учащийся Волоконовской средней школы Александр Водопьянов «выудил» из Оскола ребро метровой длины, вероятно, принадлежавшее также мамонту.

Водились в наших краях и гигантские северные олени. Правую ветвь, принадлежавшую этому животному, обнаружила в 1971 году ютановская школьница Тоня Мартынова.

Нельзя не отметить еще одну окаменелость. Автор находки — школьник из Волоконовки Сергей Северинов. Обследуя карьер, расположенный между Нижними Лубянками и Югановкой, он заметил меловой монолит, в котором был заключен скелет ископаемой рыбы. Это ли не доказательство тому, что десятки миллионов лет назад здесь было море!

Перечисленные находки являются надежными документами истории нашей планеты. Они расширяют представления о развитии жизни на Земле, не дают успокоиться нашей мысли. К ним надо относиться внимательно, собирать и сохранять их для всеобщего обозрения.

ПРИМЕЧАНИЕ. Когда верстался номер, автору статьи сообщили из Староивановки о еще одной интересной находке: во время мелиоративных работ в земле на глубине примерно около двух метров обнаружена ветвь рога северного оленя. Это еще одно доказательство, что в наших краях много лет назад существовала приледниковая зона.

ОРУДИЯ ТРУДА ИЗ КАМНЯ

В объективном воссоздании далекого прошлого важная роль принадлежит вещественным историческим источникам. К ним относятся не только археологические комплексы, но и случайно найденные предметы — глиняные сосуды, предметы вооружения, орудия из камня.

Развиваясь, человек очень долго применял каменные орудия труда. В эволюционном ряду орудий первыми стоят каменные пластины, лезвия которых использовал человек на заре своего существования. Последние в ряду — уже усовершенствованные орудия труда. Они рациональны по форме, высокопроизводительны, совершенны (для каменного века). Такие образцы распространены повсеместно и как реликты производства встречаются и в нашей местности.

За десять лет краеведы группы «Алан» зафиксировали в лесостепном Поосколье находки девяти таких орудий. По функциональному назначению мы разделили их на три группы. К первой относятся каменные топоры. Они достаточно симметричны, высечены из гранита, цвет — серый, черный, розовый. Топоры найдены у сел Уразова, Чапельного, Тишанки. Орудие из Тишанки к тому же имсет сверлищу.

Нам известны еще два топора, имеющие сверлину для рукоятки. Это небольшой топорик из Борисовки, о котором нам сообщил учитель местной школы И. Е. Дайменцев, и топор, найденный на учебном поле Югановского профтехучилища.

Ко второй группе орудий относятся песты-растиральники. Они полированы, серого цвета, изготовлены из твердых пород камня. Два из них обнаружил у с. Верхнее Яблоново школьник Николай Гладков, третий вместе с топором был найден у села Уразова.

Единственное долото из камня входит в третью группу орудий труда. Оно отполировано, из гранита, обнаружено в 1971 году у села Югановки. Кроме острого рабочего лезвия, долото имеет характерную выемку.

Все перечисленные находки оставлены племенами, проживавшими в Поосколье в III—II тысячелетиях до нашей эры.

Экспериментальные работы сотрудников Института археологии Академии наук СССР показали, что шлифованный топор из диорита или камня даже неопытному человеку можно было сделать за 20—30 часов. Дерево 25 см в диаметре можно было срубить каменным топором за 15 минут.

НАХОДКИ НА СТАДИОНЕ

Пятнадцать лет краеведческая группа «Алан» Волоконовского Дома пионеров и школьников изучает древнюю историю лесостепного Приосколья. Нам хочется как можно больше узнать об истории нашего родного поселка Волоконовки: когда человек впервые поселился у ее меловых холмов, известных под названием «Священная гора»?

Древняя история этой части Приосколья продолжалась в VIII—X веках нашей эры. К этому периоду относится исследованный на северной окраине Волоконовки древнеболгарский могильник, а также отдельные захоронения, обнаруженные во время хозяйственных работ в центре поселка и на его южной окраине. Рядом с Волоконовкой находится Ютановский археологический комплекс, оставленный в раннем Средневековье аланскими племенами.

В ходе археологической разведки, мы не оставляли без внимания и пойму реки у Волоконовки. В июне осмотрели площадку районного стадиона, на котором производились земляные работы. Мы собрали большой археологический «урожай» — древнюю керамику, обломки глиняных сосудов.

Керамику разделили на две группы. К первой принадлежали сосуды, вылепленные вручную. Сосуды были с плоскими днищами, горшковидной формы. Большинство обломков орнаментированы отрисками шнура, зубчатым штампом, защипами, наклепными валиками.

Аналогичная керамика имеет широкое распространение в Подонье. Она встречалась археологам в черте города Воронежа, при раскопках Семилукского городища. Известный краевед Белгородчины М. П. Карагодин при исследовании одного из курганов у с. Шелаево Валуйского района обнаружил керамику, поверхность которой орнаментирована типичным для местного варианта катакомбной культуры сочетанием узоров из кругов, треугольников, горизонтальных и наклонных линий.

В связи с этим первую группу керамики и древнее поселение на волоконовском стадионе мы датировали II тысячелетием до нашей эры — именно к этому периоду относятся аналоги наших находок. Вот когда начала заселяться Оскольская долина у поселка Волоконовки! Почти четыре тысячи лет назад!

Керамика же второй группы принадлежала сосудам, изготовленным на гончарном круге. Обломки представляли столовые горшки, одноручные кувшины и большие сосуды хозяйственного наз-

начения. Такая керамика имеет массовое распространение в лесостепном Подонье и относится к VIII—X вв. нашей эры (салтовомаяцкая культура).

Значит, территория нынешнего волоконовского стадиона заселялась дважды — во II тысячелетии до нашей эры и в VIII—X вв. нашей эры! Вот такой мы сделали вывод в ходе наших исследований.

К ИСТОРИИ ВОЛОКОНОВКИ

Всем нам присуще стремление узнать время основания своего города, поселка, деревни, год рождения своей маленькой родины и смысловое значение ее названия. Среди волокончан также нет равнодушных к тому, когда была основана Волоконовка, почему она так называется? Для изучения истории того или иного географического объекта есть интересная и увлекательная наука — топонимия. Эта наука новая, современная и находится она стыке языкознания, истории и географии.

В краеведческой литературе мы только однажды зафиксировали попытку объяснить название поселка, но и она оказалась безрезультатной. Это было сделано в книге В. А. Прохорова «Надпись на карте», выпущенной Центрально-Черноземным книжным издательством в 1977 году. В топонимическом словаре книги читаем: «Волоконовка известна как крепостное селение владельцев Спельниковых с первой половины XVIII века...».

Кроме этих данных, интереснейшее сообщение о слободе Волоконовке мы получили из газетной заметки десятилетней давности, написанной известным краеведом Среднего Поосколья Г. Денисенко. К сожалению, в корреспонденции, имеющей исследовательский характер, отсутствовал указатель источников, которыми пользовался ее автор. Г. Денисенко сообщал читателям газеты «Красный Октябрь», что слобода Волоконовка основана около 1730 года выходцами из украинских казацких полков.

Агентами видного военного петровского времени князя Григория Волконского было завербовано до тысячи человек обоего пола и поселено на месте, где теперь находится более возвышенная часть Волоконовки. Поселенцы были главным образом выходцами из Ахтырки, Вержбы, Глухова, Славгорода (теперь Сумская область УССР). Первоначально они поселились на новом месте землячествами. В сведениях Г. Денисенко улавливались конкретность и архивная достоверность, но отсутствие источниковедческого указателя все же заставляло нас искать пути и методы подтверждения этих сообщений.

Заняться архивными исследованиями? Но для этого потребовалось бы время. А не проверить ли готовые данные? И такая возможность появилась. На помощь были призваны нумизматика (наука о монетах), микротопонимия (отдел топонимии, изучающий название мелких географических объектов) и патронимия (отдел топонимии, изучающий название географического объекта, связанного с именем или фамилией человека). Особые надежды возлагались на нумизматику.

Около четырех лет мы анализировали все случайные монетные находки на территории Волоконовки. Жители обычно при хозяйственных работах или обработке огородов находили медные монеты достоинством в полушку (четверть копейки), деньгу (полкопейки), одну копейку, две копейки, три копейки и пять копеек. Это были почерневшие медные кружочки, которые по своему номиналу были доступны трудовому населению Волоконовки.

Самыми ранними являются пятикопеечные медные монеты первой группы. На них отчеканены 1727—1730 годы. Находки таких монет в Волоконовке единичны. Медные монеты второй группы достоинством в полушку и деньгу датируются 30—40-ми годами XVIII столетия. Просмотрев любезно представленные коллекции местных нумизматов, мы убедились, что чеканка монет этой группы производилась с 1731 года. Третью группу составляли двухкопеечные монеты второй половины XVIII века, а в четвертую группу входили монеты мелкого достоинства XIX и начала XX века.

Принимая во внимание время хождения, а также незначительное количество, к монетам первой группы мы остались равнодушны. Своей массовостью (относительной) нас привлекла вторая группа монет. На многих из них отчеканен 1731 год. Массовость монетных находок — это активность денежного обращения. Для Волоконовки она начинается с 1731 года. Такое положение могло возникнуть только в связи с устойчивой оседлостью, развитием хозяйства и уже существующим населенным пунктом. Исходя из этого, мы предполагаем, что монеты 1731 года оставлены первыми поселенцами Волоконовки. Все попытки удревнить год основания Волоконовки по данным нумизматики не принесли результатов.

Таким образом, анализ нумизматического материала убедил нас в следующем: во-первых, годами основания Волоконовки являются 1730—1731, во-вторых, данные Г. Денисенко были результатом его работы с архивами или какими-то другими достоверными источниками. Подтвердилось в сообщении Г. Денисенко не только время основания Волоконовки, но и то, что первыми жителями слободы были переселенцы из Ворожбы, Глухова, Ахтырки и Славгорода.

Составляя с учащимися средней школы путеводитель по Волоконовке, мы начали собирать старинные, ушедшие в прошлое и не зафиксированные ни в каких документах названия улиц. Мы рассуждали так: если первые жители слободы расселялись землячествами, то улицы, на которых они проживали, должны были называться по имени тех мест, откуда прибыли переселенцы. Такой способ является вполне закономерным для любой эпохи. И наше предположение оправдалось. Мы получили сведения, что нынешние улицы имени 60-летия Октября и Проспект Гая раньше назывались: Глушеч и Ворожбянка. Вот где поселились выходцы из Глухова и Ворожбы!

А где «следы» переселенцев из Ахтырки и Славгорода? В старых уличных названиях (микротопонимах) они пока неуловимы. И тогда мы обратились к многотысячному перечню фамилий местных жителей. Мы насчитали десятки Ахтырских и Славгородских. По мнению старожиллов, эти фамилии имеют местное происхождение. Вполне очевидно, что они принадлежали бывшим жителям Ахтырки и Славгорода, переселившимся во второй четверти XVIII века на берега лесостепного Оскола. Итак, сообщение Г. Денисенко по одному из основных вопросов истории Волоконовки подтверждается. Время основания Волоконовки — 1700—1731 годы. Это было 250 лет назад.

ИМЯ НАШЕГО ПОСЕЛКА

Начав исследование географического названия с вопроса «когда?», перейдем теперь к вопросу «почему?». Почему поселок называется Волоконовка? Научно-красноречивая литература на этот вопрос ответа пока не дала. Среди жителей существует легенда, по которой поселок назван в память об одном из трудных методов транспортировки кораблей, строившихся якобы при участии Петра I в районе фощеватовских лесов. Остовы кораблей сплавляли по Тихой Сосне, а затем от истоков этой реки до Оскола волокли лошадьми (волок конский). Отсюда их вновь сплавляли в Северский Донец, а потом в Дон, где они и пополняли создаваемый Россией азовский флот. В это время и возникла на берегу Оскола слобода, имя которой стало Волоконовка.

Уже при первом прослушивании содержание легенды насторожило нас своими противоречиями. Беглый взгляд на карту — и здравый смысл никак не соглашается с существовавшим такой неоправданной затеей: строить корабли за «тридевять земель» от большой воды. Как известно, Петр I был предприимчивым и дея-

тельным царем и корабельные верфи были построены по его приказу там, где это было удобно, — у Воронежа, на Дону. Не могли строиться корабли у Фощеватова, а значит, и волока конского не было.

Другое противоречие. Исходя из установленной даты основания Волоконовки, не мог Петр I заниматься кораблестроением в 1730—1731 годах по той причине, что умер он в 1725 году. На фоне этих несоответствий содержание легенды применительно к объяснению топонима Волоконовка можно считать несостоятельным.

И здесь мы вновь обращаемся к сообщению Г. Денисенко. В своей заметке он писал, что переселенцы, основавшие Волоконовку, были завербованы агентами князя Григория Волконского. Позже Волоконовка принадлежала Александру Волконскому. Переселенцы, видимо, не прочь были назвать свое место жительства на левом берегу Оскола второй Ворожкой или Ахтыркой. Но владельцами слободы были Волконские. По общепринятому правилу того времени возникшие слободы и деревни получали имя своих владельцев. И наша слобода с убежной крепостью, вполне вероятно, была названа как слобода Волконская. Последняя ступень трансформации произошла в XIX веке, когда населенный пункт стал называться Волоконовкой.

Таким образом, название Волоконовки — патронимическое, то есть связано с принадлежностью ее князьям Волконским. В связи с этим, возможно, что у кого-то да и возникнет предложение — не изменить ли название поселка? И вот здесь-то нужно учитывать следующее. Название слободы присваивалось не «в честь» Волконского и не является мемориальным. Оно никоим образом не увековечивало память Волконского, а лишь говорило о принадлежности слободы в прошлом князьям Волконским. В народных массах такие названия возникали стихийно, становились традиционными и привычными. Переименование населенного пункта, улицы и других объектов должно носить исключительный характер и иметь достаточную обоснованность. Надо очень бережно относиться к народным названиям, которые сохраняют в себе историческую или иную информацию.

В связи с этим хотелось бы затронуть еще один вопрос. У каждого более или менее значительного населенного пункта должна быть дата его возникновения. Следовательно, нашей Волоконовке исполняется 250 лет. Дата, как говорится, круглая, юбилейная. В таких случаях очень важно подумать, как лучше использовать юбилей для воспитания патристических чувств волокончан.

К ВОПРОСУ ОСНОВАНИЯ ВОЛОКОНОВКИ

В своей корреспонденции «Основатель Волоконовки» краевед В. Щербаченко, ссылаясь на книгу «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», том II, СПб., 1902 г., утверждает, что основателем Волоконовки является военный администратор второй половины XVIII века И. М. Синельников.

На данном этапе исследования эта версия вызывает сомнения. Предлагаем самому читателю поискать истину в вопросе основания нашего родного поселка. Для этого полностью цитируем выдержку, сделанную нами еще в 1972 году при работе с книгой «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Под редакцией В. П. Семёнова», том II, С-Петербург, 1902., стр. 525.

«В 9 верстах за Бибиковым находится следующая станция Волоконовка, грузящая до 400 тыс. пудов, преимущественно хлебных грузов. Слобода Волоконовка на Осколе имеет более 6000 жителей, 3 церкви, волостное правление, школу, богадельню, довольно много лавок, 7 кожевенных заводов, красильни, паточный завод, восковой и кирпичный заводы, базары и 7 ярмарок. В эпоху освобождения крестьян Волоконовка была вотчиной... известной дворянской фамилии Синельниковых, владевших в Бирюченском уезде более чем двенадцатью тысячами десятин земли. Вотчина эта была родиной двух членов этой семьи, бывших выдающимися деятелями в XVIII и XIX веках. Генерал-майор Иван Максимович Синельников был в 1766 году избран депутатом воронежского дворянства в комиссию для составления нового уложения».

На основании данного текста невозможно делать вывод о том, что И. М. Синельников был основателем Волоконовки. Более чем вероятно, вопрос основания Волоконовки связан с деятельностью князей из рода Волконских.

* * *

ИМЕНА НАШИХ УЛИЦ

Все географические объекты, в том числе и улицы, имеют свои названия. Названия мелких географических объектов изучает наука микротопонимия. В сферу ее исследований входит изучение названий улиц, озер, урочищ, лесов и т. д.

Нас заинтересовали местные уличные микротопонимы (названия) Волоконовки. Они складывались исторически, без каких-либо официальных постановлений. Имена улицам давали люди, которые очень вдумчиво относились к выбору названия своего места проживания. В уличных микротопонимах — мудрость народа, его смекалка, находчивость. Названия улиц характеризуют рельеф местности, природу края, животный и растительный мир, размеры населенного пункта и т. д. В них содержится определенная историко-географическая информация. Они — источник наших познаний.

Настало время собрать эти названия, сохранить и по возможности объяснить их смысловое значение.

Не претендуя на абсолютную полноту и точность, мы предлагаем читателю словарь уличных микротопонимов Волоконовки.

Имени Быкановой — Озеро, Прилепка, Валуйская.

Озеро — по названию расположенного рядом водоема, озера.

Прилепка — то есть позже построенная. Валуйская — расположенная в сторону города Валуйки.

Имени Буденного — с. Заливное, Заломное.

Село Заливное — ранее, отдельно расположенный от Волоконовки населенный пункт. В период половодий местность вокруг села заливалась водой. Заломное — название не ясно.

Имени Ватутина — Жабына, то есть находящаяся в заболоченном месте, у воды, где много лягушек, жаб.

Имени Володарского — Куцивка, то есть «куцая», короткая.

Проспект Гая — Ворожбянка, Проспект.

Ворожбянка — место, где расселялись землячеством переселенцы из города Ворожбы (Сумской области) в начале XVIII века.

Проспект — длинная, главная улица.

Имени Гагарина — Кабивка, Садовая.

Кабивка — по уличному прозвищу одного из первых переселенцев.

Садовая — расположенная среди садов, что и соответствует действительности.

Имени Гоголя — Галаны. Галаны — смысловое значение не ясно.

Имени Горького — Сибирь, Туркесибская.

Сибирь — географическое название части Евразийского материка перенесено на улицу. В данном случае улица, расположенная в северо-восточной части поселка.

Туркесибская — переименована в связи со строительством Туркестано-Сибирской железной дороги.

Имени Григорьева — Кабивка, Садовая, Лесная. Кабивка, Садовая — (см. ул. имени Гагарина). Лесная — возможно, от близко расположенного леса-урочища «Грачиное».

Имени Комарова — Мочаки, Подгорная.

Мочаки — заболоченный луг, сильно увлажненная почва.

Подгорная — расположенная «под горой», у возвышенности.

Имени вице-адмирала Корнилова — Гирло.

Гирло — протока в устье реки. В данном случае приток реки — ручей Сазон. Улица, расположенная вдоль ручья Сазон.

Имени Кирова — Гирло — (смотрите ул. имени Корнилова).

Имени Королева — Перерванка, Улиевка.

Перерванка — прерывистая, без сплошной застройки улица; другой вариант — ограниченная, то есть «прерванная» железной дорогой.

Улиевка — микротопоним не ясен.

Имени Криклия — Лаптивка, Надгорная.

Лаптивка — место заселения выходцами из центральных областей России. Возможно в XIX веке. Лапти — повседневная обувь этого населения. Надгорная — расположенная «на горе», то есть на возвышенности.

Имени Курочкина — Ромашовка, Выгон, Косарь.

Ромашовка — место, поросшее ромашкой. В данном случае подчеркивалось окраинное расположение улицы, рядом с которой находился пустырь, используемый для пастбища (выгон).

Косарь — улица, на которой располагались хозяйственные постройки и контора колхоза «Косарь».

Имени Лавренова — Поповская, Почтовая.

Поповская — от места проживания служителей церкви.

Почтовая — расположенная недалеко от узла связи (почты).

Имени Ленина — Паленая, Новая, Совстекая, Центральная.

Паленая — от частых пожаров в дореволюционное время.

Новая — одна из последних улиц, появившаяся в дореволюционный период.

Имени Матросова — Мочаки, Репьяшки.

Мочаки — (см. улица Комарова).

Репьяшки — от слова «репей» — соцветие сорного двулетнего растения — лопуха. Растет на пустырях, по окраинам насе-

ленных пунктов. В данном случае — окраинное расположение улицы.

Переулок имени Лавренова — Свинячий, то есть грязный, расположенный в низине, на дне бывшего озера.

Улица Мира — Репьяшки — (см. улица имени Матросова).

Имени Мизерского — Грабли, Заводская, Кирзаводская.

Грабли — от Т-образного расположения с какой-то другой улицей (?).

Заводская, Кирзаводская — по расположению у кирпичного завода.

Имени Нестерова — Пышнинка, Торговая.

Пышнинка — возможно по фамилии первого переселенца Пышного (распространенная фамилия в Волоконовке).

Торговая — от расположенной на улице конторы районного потребительского общества (райпо).

Имени Новикова — Прогон, Озерная, Камышовка, Крестики.

Прогон — значит выходящая к одной из главных улиц поселка (в данном случае к Пионерской улице).

Озерная, Камышовка — расположенная у озера, у заболоченной местности, заросшей камышом.

Крестики — по расположению у гражданского кладбища (ныне заводууправление реммезавода) в начале XX века.

Улица Октябрьская — Вербивка, т. е. улица, на усадьбах которой много верб (разновидность дерева). Вербы растут вдоль ручья Сазон.

Имени 60 лет Октября — Низивка, Бедряжина, Глушец, Песок, Надречная, Пролетарская.

Низивка — от «низины», т. е. места, имеющего незначительную высоту над уровнем реки, затопляемого в период половодья.

Бедряжина — от «бедря», т. е. грязь, непроезжий участок. В данном случае участок между ручьями.

Глушец — от места поселения людей, переселившихся в Волоконовку в начале XVIII века из города Глухова (ныне Сумской области).

Песок — от песчаных дюн, на которых расположена часть улицы (у восьмипетней школы).

Надречная — расположенная «над рекой», у реки. Пролетарская — название более позднее.

Улица Пионерская — Славгородская, Гирло, Запорожская.

Славгородская — от первых поселенцев из города Славгорода (ныне Сумской области) начала XVIII века.

Гирло (см. улица имени Корнилова). Запорожская — название произвольное.

Улица Первогвардейская — Дроновка, Железнодорожная.

Дроновка — от проживающих на улице «дрогалей», владельцев подвод, которые работали на сооружении железнодорожной насыпи (конец XIX века). Другой вариант — от фамилии первого поселенца Дронова.

Железнодорожная — расположенная вдоль железной дороги.

Улица Первомайская — Сахалин. Название далекого острова перенесено на улицу. Этим подчеркивалась удаленность улицы от центральной части слободы.

Имени Пушкина — Крейда (украинское). В переводе означает «мел». Рядом с улицей находятся богатые залежи мела и меловой карьер.

Имени Рокоссовского — Жабына (см. улица имени Ватутина).

Имени Льва Толстого — Перерванка, Новоселовка.

Перерванка (см. улица имени Королева). Новоселовка — часть улицы, построенная позже.

Имени Филяшкина — Дрыголивка, Рабочая.

Дрыголивка — от распространенной на улице фамилии Дрыгола.

Рабочая — улица, расположенная у ремонтно-механического завода.

Имени Чернышевского — Меловатка, Городок.

Меловатка — от слова «мел», от близко расположенных меловых холмов.

Городок — микротопоним не ясен.

Имени Николая Островского — Косаривка.

Улица, на которой находилось здание правления колхоза «Косарь» (ныне правление колхоза имени Н. К. Крупской).

Новостроечные улицы, появившиеся после Великой Отечественной войны, с середины 50-х годов до начала 80-х годов: имени Ворошилова, Дачная, имени Димитрова, имени Дзержинского, Коммунистическая, имени Крупской, имени Лермонтова, имени Мурзина, Молодежная, Набережная, имени Попова, Советская, имени Тургенева, Туристическая, имени Фрунзе, имени Чехова.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Очередность местных названий улиц дана в хронологической последовательности.

2. Современные названия улиц даны на 1 января 1984 года.

Автор благодарит жителей Волоконовки, оказавших помощь в сборе микротопонимов.

К ИСТОРИИ ВОЛОКОНОВКИ

От эпохи неолита до нового времени

Наша Волоконовка основана в 1730—1731 годах. Однако это не означает, что территория современного поселка не заселялась в более ранние времена. Оскольская пойма и приоскольские земли издавна были приветливы и гостеприимны ко всем, кто их заселял, кто трудился на них, кто дорожил богатством природы.

Первые поселенцы на землях Волоконовки появились очень и очень давно. Да и возможно ли было не заселять эти места в древности!?

Главным богатством края была и остается плодороднейшая земля. Ее всегда берегли наши далекие предки. Такую землю хранить да хранить, собирать, в случае необходимости, по крупинкам и горстями, как собирается добрыми людьми рассыпанное на дороге зерно. Другое богатство края — железная руда.

Но прежде, чем человек научился обрабатывать землю и получать из руды железо, он крайне нуждался в материале, из которого можно было бы изготовить надежные орудия труда. Речь идет о кремне. В Оскольской долине и у Волоконовки его предостаточно. Исключительное богатство кремнем привлекло в наш край людей не только на постоянное место жительства, но и в связи с обменом.

Первоклассные по качеству глины, мел, песок — все это также необходимо было человеку и в прошлые тысячелетия.

А если приплюсовать ко всему этому благоприятный климат, водный режим, богатые флору и фауну, то станет ясным, что природа подготовила здесь человеку все необходимые условия для жизни.

* * *

В какое же время и в какой части современного поселка жили люди в прошлом? Самые ранние поселения зафиксированы нами на первой надпойменной террасе, которую занимают сейчас усадьбы улицы имени И. К. Крупской и площадь стадиона в лесопарке Волоконовки. Здесь жили люди в эпоху неолита, т. е. шесть тысяч лет назад.

Территория Волоконовского стадиона и соседние с ним поляны заселялись и позже, в эпоху энеолита (т. е. пять тысяч лет назад, в медный век).

Наступившая вслед за энеолитом эпоха бронзы (III—II тыс. до нашей эры) обозначилась для Оскольской лесостепи сплошным

заселением. На участке речной долины от г. Валуйки и до г. Старый Оскол мы открыли более сотни поселений этого времени. Несколько поселений эпохи бронзы открыты и в Волоконовке — на приусадебных участках улицы имени Буденного (Заломное), у восьмилетней школы, на территории стадиона, у промкомбината (правый берег ручья Сазон), на приусадебных участках улицы имени Крупской, у инкубаторной станции.

Проходили тысячелетия. Наступило время нашей эры. В III—V веках в районе Волоконовки появляются группы людей, которые обживают приподнятые (дюнные) участки Оскольской поймы и склоны первой надпойменной террасы. Поселения этого времени зафиксированы у промкомбината, на приусадебных участках улицы имени Крупской, у инкубаторной станции. Подъемный материал, обнаруженный на поверхности поселений, дает возможность отнести их к черняховской культуре (III—V веков н. э.).

В VI—VIII вв. н. э. в Оскольскую долину (после длительных передвижений) переселяется значительный контингент тюркского населения. По нашему предположению, это население первоначально проживало в Прибайкальском регионе.

Местное и переселившееся население объединяют свои усилия в деле развития оскольско-пеньковской культуры VI—VII вв. н. эры. Именно в это время начинается первый этап освоения железорудных богатств края. Оскольско-пеньковские металлурги совершенствуют технологию получения железа из руды. Для того времени это была одна из самых оригинальных и передовых технологий в Европе. Совершенство металлургии отразилось на качестве металлообработки. Оружие (мечи) и другая продукция, изготовленная кузнецами из оскольского железа была известна за пределами Донского региона.

Поселения VI—VIII вв. н. э. открыты в зоне лесонарка, а также на приусадебных участках улицы имени Крупской. Пеньковские поселения на левом берегу Оскола и у Волоконовки не исчезли в VIII веке. В это время к местному населению присоединяются переселившиеся в Донскую лесостепь аланы и древние болгары. Происходит активное взаимодействие и взаимообогащение достижениями в области материальной и духовной культуры, стремительно развиваются производительные силы Подонья. Здесь формируется новое этническое объединение, получает дальнейшее развитие государственное образование Донская Русь. Складывается яркая салтово-маяцкая культура. Время ее становления, расцвета и исчезновения в Донском регионе (и Приоскольской лесостепи) — VIII—XII вв. н. эры. Поселения данного периода открыты на приусадебных участках улицы имени Буденного (Заломное), на

территории стадиона и лесопарка, у промкомбината, в районе улиц имени Пушкина и Чернышевского.

* * *

Шло время. И в последующие века, вплоть до 1731 года, люди, несомненно, заселяли территорию у Волоконовки. Однако признаки поселений этого времени нам не известны.

В 1730—1731 гг. «агентами видного военного петровского времени князя Григория Волконского было завербовано до тысячи человек обоюбого пола и поселено на месте, где теперь находится более возвышенная часть Волоконовки. Поселенцы были главным образом выходцами из Ахтырки, Ворожбы, Глухова и Славгорода (теперь Сумская область УССР)», — так писал краевед Г. Денисенко о первых поселенцах нынешней Волоконовки. Еще 30—40 лет назад проспект Гая назывался Ворожбянкой, улица Пионерская — Славгородской, а часть улицы имени 60-летия Октября — Глушеч. Именно на месте этих улиц расселялись переселенцы из Ворожбы, Славгорода, Глухова.

В последние годы среди местных краеведов шла дискуссия по вопросам времени основания Волоконовки и происхождения ее имени.

В 1968 году валуйский краевед Г. Денисенко сообщил, что временем основания Волоконовки является 1730 год. В 1981 году мы также пришли к этому выводу, уточнив дату основания 1730—1731 гг. Тогда же мы высказались о том, что название Волоконовки имеет патронимическое происхождение, т. е. связано с принадлежностью ее князьям Волконским.

К настоящему времени эти убеждения еще сильнее окрепли, тем более, что благодаря исследованиям белгородского краеведа В. Щербаченко обнаружен документ, подтверждающий наш вывод относительно происхождения имени Волоконовки. Он обнаружил в Воронежском краеведческом музее четыре выпуска книги архимандрита Дмитрия «Указатель храмовых праздников Воронежской епархии». Там, в списке № 1 напечатано, что «Слобода Волоконовка или, как значится в старинных документах, «Волконская» название получила от владения владельцев ее (князь Волконский)». Здесь же в списке № 4 читаем: «Слобода (Волоконовка — А. Н.) ранее принадлежала князьям Волконским, а потом перешла во владение дворянской фамилии Синельниковых». Уместно заметить, что род князей Волконских вел свою родословную еще от князя Рюрика, т. е. со времен Киевской Руси.

Мы хорошо представляем, что наш экскурс в историю Волоконовки — небольшой частицы нашего Отечества — далеко не полный. Познание прошлого продолжается.

„БЕЛЫЕ ПЯТНА“ НА КАРТЕ

На карте района есть два «белых пятна», ждущие исследования краеведов и археологов и сохраняющие в тайне многие страницы из истории нашего края.

Первое — это район Красного Городища с земляным укреплением на правом берегу реки Тихая Сосна. В плане — укрепление представляет четырехугольник с сужением к южной стороне. Со стороны реки оно имеет два вала и между ними ров глубиной около двух метров, с остальных трех сторон окружено валом и оврагами. Одна из сторон вала имеет остатки обожженного самана. Валу, ров и овраги задернованы, хорошо сохранились.

Укрепление — земляное, традиционное и для скифов, и алано-болгар, и для русских поселений XVII века.

К какому времени относится это укрепление — точно ответить пока трудно, поскольку о нем мало знают в археологических кругах, хотя им, по словам старожилки Г. М. Толстых, интересовались археологи в довоенный период.

Можно было бы с полным основанием считать, что сооружение относится к XVII веку. Но остатки керамики, найденные нынешним летом, дают основание утверждать, что на этом месте жили в VIII—X веках алано-болгары, которые могли оставить укрепления из рва и валов.

Шло время. В начале XVII века перед русским государством встал вопрос о защите его южных рубежей от набегов татар. Река Тихая Сосна не осталась без внимания. Здесь проходила Кальмиусская сакма. Перед Тихой Сосной татарские силы поотрядно расходились по всей длине реки в поисках переправ, бродов для дальнейшего продвижения в глубь Московского государства. Верховья реки не очень заболочены и этим привлекали сюда татарские отряды. В это время и начинается здесь сооружение стоялых острожков и всевозможных сооружений, чтобы ослабить татарский удар по Кальмиусской сакме. И, возможно, для сооружения одного из стоялых острожков как раз и было подходящим место на том мысе, у Красного Городища, где когда-то жили алано-болгары.

Мыс этот был укреплен русскими служилыми людьми подсыпкой вала, сооружением деревянной стены с башнями, и острожек стал выполнять усиленные задачи по защите русских южных рубежей.

А то, что именно здесь было деревянное укрепление поверх вала, подтверждается свидетельством старожилков, видевших извлеченные бревна из основания вала в двадцатых годах нашего века при образовании самого Красного Городища.

И еще предположение. В XVII веке от Валуек в сторону Старого Оскола шла так называемая Посольская дорога. По ней из Москвы в Валуйки прибывали русские послы, а сюда — татарские. Здесь в Валуиках, происходил обмен послами. Так вот, следы этой дороги теряются где-то под Волоконовкой, хотя по карте XVII века она явно прослеживается от Валуек до реки Второй Сазон, которая впадала в Оскол в районе Пятницкое — Волоконовка.

Возможно, что Посольская дорога проходила где-то возле Красного Городища, а стоялый острожек выполнял роль заезжей охранной станции для русских послов. Однако, в какой бы роли этот острожек ни выступал, он должен был входить в то время в единую линию защитных сооружений, которой являлась Белгородская черта.

Сооружение Белгородской черты начинается в конце 30-х годов XVII века. Но в наших краях эта черта дугообразно ушла на север по линии Нежеголь — Короча — Яблонов (Корочанского района) — Новый Оскол, Верхососенск — Усерд. Такое стремление на север продиктовано поиском лучше защищенных и выгодных мест. Эта дуга была самой важной во всей линии Белгородской черты, так как преграждала татарам две их традиционные дороги по Изюмской и Кальмиусской сакмам. И вот для того, чтобы ослабить удар по этой будущей дуге укреплений, создается как ослэбитель татарским набегам дополнительная передовая линия от Нежеголи через Яблонов (в районе Погромца) и далее к верховьям Тихой Сосны. В эту систему укреплений должен был входить и стоялый острожек у Красного Городища. Однако эта линия могла быть создана и вполне самостоятельно и выполняла свои задачи как «до», так и «после» сооружения черты.

Итак, есть основания утверждать, что здесь, у Красного Городища, на одном и том же месте существовало и алано-болгарское поселение VIII—X веков и стоял острожек XVII века. Окончательный ответ — за учеными-археологами. Но сейчас надо сделать все возможное, чтобы сохранить этот исторический памятник. Об этом следует позаботиться как обществу по охране памятников, так и Покровскому сельсовету.

Второе «белое пятно» — в районе Верхне-Яблонова и Погромца. Где-то здесь на карте Воронежского края первой половины XVII века стоял город (не в современном смысле) Яблонов. Год его основания — 1636-й. Это начало сооружения Белгородской черты. В ее составе был и другой Яблонов, недалеко от г. Корочи. Но, может быть, действительно существовал и Яблонов наш, в районе Погромца, как указано на карте? И если он находился там, то

должен был выполнять немаловажную роль в защите южной границы Русского государства.

Группа учащихся-туристов нашей школы осмотрела в этом году предполагаемое место. Был обнаружен вал. Но этого очень мало, нужны дополнительные доказательства.

ИЗ ИСТОРИИ РАЙОНА

Что представляли собой Волоконовка и другие села района до Великого Октября? В исследованиях историков, занимающихся изучением вопроса колонизации лесостепной и степной окраины Московского государства в XVI—XVIII веках, Волоконовка не упоминается. Это связано с более поздним ее возникновением, которое мы относим к первой половине XVIII века.

Не имея возможности провести архивные поиски, нам все же стали известны некоторые данные о слободе Волоконовке и некоторых селах района в конце XIX — начале XX веков.

В конце XVIII века наш пыпешный рабочий поселок Волоконовка пазывался слободой Волоконской. В то время она входила в состав Бирюченского уезда. Город Бирюч (ныне Красногвардейское) стал уездным городом с 1779 года.

Вот что сказано о Волоконовке в 1800 году: «Слобода Волоконская, помещичья, от Бирюча в 40 верстах. В пей винокурный господский завод, ярмарок бывает шесть, в том числе в январе, 9 мая, 8 июня, 1 октября, 6 декабря».

Значительно полнее наши сведения о Волоконовке в конце XIX — начале XX веков.

«Станция IV класса Волоконовка отпращает главным образом хлебные грузы, которых в 1898 году было отпращено 451168 пудов из числа 520482 пудов общего отпращения. В то же время на станцию в этот год прибыло 120534 пуда разных грузов.

В окрестностях станции было расположено 39 помещечных экономий, слобод, сел и деревень, между которыми выдавалась рядом расположенная слобода Волоконовка, имеющая 6000 жителей, 3 церкви, волостное правление, школу, богадельню, много лавок, 7 кожевенных заводов, красильни, паточный завод, восковой и кирпичный заводы, базары и 7 ярмарок.

После 1861 года Волоконовка была вотчиной дворянской фамилии Синельниковых, владевших в Бирюченском уезде более чем 12 тыс. десятинами земли.

Станция IV класса Бибиково отгружала главным образом хлебные грузы, которых в 1898 году было отпращено 205853 пуда

из общего количества 325794 пудов отправлений всех остальных грузов. В этом году прибыло на станцию 14233 пуда.

Слобода Старо-Ивановка (или Трубецкая), при которой расположена ст. Бибиково, имела 1600 жителей, волостное правление, школу, две ярмарки.

После 1861 года Старо-Ивановка принадлежала Екатерине Муравьевой, владевшей здесь 11 тыс. десятинами земли.

В конце XIX века здесь находилось имение Бибикова, заключавшее в себе около 4100 десятин земли. В имении была водяная мельница и маслобойный завод, перерабатывающий до 70 тысяч пудов подсолнечника. Недалеко от ст. Бибиково выделялась помещицы экономия князя Юсупова (8000 десятин земли). В 3-х верстах от станции в экономии Баркова имелась большая водяная мельница.

В эти годы слобода Верхняя Лубянка имела 1400 жителей. В Грушевке было 1500 жителей, школа, лавка и две ярмарки. Грушевскими землями владели помещики Щидловские (около 23 тыс. десятин земли).

К юго-западу от Монастырской платформы (Пятницкое), в 4-х верстах находилась слобода Погромац (или Петровская), имеющая 2200 жителей, школу, лавки, 6 кожевенных заводов и торжок. Во второй половине XIX века слобода принадлежала помещикам Корф и Гаевской, из которых первая владела здесь 2800, а вторая 3800 десятинами земли.

К началу XX века здесь была паровая мукомольная мельница.

При описании Валуйского уезда в 1800 году о Погромце записано следующее:

«Петровская, она же Погромац, помещицы слобода... В ней небольшие господские конской и рогатого скота заводы. Ярмарок бывает семь. Сверх оных по воскресеньям еженедельно бывают базары. При сей слободе на реке Осколе четыре мельничных аппарата, в коих четырнадцать помольных, три толчейных и два сукновальных постава».

* * *

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ХАЗАРИЯ

ОСКОЛЬСКАЯ ХАЗАРИЯ

Что такое археология знает, пожалуй, каждый ученик. А вот Володя Дмитриенко, Игорь Николаенко, Саша Водопьянов и другие ребята не только знают, что это наука, но и сами принимали непосредственное участие в раскопках. Да, в самых настоящих археологических. Этим ребятам хватало времени в летние каникулы и порыбачить, и в футбол поиграть, и на то, чтобы заниматься раскопками древнейших захоронений. Возглавляет их преподаватель Волоконовской средней школы А. Г. Николаенко.

Я сам заинтересовался и побывал в Лубянках на месте раскопок. Должен сказать, что ребята проявляют к этому занятию огромный интерес, очень трудолюбивы и пример в этом прежде других подает их учитель.

Жаль только, что мало ребят увлечено этим делом. Некоторые, возможно, боятся трудностей. Мальчишки здесь одновременно приобретают трудовые навыки, обогащают свои знания, изучают историю родного края. Ведь во время раскопок Анатолий Григорьевич уводит их своими рассказами в далекое прошлое наших предков. И кто знает, может это маленькое увлечение — начало их большого пути в интересную и увлекательную науку — археологию.

Н. ВОДОПЬЯНОВ, механизатор СУ'я.

Исследуя археологические памятники VIII—X веков в Волоконовском районе, учащиеся и очевидцы наших полевых работ задают вполне закономерные вопросы, связанные с прошлым временем. Кто жил на берегах Оскола и Тихой Сосны в далекие времена? Местное ли это поселение или переселенцы? Если пришли, то откуда и зачем? Какое отношение имеет наш край к Хазарскому каганату? Кто такие хазары? Как называлась культура VIII—X веков и каков ход ее развития?

Публикуя эту статью, я попытаюсь дать ответы на эти вопросы на основе ранее высказанных предположений или убедительно доказанных гипотез и исследований. Учитывая многое из того, что добыто о Хазарии нашими учеными-хазароведами, в некоторых случаях я высказываю и свои предположения. Статья должна привлечь внимание учителей истории, краеведов, учащихся и всех тех, кто более углубленно интересуется историей своего края.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Третий год силами археологической секции учащихся Волоконовской средней школы продолжается изучение археологических памятников района и особенно Волоконовского ямного и Нижне-Лубянского катакомбного могильников, относящихся к салтово-маяцкой культуре VIII—X веков.

Уже более полувека внимание русских и зарубежных археологов привлекает эта своеобразная и высокая культура, созданная народами, входившими в Хазарский каганат. Два памятника: Маяцкое городище (Воронежская область) и Салтовский могильник (Харьковская область), открытие которых возбудило интерес ученых к средневековой юго-востока Европы, дали имя всей культуре: салтово-маяцкая, или салтовская. В XIX веке в России было известно около десятка памятников этой культуры, расположенных, как правило, на высоких правых берегах Дона и его притоков.

«Археологическое изучение их началось в 1900 году, когда учитель Верхне-Салтовской школы В. А. Бабенко раскопал несколько катакомб на знаменитом теперь Салтовском могильнике, расположенном на невысоких холмах правого берега Северского Донца, рядом с развалинами белокаменной крепости VIII—IX веков и огромным селищем».¹

Бросающаяся в глаза близость салтово-маяцкого могильника к аланским могильникам Северного Кавказа уже тогда привела некоторых ученых к логическому заключению об этнической близости носителей обеих культур. Однако, несмотря на очевидность этого вывода, многие исследователи (Д. Я. Самоквасов, Д. И. Багалеи, В. А. Бабенко) полагали, что такая высокая культура, как салтовская, могла принадлежать только господствующему в те века в степях народу, а именно хазарам (в узком смысле этого слова).

Дискуссия об этнической принадлежности салтово-маяцкой культуры проходит красной нитью через все крупные или обобщающие работы, посвященные этой культуре. Известный советский археолог И. И. Ляпушкин не считал салтовскую культуру в широком смысле понятия аланской. Все памятники южного варианта этой культуры (Нижнее Подонье) он относит к праболгарам. Другой известный археолог М. И. Артамонов, отнюдь не называя культуру хазарской, полагает, что она оставлена народами, входившими в Хазарский каганат, — алано-болгарами и, вероятно, хазарами. Некоторые же ученые относили эту культуру к венграм или славянам.

¹ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Москва, 1967, стр. 3.

В ходе дискуссии ближе всех подошел к истине в своей блестящей работе «История хазар» М. И. Артамонов. В последующие годы, используя в полной мере накопившийся археологический материал, один из ведущих специалистов салтовской культуры С. А. Плетнева развивает и углубляет выводы М. И. Артамонова в своем исследовании «От кочевий к городам».

Территориально эта культура в период своего расцвета (VIII—IX века) охватывала не только районы Подонья, но и Приазовье, Дагестан, Крым, Приднепровье, Северный Кавказ, Северо-Восточную Болгарию и Среднее Поволжье. С каждым новым сезоном открываются новые археологические памятники в указанных районах, имеющие многие тождественные черты с салтово-маяцкой культурой.

Параллельно с изучением салтово-маяцкой культуры шли поиски собственно хазарской культуры, которые заканчивались безрезультатно.

Письменные источники оставили сравнительно многочисленные сведения о хазарах. Название «хазары» было известно уже первому русскому летописцу, автору «Повести временных лет». И с тех пор оно упоминалось в русской исторической литературе неоднократно. Однако, кто такие хазары и что такое Хазария, никто толком не знал, потому что в отличие от прочих народов, имевших предков и потомков, у хазар ни тех, ни других не было обнаружено. Больше того, народность, в течение почти целого тысячелетия обитавшая в такой хорошо изученной местности, как междуречье Волги, Дона и Терека, где согласно всем летописным источникам, размещался Хазарский каганат, почему-то не оставила после себя никаких археологических памятников.

Хазары, как и все прочие люди, пользовались посудой. А где же черепки, первая находка археологов? У хазар было два крупных города — Итиль на Волге и Семендер — на Тереке. Где их остатки? Хазары умирали — куда девались их могилы? Хазары размножались — с кем слились их потомки? И, наконец, где располагались поселения хазар, те самые «села и нивы», которые князь Олег, по словам А. С. Пушкина, «обрек мечам и пожарам»?

Соседние народы оставили о хазарах огромное количество сведений, иногда совпадающих, а иногда исключających друг друга. Мы легко можем прочесть, какие победы одерживали хазары и какие поражения они терпели, но где они жили, какими были их быт и культура — представления не имеем. Иными словами, до сих пор не была открыта территория, на которой жил собственно хазарский народ, хотя довольно точно были известны

границы каганата. Такие вопросы и проблемы стояли перед некоторыми учеными, занимающимися историей хазар.

Заметим, что в Дагестане у селения Агач-Кала был раскопан могильник, который, по мнению многих ученых, был отнесен к собственно хазарам. И вместе с тем руководитель раскопок К. Ф. Смирнов справедливо заметил, что агачкалинская культура северного Дагестана сходна с аланской. Она принадлежала населению хазарского времени и представляет или самих хазар или родственное с ними племя. Возможно, это были барсилы, не отличавшиеся от хазар. «В свете приведенных данных трудно допустить, — писал М. И. Артамонов, — что культура хазар существенно отличалась от салтовской с одной стороны, и от агачкалинской — с другой». Казалось почти ясным и реальным, что не надо искать собственно хазар и их археологическую культуру. Но поиски того и другого продолжались. Вероятно, гипотетическое воздействие оказывали письменные источники, надежды на время и недостаточно имеющийся в наличии археологический материал.

В начале 60-х годов организуется экспедиция под руководством Л. Н. Гумилева на Нижнюю Волгу и Терек в поисках собственно хазар и их культуры. В итоге — следов Итиля на Волге не обнаружено. В дельте же Волги были обнаружены погребения, отнесенные Л. Н. Гумилевым к «хазарским».

Последующее время показало, что такие тождественные погребения обнаружены во многих районах, входивших ранее в Хазарский каганат. Фактически ни собственно хазар, ни их культуры обнаружено не было. Результатом же этих экспедиций было создание теории о гибели хазарской культуры в связи с трансгрессией Каспийского моря в XII—XIV веках, когда уровень моря поднялся и оно затопило те районы, где по письменным источникам жили собственно хазары. Теория о так называемой «Хазарской Атлантиде» появилась в книгах, журналах, но проблема собственно хазар решена не была.

Несостоятельность этой теории сейчас убедительно доказана дагестанскими археологами путем изучения археологических памятников. Их предположительно можно отнести к собственно хазарам, под которыми, вероятно, в письменных источниках авторы подразумевали разноэтническую многоплеменную массу.

Собственно Хазарии как таковой не было, потому что с самого своего возникновения и первых упоминаний хазары неотрывно сосуществовали с родственными племенами в составе определенной военно-административной единицы, куда входили: савиры, берсула, беленджер, а также более мелкие группы болгар. Все они стали называться хазарами.

Возможно, что какое-то время была определенная группа населения, вокруг которой шло объединение других племен. Но для истории это был короткий миг, за который трудно оставить памятники материнской культуры.

Естественно, что, растворившись во многих родственных племенах, хазары, вероятно, ничем не отличались от них.

Анализируя письменные источники, основные статьи и работы по хазарской истории, и, самое главное, учитывая все археологические находки времен и границ Хазарского каганата, можно с большой долей истины предполагать, что этноним «хазар» имел такое же собирательное и общее значение, как раньше «гунны» или «сарматы». Хазария представляла собой конгломерат различных, взаимовлияющих друг на друга этнических групп, состоящих в основном из ираноязычных аланов и тюркоязычных болгар.

Исследованиями С. А. Плетневой доказано, что салтово-маяцкая культура была распространена почти во всей Юго-Восточной Европе, куда входило пять выделенных вариантов этой культуры: верхнедонской, нижнедонской, приазовский, крымский и дагестанский. Салтовская культура, таким образом, и является той культурой, которая была присуща всему населению Хазарии. С полным основанием можно утверждать, что пять вариантов были объединены Хазарским каганатом. За весь период существования каганата не было и не могло быть другой культуры, кроме салтово-маяцкой, в основу которой легла сармато-аланская культура родственного болгарам и хазарам Тюркского каганата, а также мощные культурные влияния Закавказских государств и Византии. Соединенные в одном котле, все эти культурные традиции и влияния послужили толчком к сложению салтово-маяцкой культуры. Итак, если говорить о культуре в границах каганата, то ее можно назвать и хазарской. С политической точки зрения она и есть хазарская.

Однако мы знаем, что границы ее значительно превосходят государственные границы Хазарии. Помимо громадной территории, на которой попадаются салтово-маяцкие памятники, и северокавказская Алания стала в VIII—IX веках районом этой культуры в одном из ее многочисленных вариантов.

Принципиально возражая этому утверждению, археолог-кавказовед В. А. Кузнецов пишет: «С этим нельзя согласиться. Нет никаких оснований самостоятельную и наделенную оригинальными чертами северокавказскую аланскую культуру приводить до положения «варианта» салтово-маяцкой культуры».

Используя благоприятную мирную обстановку в VIII—IX веках, а также оседание недавних кочевников на землю, салтово-маяц-

кая культура повсеместно распространяется по всему каганату в одном из своих вариантов возникает в верховьях Подоалья. Археологи предполагают (и не без основания), что основными создателями ее являлись болгары, смешанные с некоторым количеством алан, то есть этнической основой этой культуры является сармато-тюркская.

Видимо, истоки салтовской культуры надо искать с конца IV века (370 год), когда полчища гуннов ворвались в Прикаспий и разгромили аланские племена, имеющие сарматскую основу. Вместе с гуннами пришли и болгары.

В последующие века многочисленные тюркские племена и образования, проживая на общей территории с сармато-аланским населением, оказывая взаимное влияние, испытывая в свою очередь влияние местного населения Кавказа и Византии, развивали ту культуру, которая достигла наивысшего своего расцвета в VIII—IX веках. В доказательство приводим такие факты: в Дунайской Болгарии элементы данной культуры появляются с VII века, а в Дагестане — с III—IV-го. Именно с последнего района ведущие элементы этой культуры распространились на огромных просторах Юго-Восточной Европы, по всей территории каганата.

В состав верхнедонского (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры входила и лесостепная часть Припосколья, в том числе наш район. Об этом варианте не сохранилось никаких сведений в литературе того времени. Богатый и развитый народ как будто совершенно не участвовал в общевосточной жизни. «Это наводит на мысль, что имя аланов скрыто в источниках под каким-то другим общим названием. Археологические материалы... позволяют думать, что аланы Верхнего Дона слились с основным населением Хазарского каганата — болгарам!»¹. Более чем вероятно, аланы и болгары, жившие в нашей местности, назывались хазарами, память о которых осталась в русских летописях. Места поселений этого, не вдруг появившегося варианта, тяготеют к речным долинам Оскода и Тихой Сосны. В последние годы нами открыты ряд селищ, городищ, могильников. К ним относятся Афоньевское городище и селище, селища Столбище I и II с могильником, Ютаповский комплекс памятников (три селища, городище и два катакомбных могильника), Заломенское селище, Волоковинский ямный могильник, Средне-Лубянское, Пятницкое и Погромское селища. По Тихой Сосне — городище и селище у села Красное Городище.

О происхождении нашего (лесостепного алано-болгарского) варианта салтовской культуры в отечественной археологии суще-

¹ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Москва, 1967, стр. 186.

ствуют две различных точки зрения: либо этот вариант является результатом автохтонного развития местного сармато-аланского населения первой половины I тысячелетия, либо он является результатом миграции кавказского аланского населения, передвившегося в начале VIII века на север.

Еще в 1927 году Ю. В. Готье в статье «Кто были обитатели Верхнего Салтова?» высказал внешне эффектное предположение о происхождении верхнедонского варианта. Утверждая, что салтовская культура принадлежит аланам, он предполагал, что существовавшие ранее в Подонье сармато-аланские племена были подвергнуты ударам гуннов и бывший единый по территории сарматский массив был рассечен на двое. Одна часть алан (южная) отошла под прикрытием Кавказских гор, а другая разве не могла, откатившись к северу, сохраниться в лесах и перелесках Верхнего Подонья? Того, что могло случиться в IV веке, не мог отметить и засвидетельствовать никто. Писатели классические и восточные не имели предствления о том, что происходило к северу от полосы гуннского пашества. А когда появилась русская летопись, аланских поселений по Донцу и Дону уже не было.

Так память об аланском «острове» на пограничье леса и степи не могла отразиться в письменных источниках. От него остались лишь вещественные памятники, нуждающиеся в наше время в кропотливой и сложной расшифровке. Ю. В. Готье, предполагая, что донецкий вариант — звено какой-то разорванной цепи, подразумевал под цепью общую территорию расселения сармато-аланских племен, а под разорванными звеньями — северокавказских и донецких алан. Учитывая этническую близость этих культур, исследователь зачеркивал то большое тождество, которое уже к тому времени наблюдалось в материнской культуре Северного Кавказа и донецких алан и которое не могло быть таким, если бы донецкие аланы были автохтонным (коренным) населением.

Другую гипотезу в своей работе «Памятники салтово-маяцкой культуры» выдвинул известный советский археолог И. И. Ляпушкин, который писал: «Появление в VIII веке в пограничье лесостепи и степи оседлого населения, оставившего салтово-маяцкую культуру, может быть объяснено только как результат расселения племен этой культуры, обитавших до того времени в центральной части Северного Кавказа. Хазары на границе Европы и Азии создают свой каганат. Устанавливается относительное затишье. Оседлое население получило возможность выйти за пределы той территории, на которой оно вынуждено было замкнуться в течение ряда столетий. Именно в это время начинается продвижение роменской группы славян в лесостепь и пограничные районы юго-во-

стока. Нет никакого сомнения в том, что подобное устремление в лесостепные и пограничные с ними районы имело место и из предгорий Северного Кавказа. Памятники салтовского типа, тождественные одновременным памятникам центральной части Северного Кавказа, являются наиболее убедительным доказательством этого процесса. Так и только так, нам кажется, могло появиться население салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона».

С использованием археологического материала гипотеза Ляпушкина оказалась более приемлемой. Главное, в ней признается миграция населения с Северного Кавказа. Однако следует обратить внимание на понятие «расселение», которое обычно предполагает в движении какой-то определенный промежуток времени. За это время могли появиться, по пути расселения, хотя бы небольшие катакомбные могильники между Приазовьем и Верхним Подоньем. Таких могильников пока не обнаружено.

Катакомбный обряд погребения, принадлежавший аланам салтовской культуры, существовал на Северном Кавказе и Верхнем Подонье. Южная граница территории лесостепного варианта, занятой катакомбными могильниками, почти совпадает с границей степи и лесостепи. (В нашей местности эта граница проходит южнее Валук — А. Н.). Таким образом, учитывая это обстоятельство, мы отрицательно относимся к способу переселения северокавказских алан через неорганизованное и бесцельное, слишком далекое расселение уже оседлого земледельческого населения.

Профессор С. А. Плетнева, присоединяясь к мнению Ляпушкина, считает более вероятной другую гипотезу: «Катакомбные могильники в Подонье принадлежали выходцам из северокавказских областей — аланам, вынужденным покинуть насиженные предгорья на рубеже седьмого и восьмого веков...».

Эта гипотеза подкрепляется более вескими доказательствами. Таким образом, обитателей Верхнего Подонья можно связывать с аланам, переселившимися из нескольких областей Северного Кавказа. Особенно много племенных групп ушло из центральных областей Северного Кавказа (из района современного Пятигорска) и с побережья Каспийского моря. Причиной вынужденного переселения алан, в том числе и в наш район, по этой гипотезе являются походы арабов на Северный Кавказ и разрушение аланских крепостей. Особенно разрушительным был поход арабского полководца Мервана в 735 году.

Археологический материал дает профессору С. А. Плетневой дополнительные доказательства того, что после сокрушительных ударов арабских войск в начале VIII века остатки многих разоренных войной аланских родов отступили, видимо, вместе с войсками

Хазарского каганата на север, за Дон. А затем, поднявшись по рекам, осели на удобных, паномниающих родные горы, высоких прибрежных холмах в верховьях Дона и его притоков.

На наш взгляд, наиболее доказанной и убедительной является именно эта гипотеза. Но вместе с тем, мы попытались еще раз проанализировать международную ситуацию того времени и, учитывая известные археологические данные, дать объяснение причинам появления аланского массива в Верхнем Подонье. Нас интересовали следующие вопросы: каковы были взаимоотношения между северокавказской Аланией и Хазарским каганатом? Кто заселял территорию Верхнего Подонья до прихода алан? Каковы были взаимоотношения этого населения с хазарским правительством? Что происходило в это время на северо-западе Верхнего Подонья?

На основе обобщающей литературы по салтовской культуре на эти вопросы можно ответить так. Северокавказские аланы и хазары могли быть в союзных отношениях. Тем более нам известен метод управления хазарских властей, согласно которому хазары оставляли в неприкосновенности социальную организацию подвластных народов и ограничивались вниманием с них положенной дани и обязанностью оказывать военную помощь. В обеспечение покорности они брали заложников, в отдельных случаях присылали к подчиненным своего правителя — тудуна, который не заменял местных властей, а лишь контролировал их деятельность.

В этот период хазарское господство для народов Восточной Европы было не столь обременительно, потому что оно спасло эти народы от нападения арабов и давало возможность личного обогащения племенной верхушке. Все вместе взятое обеспечивало популярность Хазарского каганата и внутренний мир в его державе.

В IX веке арабские писатели характеризуют северокавказских алан как сильный народ, во главе которого стоит царь.

Для того, чтобы иметь спокойную обстановку, аланы могли активно поддерживать хазар во многих вопросах внутренней и внешней политики. Однако мы не должны забывать, что Хазария имела военное превосходство и племена в своем составе удерживала и посредством военного принуждения.

Чтобы ответить на второй и третий вопросы, сделаем небольшой экскурс в седьмой век. В 30—40 годах этого века все племена Подонья были объединены болгарским вождем Кубратом в

Великую Болгарию. Объединение кочевников было непрочным и вскоре распалось. Одно из болгарских племенных объединений, входивших в этот союз, — котраги, отделившись, осталось на издавна освоенной им территории, к западу от Дона. Возникший в середине VII века Хазарский каганат мог сохранить свою роль в качестве наследника тюркского государства только посредством быстрого увеличения своих сил за счет присоединения соседних племен. В первую очередь родственных, но враждебных хазарам болгар, которые, оказав упорное, но разрозненное сопротивление, вскоре были разгромлены.

Часть болгар, преследуемая хазарами, в 660 году ушла на Дунай, другая, подчинившись, осталась на месте. Котраги, вероятно, также признали свою зависимость от хазар. Может быть, они лишь несколько продвинулись в верховья Северского Донца. О дальнейшей судьбе болгар Приазовья сведений не много. Зато, начиная с X века, в восточных, русских и византийских источниках все чаще упоминается государство болгар на Средней Волге и Нижней Каме. Вероятно, какая-то часть болгар в период их разгрома хазарами могла отойти на Среднюю Волгу. Но где находилась эта группа перед отходом на Волгу?

По исследованиям В. Ф. Геннинга и Н. Я. Мерперта, предполагается расселение этой группы в нашем крае. Всякая иная локализация, кроме северо-востока современного Подонья, создает непреодолимые трудности в их движении на Среднюю Волгу.

Заселяя край перед приходом алан, болгары могли находиться здесь и раньше, переходя со своими кочевьями границу степи и лесостепи. Но для нас наибольший интерес представляет предположение, что и через нашу местность проходил уход болгарских племен с территории Хазарского каганата. Археологические же данные со Средней Волги свидетельствуют о том, что болгарские переселенческие волны были неоднократными и первое появление болгар на Волге датируется рубежом VII—VIII веков.

Естественно предположить, что враждебные отношения к хазарам недавно разгромленных болгар выразились в уходе на Среднюю Волгу. Но почему через верховье Подонья? Вероятно, не только потому, что это был самый короткий путь. Более вероятно то, что болгары знали о положении в этом районе, до которого еще не дошла сильная рука хазарского правительства. Проход на Волгу оставался открытым, а колонизационные попытки славянских племен также не препятствовали уходу.

Северо-запад и северо-восток Подонья являлись тем участком, через который проходила утечка теперь уже хазарского населения в лице определенной части непокоренных болгар. Предположить,

что хазарское правительство смотрело на это равнодушно, нельзя. Надо было закрывать проход, укреплять границу Верхнего Подонья. Но для этого у хазар не было ни сил, ни возможностей, так как с конца VII века и до 737 года они вели тяжелую и изнурительную войну с арабами.

Обратим внимание еще на одно немаловажное событие. В то время, когда хазары вели войну с арабами, начинается заселение земель, ранее принадлежавших болгарам, славянскими племенами полян, северян, вятичей. Все эти племена заселили обозначенные земли в летописи области не ранее конца VII — начала VIII веков. Вероятно, что колонизационные устремления славянских племен были неприемлемы для Хазарского каганата. К середине VIII века, таким образом, верховья Подонья представляли слабое и ненадежное место в пограничной системе Хазарского каганата.

Поход Мервана в 737 году был последним крупным военным предприятием арабов против хазар. Хазария стояла на краю гибели и спаслась лишь благодаря недостатку сил у арабов. Сильнейший удар, нанесенный Мерваном, заставил хазар проявлять большую осторожность и осмотрительность в своих отношениях с арабами, на время прекратить нападения на Закавказье и, вероятно, заняться делами на своей северной границе. Необходимо было укрепить этот пограничный участок, закрыть болгарам путь на Среднюю Волгу, приостановить колонизационное продвижение славян и наложить на них дань.

Поскольку решение этих задач требовало длительного времени, хазарское правительство могло заселить край только постоянно и поседло живущим населением, через массовую и целевую колонизацию. Кочующий контингент для лесостепня не подходил, надежных сил на месте не нашлось. Поэтому наиболее подходящей была избрана часть аланского населения Северного Кавказа. На наш взгляд, в колонизационный поток вошли аланские группы из различных районов Северного Кавказа, что подтверждается наличием в донецких катакомбных могильниках некоторых различий в погребальном обряде.

Быстрому переселению способствовали походы арабов на северокавказские аланские земли. Ограбленное и обедневшее население должно было, положительно восприняло это переселение и составило основное ядро заселивших Верхнее Подонье алан. Трудно представить, чтобы эти задачи хазарское правительство решало в период войны с арабами. Такое передвижение могло быть организовано в период мирных отношений с арабами в промежутке от 737 по 763 годы. Именно в это время в нашем крае стали функционировать аланские памятники лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.

Нельзя конкретно что-либо сказать о методе переселения — был ли он насильственным или добровольным? Уместно отметить, что в это время у алан прочной централизованной организации не существовало, и вожди действовали в соответствии со своими частными интересами.

Передвижение групп аланского населения было, видимо, быстрым и активным. Расселившись по берегам Среднего Дона, верховьям Северского Донца, в лесостепной части Оскола и по берегам других мелких рек, аланы сливаются с ранее находившимся здесь населением — болгарами и создают систему укрепленных пунктов в виде городищ, белокаменных крепостей и цитаделей.

Обживая край и развивая салтово-маяцкую культуру, алано-болгарское население представляло для славянских племен тех хазар, память о которых сохранили древнерусские летописи.

Итак, к концу VIII века владения Хазарского каганата на севере вплотную подходили к землям славянских племен — вятичей, северян, полян, на которых хазары и наложили дань. Северные границы каганата были довольно сильно укреплены. Сидевшие в белокаменных замках феодалы оберегали их от вторжений славян на территорию каганата. Они собирали с ближайших славянских поселков дань, а с окрестного алано-болгарского населения — подати. На определенное время (возможно, до конца IX века) было задержано передвижение болгарского населения на Среднюю Волгу, расширялось и углублялось взаимовлияние салтово-маяцкой и славянской культуры.

Сделав попытку объяснения причин переселения алан с Северного Кавказа в район Верхнего Подонья, мы не претендуем на бесспорность наших дополнений к гипотезе происхождения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, а также по поводу других вопросов этой культуры, гипотетичность которых не вызывает сомнений.

ЖИЛИЩА ОСКОЛЬСКОЙ ХАЗАРИИ

По материалам полевых работ краеведческой группы «Алан»

Известно, что в VIII—X веках юго-восточная часть современной Белгородчины входила в границы Хазарского каганата. Сейчас обнаружены многочисленные памятники этого времени в Шебекинском, Волоконовском и других районах, подтверждающие, что здесь проживали древние болгары и аланы.

Попытаемся реконструировать жилища этих народов, память о которых оставили нам древнерусские летописи.

Одним из основных элементов материальной культуры общества является жилище. Не зная, в каких жилищах находились люди в определенную историческую эпоху, нельзя составить достаточно конкретное и яркое представление о самой эпохе. Комплекс построек, куда обычно входят: жилое помещение, загоны для скота, дворы и усадьбы, — важный признак, определяющий экономику, культуру и оседлость того или иного населения.

Для салтово-маяцкой культуры характерными формами жилья были юрты, полуземлянки и наземные жилища. В полуземлянках проживало основное население Верхнего Подонья, юрты же ставили на лето богатые люди, да часть болгарских племен, еще не расставившихся с кочевым бытом своей прошлой истории. Знатные феодалы, владея большими стадами скота, по возвращении с кочевий продолжали жить в привычном для них уюте юрты и только с наступлением холодов переходили в белокаменные наземные жилища. Шатры и каменные дома располагались на мысовых городищах, которые в эпоху раннего Средневековья являлись своеобразными замками хазарских феодалов.

Если об этих формах жилищ мы можем только предполагать, опираясь на материалы других исследований, то наличие полуземлянок в Оскольской долине подтверждается раскопками юных археологов на Ютановском, Столбищенском и Заломенском поселениях.

В последние годы на Ютановском селении, расположенном на территории центральной усадьбы совхоза «Волоконовский», при охранных работах вскрыто и изучено семь полуземлянок, в Заломном — одна, на Столбищенском поселении — две.

Полуземлянка, как форма жилья, является надежным критерием, определяющим степень оседлости того или иного народа. В VI—X веках она была основной формой жилища у славянских племен, граничивших с Хазарским каганатом. Для алан, прибывших на Дон с юга, возникла необходимость такого жилища, в котором можно было бы переносить холодные и долгие зимы непривычного климата. Эта же необходимость появилась и у древних болгар, оказавшихся в это время на границе леса и степи. Данный период их истории ознаменовался дальнейшим процессом оседания на землю, что, естественно, вызвало поиски такой же рациональной формы жилья.

И выход был найден. Алапо-болгарское население начало строить полуземлянки, позаимствовав конструкцию у соседей — славян.

Первый этап строительства начинался с сооружения коглована. Обычно он был прямоугольным или квадратным, не превышал

по площади 25—30 квадратных метров. Полом будущего жилья служило ровное материковое дно котлована. Характерно, что при разной его глубине (не превышающей одного метра) строители доходили до материка, который представлял плотные слои глины, камень или мел-монопиг.

Если грунт был мягкий или песчаный, то пол всегда подмазывался несколькими слоями желтой глины.

На втором этапе возводились стены столбовой или срубной конструкции. В большинстве случаев преобладали первые. Только однажды мы могли убедиться, что в одной из полуземлянок Залюмерского селища был сруб, ранее опущенный в котлован, в остальных же исследованных жилищах стены надежно воспроизводятся как столбовые.

Неопровержимым доказательством этого являются ямки, обнаруженные в полу котлована. По периметру стенок иногда расчищалось 2, 4, 8 и более углублений от когда-то вкопанных столбов. При возведении стен использовались хворост, глина, доски или плахи.

Как же крепились стены в котловане и над уровнем земли? В настоящее время еще нельзя утверждать о скреплении их посредством железных гвоздей. И все же плахи скреплялись надежно. Они прижимались к стенкам котлованов с помощью столбов или входили в пазы угловых «стояков». При таком способе крепления стенки в верхней своей части подсыпались грунтом, который вместе с котлованом обеспечивал не только надежность соединения, но и сохранение тепла в суровые зимы.

Наружная подсыпка вокруг стен создавала как преимущества, так и неудобство — в присыпанных стенах трудно сделать окна. Нельзя полностью отрицать их отсутствие в таких жилищах, однако надо отметить, что основным источником освещения были двери. Через них проходил не только дневной свет, но и дым от постоянной топки печей и очагов.

Труднее было реконструировать верхнюю часть полуземлянок, то есть крыши. Можно предполагать, что жилища Поосколья имели односкатную или двускатную кровлю. Она могла быть плетневой или дощатой. Деревянная крыша обмазывалась глиной и присыпалась слоем земли для утепления. Кроме того, слой земли предотвращал многочисленные пожары, возникавшие в поселениях с деревянными постройками.

Важный элемент жилища — источник тепла. В этом отношении салтовцы использовали не только свои, традиционные открытые очаги, но и воспользовались гоговой формой печки-каменки, переняв ее у живших рядом славян. Интересно, что обнаруженные на Юга-

новском поселении очаги находились в центре полуземлянок, являя своим расположением пережиток раннего образа жизни (кочевники всегда размещали очаги в центре юрты).

Очаги были не единственным источником тепла. Во многих полуземлянках они дополнялись угловыми очажками и печами-каменками. Диаметр очага зависел от площади жилья. В Ютановке обнаружен очаг, диаметр которого превышал один метр.

Неоднократные наблюдения краеведов позволили зафиксировать многочисленные развалы печей-каменок. Для их сооружения использовались камень-песчаник или бракованные жернова. И те и другие не имели следов обмазки или раствора. Вероятно, кладка камней производилась «насухо».

В полу жилищ салтовцы отрывали несколько хозяйственных ям. В этих своеобразных «холодильниках» сохранялись продукты и напитки. Здесь же, на стенах, и вдоль них размещалась нехитрая деревянная мебель, бытовые предметы, орудия труда, конская сбруя и вооружение.

Достаточно уверенно можно предположить место выхода у жилищ, расположенных на склонах холмов. Вход в таких полуземлянках находился с нижней стороны склона и представлял ступени, обшитые досками. В случаях же глубоко опущенного пола роль лесенки заменяла деревянная колода-болванка с вырубленными в ней уступами.

Каждая рядовая семья в поселениях владела небольшой усадьбой, куда кроме полуземлянок входили загон для скота (утепляемые на зиму), подсобные помещения, хозяйственные ямы и погреб. Особенно многочисленны хозяйственные ямы. Защищенные шалашами, с обмазанными стенками, они надежно сохраняли мясо-молочные продукты, овощи, фрукты и зерно.

Не имея определенной планировки, поселки были компактными и густо населенными. Усадьбы в них размещались на незначительном расстоянии друг от друга, недалеко, по окраинам, дымили гончарные печи, горны для выплавки железа и другие производственные сооружения.

Городища и неукрепленные селенца тянулись сплошной цепью по берегам и поймам Оскола, Тихой Сосны и реки Волчьей. Древние писатели, отмечая высокую плотность аланского населения Северного Кавказа, сообщали, что утренние крики петухов в одном поселении можно слышать, находясь в другом. Это же применимо и к району Поосколя. На 15-километровой полосе правого берега Оскола (в пределах Волоконовского района) нами обнаружены три городища и девять поселений, подтверждающих существование громадного контингента алано-болгарского населения.

Оно находилось на степени устойчиво-оседлого образа жизни. Высокий уровень его экономики не исключал, а наоборот, активно содействовал признанию опыта других народов, что подтверждается результатами наших полевых исследований.

ЖЕРНОВА ОСКОЛЬСКОЙ ХАЗАРИИ

«Седая древность» при всех обстоятельствах остается для будущих поколений необычно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития...»

(Ф. ЭНГЕЛЬС).

Обследуя поселения VIII—X веков на территории нашего района, юные археологи собрали коллекцию целых и фрагментированных орудий помола зерна. Жернова обнаружены при первичной пахоте культурного слоя поселений. В одной из полуземлянок Столбищенского поселения они послужили материалом для сооружения печи-каменки.

Только один из жерновов изготовлен из ракушечника и имел явно привозное, южное происхождение, а остальные восемь высечены из песчаника местных залежей. В целом жернова не противостоят тем характерным чертам, которые ранее отметили при их описании другие исследователи. Они представляют круг с отверстием в центре. Разделяются на два вида в связи с наличием горизонтальной либо вогнутой рабочей поверхности.

В наших находках почти все жернова являются верхними бегунами с грубо обработанной поверхностью, на которой имеются 1—3 углубления для рукоятки.

Тяжелые и массивные, они длительное время служили в быту алао-болгарских семей Северо-Западной Хазарии и обнаружены на Афоньевском, Столбищенском, Ютановском, Нижне-Лубянском поселениях. Диаметр жерновов колеблется в пределах 40—50 см; наибольшее сечение — 6—12 см; диаметры центральных отверстий — 3—8 см.

Если внешне бегуны грубо обработаны, то рабочая поверхность имеет концентрические бороздки или насечку в виде сплошных углублений диаметром 3—5 мм. и глубиной 2—3 мм.

И то и другое представляет для нас несомненный интерес, поскольку является результатом рационального начала в процессе конструирования и изготовления. Это подтверждается жерновыми поставками уже нашего времени, где основным рабочим органом являлись парные каменные жернова. Рабочие поверхности их имеют засекаемые бороздки, кромки которых измельчают материал.

Кроме того, они позволяют вентилировать зону измельчения и служат для транспортировки измельченного продукта к ободу.

Надо же было кому-то придумать этот элемент размельчения, чтобы через тысячелетие оставить его признанным в современных машинах по размолу зерна! Все мы знаем, что без ранних достижений не было бы нынешних. И все-таки удивительное совпадение такого конструктивного элемента, как наличие концентрических бороздок в ручных мельницах IX и жерновых поставках XX века!

Вероятно, что силошная насечка, так же, как и бороздки, образуя кромки и углубления, предназначалась для тех же целей — измельчать зерно и вентилировать зону измельчения. Перед нами не только факт усовершенствования, но и доказательство определенных физико-технических знаний у ремесленников-камнетесов Оскольской Хазарии.

Особый интерес вызывают центральные отверстия, имеющие в некоторых случаях сужения на половине своей глубины. Если посмотреть их разрезы, то можно заметить, что как верхние, так и нижние диаметры конусовидно расширяются. И это не случайно, хотя на первый взгляд это не имело никакого значения.

Зная необходимость центрации верхнего жернова, очевидно должны вспомнить, что в трудный послевоенный период население пользовалось ручными деревянными мельницами, имевшими общий принцип действия и устройства с парными каменными жерновами.

Верхняя деревянная болванка центрировалась железной пластинкой, имевшей сквозное отверстие, через которое проходила ось значительно меньшего диаметра, чем само центральное отверстие. Эта модель имела железный обод, предохраняющий бегун от влияния центробежной силы. Обод же содействовал сбору муки и направлению ее в носик-слив.

В древнерусских парных жерновах верхний бегун центрировался при помощи железного вкладыша-перекладки.

Рассматриваемые жернова IX века не имеют углублений-упоров для вкладышей и пластин, однако роль их в определенной степени выполнило сужение центрального отверстия-ячеи.

Из других, менее значительных усовершенствований явилось наличие на внешней стороне верхнего жернова круговой, чуть вогнутой площадки вокруг ячеи. Не вызывает сомнения, что на эту площадку ставился какой-то сосуд, выполняющий роль лейки при засыпке зерна.

Все жернова имеют воронкообразные углубления верхних частей ячеи, что создавало удобство при засыпке зерна. Несколько ямок-углублений для деревянных рукоятей обеспечивали посто-

янную скорость вращения и являлись запасными на случай износа.

Был ли обод-шина и как происходил сбор муки при этой конструкции? На это трудно что-либо ответить. Практически же опыт населения тех времен не оставил этот вопрос без ответа. Рассмотрев конструктивные элементы ручных мельниц IX века, читатель вместе с нами, вероятно, придет к выводу, что население Верхнего Подонья в VII—X веках занималось земледелием и вело устойчиво-оседлый образ жизни. Кроме того, среди населения была группа людей, занимающаяся изготовлением жерновов, — ремесленники-кампессы.

Пашенное земледелие и жизненная необходимость требовали не только большого количества каменных ручных мельниц, но и развития их форм с применением рациональных элементов конструирования. Находки жерновов на оскольских поселениях подтверждают это.

ДЕРЕВЯННЫЕ НАХОДКИ ВОЛОКОНОВСКИХ АРХЕОЛОГОВ

С 1973 года членами археологической секции Волоконовской средней школы ведутся охранные раскопки на катакомбном могильнике в Нижних Лубянок. Незначительность объема раскопок исключает возможность более точно датировать этот памятник, поэтому за основу берем более широкую дату, а именно IX век.

Могильник является составной частью Ютановского комплекса салтово-маяцкой культуры и в общем-то не имеет никаких резких отличий от других катакомбных могильников лесостепного алано-болгарского варианта. Однако в ходе полевых исследований нам удалось обнаружить ряд предметов из дерева, имеющих достаточно полные формы, что является редким явлением при раскопках салтово-маяцких памятников.

Еще ранее многими исследователями многократно зафиксированы следы использования дерева в разных сферах жизни салтово-маяцкого населения: строительстве, вооружении, сельском хозяйстве, быте. Кроме того, в находках имелись и инструменты деревообделочного производства. Но конкретных изделий из дерева, особенно посуды, почти не имелось, хотя керамический комплекс и представлен очень богато.

Почти в каждой катакомбе мы встречали целые экземпляры или фрагменты изделий из дерева — украшения, гребни, шкатул-

ки, чаши, ножны, седла. На фоне этих находок выделяются комплексы катакомб № 1 и № 5, давшие по набору деревянной посуды сравнительно хорошей сохранности. Удалось проследить, что посуда изготовлялась посредством точения и долбления. При определении способа точения мы имели в виду признаки, выделенные Б. А. Колчинным при исследовании новгородской посуды, то есть абсолютную концентричность всех линий, повторение профиля по кругу как внешней, так и внутренней стороны, повторение на всей поверхности изделия по кругу какой-либо технологической ошибки.

Столовую посуду и шкатулки подразделяем по способу производства — на группы, а по назначению — на типы. Первая группа — точеной посуды — имеет типы: чаши и шкатулки. Во второй группе — долбленой или резной посуды — выделяем типы: ковши, блюда, солонки, ложки.

Хорошо прослежены формы чаши из пятой катакомбы. Имея глубокую полусферическую форму, чаша несла в придонной части ярко выраженное ребро. Сверху сосуд оканчивался заостренным откинутым венчиком, снизу — невысоким круглым рельефом. Изготовлена из ясеня. Идентичная по размерам и форме чаша обнаружена при расчистке другой камеры. Очевидно, чаши занимали большое место у населения и служили для горячей и холодной жидкой пищи.

Так, описывая быт тюрков, автор письменного источника «История агван» сообщает: «Там мы увидели восседание их (тюрков за трапезой), склонившихся на колени... каждого с миской, полной мяса от нечистых животных, при мисках и чаши с соленой водой, куда макали куски, когда они ели». Кроме того, за этой же трапезой наблюдалось черпанье отвара большими роговыми или деревянными ковшами-ложками. Это сообщение для нас важно, так как оно подтверждает назначение и широкое распространение трех типов деревянной посуды: мисок, чаш и кошвов, две последние формы которых встречаются в наших археологических раскопках.

Наиболее частая находка в катакомбах Нижне-Лубянского могильника — фрагменты ковшиков. Большинство находок представляют небольшие плоские ручки с остатками венчика. По способу производства все ковши относим к группе резной посуды, произведенной долблением или вырезанием с последующей тонкой зачисткой. Среди них преобладают фрагменты небольших, не более 0,5 литра по объему ковшиков с короткой ручкой. Материалом для их изготовления была березовая древесина. Предназначались они, видимо, для зачерпывания холодных и горячих напитков и воды.

Так же, как и чаши, они имели широкое бытование среди насе-

ления Хазарского каганата, о чем подтверждают письменные источники. Большие и малые ковши были обычной посудой, что отражено и в фольклорном материале. В одной из осетинских сказок говорится: тем, кто хотел сразиться с великаном и осилить его, подавали выпить молока из большого-пребольшого ковша.

Среди найденной посуды своей величиной и формой выделяется ковш из пятой камеры. Имея в отличие от других ковшей плоское и мощное в сечении дно, последний был снабжен еще и зооморфной ручкой. Видимо, он выполнял роль сосуда для подачи на стол воды и напитков. Прослежено, что данный ковш выдолблен из корневища березы и поэтому может называться ковшом-корешушей.

Необходимо остановиться еще на одной форме ковшиков, вероятно, имевших плоское дно на невысоком круглом поддоне. Сами по себе они напоминают чашу малых размеров: круглый поддон, полусферическая форма с острым и откинутым венчиком, врезная канавка в придонной части, плоская и короткая ручка. Нам кажется, что внешняя поверхность таких ковшиков подправлялась на токарном станке, либо на каком-то другом приспособлении, имеющем вращательный момент. Единственный полусохранившийся экземпляр имел на себе следы ремонта: в предохранение от расширения трещин на внешнюю и внутреннюю стороны венчика и тулова была наложена пластинка, которая крепилась тремя бронзовыми гвоздиками. Создавалась видимость окантовки сосуда бронзовыми пластинками. Кроме всего прочего, эта находка подтверждает то, что в погребальные сооружения ставились в большинстве своем сосуды — не только глиняные, но и деревянные.

Следующим типом посуды в группе долблено-резной является солонка с круто расходящимися наружу стенками тулова и венчиком. Изготовленная из березовой древесины, она имела плоское дно, круглую в плане форму и тонкую, зачищенную внутреннюю и внешнюю поверхность.

Двумя различными формами представлены блюда. В целом это мелкие сосуды с большой по площади рабочей поверхностью и широкими горизонтальными бортиками. Предназначались они для подачи сухой пищи на стол.

В катакомбе-1 были обнаружены фрагменты мелкого и круглого в плане блюда с плоским и широким венчиком. Другая форма представлена блюдом-столиком.

При опросах местное население часто упоминало о находках на

разрушаемой части могильника дубовых столиков на четырех ножках, что и подтвердила пятая катакомба. Прямоугольная, с закругленными углами рабочая поверхность столика была изготовлена совместно с круглыми в сечении ножками из березы. Они несут на себе четкие вертикальные следы обработки лезвием ножа или другого орудия. На такое блюдо можно было не только положить сухую пищу, но и ставить при подаче на стол более легкую посуду, то есть оно могло выполнять роль подноса.

Последним типом столовой посуды являются фрагменты ложек. В катакомбе-1 обнаружена совместно с ковшом и блюдом ложка, лопасть которой в одной горизонтальной плоскости с ручкой. Вероятно, такой же была ложка из катакомбы-5, ручка которой найдена нами в целом виде с небольшим язычком для подвешивания на венчик сосуда. Кроме того, в этой же катакомбе обнаружены два достаточно полных фрагмента ложек из березовой древесины, имеющих более сложную форму. Между черенком и лопастью они имеют крутой перелом. В плане—лопасти грушевидные. Выполнять роль половников они не могли, хотя имели достаточно большую площадь. Применялись они при употреблении жидкой пищи, и, вероятно, из более глубоких сосудов, чему способствовал крутой перелом.

Такова характеристика деревянной посуды, которой пользовалось население, проживавшее в VIII—X вв. в районе Волоконовки. В связи с отсутствием или незначительными находками деревянной посуды в салгово-маяцких памятниках, в поисках аналогий мы обращаемся на Северный Кавказ — непосредственно к одному из вариантов этой культуры, и к соседней — славянской культуре.

Салтовский мир не был изолированным в своих племенных границах и оказывал определенное влияние на формы и технологический процесс в сфере материального производства окружающих народов. В свою очередь он впитывал в себя довольно мощные влияния славянских народов и своих составных частей, особенно северокавказских областей. Этот обоюдный процесс затрагивал, естественно, и деревообделочное производство. Сейчас еще трудно четко установить эти двусторонние связи по причине малочисленности салтовских деревянных находок. Однако надо принять во внимание, что ложки с крутым переломом в новгородских раскопках находятся в самых нижних слоях (середины X в.) и наиболее близки по времени к салтовским. Многие новгородские чаши имеют почти одинаковую форму и способ изготовления с фрагментами нами обнаруженных чаш.

Рим-горские раскопки аланских катакомб (район г. Кисловодска) так же дают многие тождественные формы деревянной

посуды и датируются X—XII веками. В катакомбе -48 (Рим-гора) есть находки чаши, по форме и назначению тождественной нашим. Здесь же найдены ложки с заостренными лопастями. В катакомбе-49 (там же) найдены косметические шкатулки, которые встречаются в северокавказских атланских катакомбах. Нередки они и в наших раскопках, правда, фрагментами. Широкое применение косметики в салтово-маяцком обществе требовало массового производства таких шкатулок, что выражено в погребальном обряде двух вариантов единой культуры — Верхнего Подонья и Северного Кавказа.

На целом экземпляре нами достаточно уверенно прослежено, что изготовлена данная шкатулка на токарном станке или приспособлении, с использованием березовой древесины. Таким образом, народы, окружавшие и входившие в Хазарский каганат, имели близкие формы деревянной посуды, что в какой-то степени говорит о взаимовлиянии в этой отрасли ремесленного производства.

К сожалению, трудно что-либо утверждать о наличии токарного станка у салтовцев без находки его деталей. Возможно, это было какое-то простейшее приспособление, но в том, что оно существовало, нет сомнения. Свидетельство тому — резцы с других памятников и посуда токарного производства, найденная в катакомбах Нижне-Дубянского могильника.

Что же касается долблено-резной посуды, то наличие многообразия ее форм. При этом надо признать, что некоторые элементы форм повторяются в гончарном производстве. Например, короткие и плоские ручки для ковшиков, чаши и ковшики, сходные с гончарными мисками и так далее.

Необходимо остановиться еще на одной находке — деревянной рукоятки мотыжки. Впервые встреченная в полном виде в салтовских древностях Подонья, она заставила пересмотреть наши взгляды на само назначение мотыжек. Данная рукоятка имеет Г-образную форму, что впервые было обнаружено раскопками С. А. Плетьевой на Дмитриевском могильнике. Изготовлена она из березовой древесины и обработана ножом. Круглое сечение рукоятки имеет 2,5 см, а по длине — 32 см. Схема формы удобна для затесывающего движения и похожа на современное топорище.

Предполагать, что только мотыжка с такой рукояткой служила орудием для выдалбливания погребальных камер, землянок — нельзя. Во-первых, у нее мала общая производительность, во-вторых, такая в общем-то слабая рукоятка не могла бы выдержать сильной физической нагрузки, которая необходима при сооружении котлована. Однако при сооружении камер-катакомб и т. д. она использовалась, о чем свидетельствуют следы этого орудия по

стенкам. Именно таким орудием с короткой ручкой можно работать в камере, расширяя ее размеры.

Предполагается, что для основной работы с грунтом было какое-то другое, более мощное и производительное орудие. Мотыжка же служила для вторичной обработки котлованов и камер. Кроме того, судя по этнографическим материалам, мотыжки выполняли роль тесла в деревообрабатывающем производстве.

Таким образом, ясно видна универсальность этого орудия. Поскольку салтовское население считало «потусторонний мир» продолжением земного, то умерший должен был обладать универсальным орудием. Таким, наряду с ножом, являлась данная мотыжка-тесло, которая часто, в связи с этим, встречается в погребальных камерах.

Исходя из наших находок, салтовцы в процессе деревообделывающего ремесла обладали всеми известными приемами работ: точением, долблением, строганием, сверлением, рубкой, теской и раскалыванием. Последние три операции уверенно прослежены на деревянных могильных обкладках Волоконовского ямного могильника и деревянных настилах и плахах Нижне-Лубянского катакомбного могильника.

Наличие этих технологических операций подтверждается не только находками деревянных предметов из наших раскопок, но и многочисленными находками орудий деревообделочного производства из ранее производимых раскопок в других районах. Этими орудиями явились топоры, ножи, тесла, сверла, токарные резцы, долота.

Трудно делать какие-либо выводы об организации и степени специализации этого производства. Но на фоне уже имеющихся находок, письменных источников и логических рассуждений можно смело утверждать, что оседлое население Верхнего Подонья хорошо знало физико-механические и технические качества древесины из местных пород дерева. Тем более, что достаточно уверенные данные о развитии деревообрабатывающего ремесла на территории Хазарии дает нам один из ценных письменных источников — «История агван» Моисея Каганкатваца, писателя X века. Так, например, перед уничтожением канищ, идилов и святых деревьев на территории Дагестана в период хазарского политического управления епископ Исраил «приказал священникам взять в руки топоры... Священники, устремившись в рощу, срубили все деревья. Немедленно он приказал принести их в город Варачан и, призвав к себе искусных плотников города, приказал им сделать прекрасный кругловатый крест...».

Развитие металлургического и кузнечного ремесла, потребности

оседлого образа жизни, наличие местной древесины в лесостепной части, и, наконец, совершенные технологические навыки привели деревообрабатывающее производство к массовому развитию. Без этого не могли существовать быт, войско, строительство, сельское хозяйство, а также само ремесло салтово-маяцкого общества. Предметы из дерева заполняли большую долю жизни салтовцев и, пожалуй, по значимости и необходимости стояли рядом с керамическим материалом, который в силу своей специфичности дошел до нас более массово и в лучшей сохранности.

Оседлый и оседающий образ жизни алано-болгарского населения в IX веке требовал развития ремесел вообще и обработки дерева в частности. Это было необходимо и закономерно. Об успехах деревообработки и ее массовом существовании говорят археологические находки, в том числе и из катакомб Нижне-Лубянского могильника.

ОРУЖИЕ ОСКОЛЬСКОЙ ХАЗАРИИ

В катакомбах Нижне-Лубянского могильника найден определенный комплекс наступательного оружия и конской сбруи. Находки показывают, что для населения, оставившего этот археологический памятник, конь, оружие и сбруя были такими же средствами «производства», как и любое другое орудие труда.

Имея полный комплекс оружия, можно наглядно представить не только общий характер жизни и быта, но вместе с тем узнать многое из общественно-политического и экономического состояния той или иной эпохи.

Аланское население, проживающее в IX веке на территории нашего района, судя по Нижне-Лубянскому могильнику, имело в своем арсенале сабли, боевые топоры, луки и колчаны со стрелами, ножи. Все они наступательные и предназначались для вооружения всадника и войска, имеющего в своей основе кавалерию и тактику стремительного рассыпного боя.

Наиболее дорогим, редко встречающимся видом оружия является сабля. Наличие сабли у племен, входивших в состав Хазарского каганата, подтверждается историческим памятником «Повесть временных лет». Старцы хазарские, увидев русскую дань в виде меча, говорили: «Мы доискались ее (дань) оружием, острым только с одной стороны», то есть саблями.

Кроме того, хазарские сабли в сравнительно большом количестве найдены и при раскопках Салтовского могильника, а также на Северном Кавказе и в других местах, входивших в гра-

ницы Хазарского каганата. В целом же в погребениях они встречаются крайне редко, а в Нижне-Лубянском катакомбиом могильнике только в двух камерах мужчины похоронены с саблями. В праболгарском могильнике Волоконовки вообще не имелось вооружения, видимо, сабля была очень дорогим оружием и положить ее в могилу могла только богатая семья.

Но дороговизна оружия была не единственной причиной, по которой оно переходило от отца к сыну. Очевидно, здесь имел место какой-то обычай, связанный с почитанием этого оружия. Вполне возможно, что отсутствие сабель во многих богатых погребениях аланских воинов свидетельствует об обрядовой передаче клинков по наследству. Причем, в аланских семьях обряд совершался лишь в том случае, если умерший оставлял после себя сына, прошедшего обряд посвящения. Если же его не было, саблю клали в могилу воина — таковы предположения профессора С. А. Плетневой.

Исходя из этого, можно сказать, что найденные в Нижних Лубянках две сабли принадлежали молодым воинам от 12—15 и не более 25 лет. Вполне вероятно, что они не имели еще наследников.

Обе погребальные камеры отличались своей величиной. Но если одна была коллективной усыпальницей и в связи с этим насыщена, кроме оружия, предметами украшения, то другая была индивидуальной и имела только комплекс оружия воина. Как в той, так и в другой, саблям сопутствовали другие виды оружия: боевые топорки, колчаны с наконечниками стрел, лук.

Аланское население, проживавшее в VIII—IX веках на юго-востоке нашей области и входившее в Хазарский каганат, безусловно, хорошо знало приемы владения саблями. Многие воины-дружинники, составлявшие основу пограничных отрядов, были оснащены этим оружием.

Наиболее же частой находкой в нижнелубянских катакомбах являются боевые топоры ближнего боя. Они обнаружены в одиннадцати катакомбах, что составляет почти половину исследованных погребальных сооружений. Все топоры принадлежат мужским погребениям разных возрастов. Форма их отличается многообразием и неповторимостью. По высоте они составляют 14—18,5 см, наибольшая ширина боевого лезвия равна 3,5—7 см.

Боевой топор являлся универсальным оружием в руках опытных аланских наездников, поэтому он был непременной принадлежностью каждого воина как при жизни, так и после смерти. Многообразие форм и большое количество топоров подтверждает местное производство этого вида вооружения и доказы-

вает, что основу войска Северо-Западной Хазарии составляли конные воины-дружинники.

Незаменимым оружием для кочевых и оседлых народов на протяжении тысячелетий являлись лук и стрелы. В погребениях VIII—IX веков могильников Верхнего Подонья находки этого популярного оружия довольно редкие. Только в богатых могилах, где есть сабли и топоры, иногда лежат остатки луков, колчанов, стрел. В этом отношении характерны катакомбы № 3, 6, 25, в которых обнаружены железные, черешковые, трехперые пакощечники стрел. Здесь же найдены железные скобы и крючья от деревянных колчанов.

Очень редки в алапских катакомбах раннего Средневековья костяные накладки луков. Мы имеем единственную находку четырех костяных накладок, происходящих из катакомбы № 25. Судя по другим исследованиям, можно предполагать, что алапо-болгарское население использовало и такие виды вооружения, как копья, кинжалы, кистени и лассо.

Аланы были известны как искусные всадники. Лошадь у них играла значительную роль не только в хозяйственном отношении, но и с точки зрения военной. Она была незаменимым средством передвижения при стремительных и длительных походах.

Необходимым снаряжением для всадника являлась конская сбруя: седло с железными стременами и удила с уздечкой. Каждая из них имела свое значение и взаимозависимость. Стремена могли появиться лишь с возникновением жесткого седла, сабля же, как новый вид вооружения, появляется с возникновением стремян. Находки сбруи в охранных раскопках единичны.

Единственный и полный набор этого снаряжения обнаружен в катакомбе № 6. У ног богатого, имеющего при жизни высокое общественное положение человека, находились остатки деревянного седла, покрытого берестой. Здесь же найдены железные удила, остатки двух стремян, имеющих прямоугольно-овальную верхнюю часть.

Многочисленные фрагменты узких и широких ремней, украшенных 114 бляшками из оловянистой бронзы, доказывают наличие богатой уздечки. Из этой же катакомбы извлечено круглое кольцо и два больших бронзовых бубенчика. Среди случайных находок Ютановского могильника надо указать на так называемый «сбруйный клад», куда входят удила и четыре железных пряжки разных размеров (две из них с «язычком»).

Таким образом, материалами из наших охранных раскопок доказано, что среди аланского населения, проживающего в VIII—IX веках в лесостепной части Оскольской долины, вы-

делялась значительная часть, занимавшаяся военным делом и входившая в дружины местных феодалов.

Население Подонья делилось на два класса. Одни составляли земледельцы, ремесленники и беднейшие кочевники, другой — предводители и наиболее богатая часть воинов-всадников. Особенно много воинов-дружинников жило на пограничных землях Хазарского каганата. Поэтому так высок процент погребенных воинов в Салтовском, Дмитриевском и Нижне-Лубянском могильниках.

Вероятно, причину столь высокого развития воинского дела надо объяснять теми задачами, которые стояли перед аланским населением. А эти задачи, по нашему предположению, состояли в том, чтобы закрыть участки северо-западной границы Хазарского каганата. Именно в то время через наши края продолжали уходить на Среднюю Волгу не покоренные болгарские племена. Надо было приостановить центробежные устремления болгар из районов Приазовья через Верхнее Подонье на Среднюю Волгу, а также задержать славянскую экспансию на юг. Выполнять эти задачи могли воины-всадники аланских поселков, располагавшихся на юго-восточной территории Белгородской области.

ДРЕВНИЕ МЕТАЛЛУРГИ ЮТАНОВКИ

По материалам полевых исследований краеведческой группы

«АЛАН»

При изучении археологических памятников VIII—X веков мы обратили внимание на длинный перечень находок из железа. Сюда относились как орудия труда (ножи, зубило, серп, мотыжки и т. д.), так и предметы вооружения — сабли, боевые топоры, накопичники стрел, сбруйные пряжки.

Естественно, у любого из нас часто возникали вопросы: местного ли производства эти предметы? Выплавлялось ли железо на территории района в древности? В начале трудно было дать однозначные ответы, хотя мы часто фиксировали в формовочной массе керамики постоянное присутствие крупных частиц металлургического шлака.

Шло время. На селницах у Нижних Лубянок, Ютановки, Столбища и Афоньевки найдены сотни килограммов металлургических шлаков. Обычно они являются прямым доказательством местного производства железа. Особенно много таких доказательств оказа-

лось в Ютановке. На склонах холмов мы зафиксировали кусочки обожженной руды, разрушенные тигли из огнеупорного материала. Все это подтверждало местное производство железа, но было много неясного: откуда поступало сырье для древних металлургов? Какова технология выплавки?

Изучая вопросы металлургии и металлообработки у восточных славян, мы получили возможность в какой-то степени представить развитие металлургии и у их соседей — алан и болгар, проживавших по берегам Оскола.

Как оказалось, древние металлурги Поосколья могли работать на широко распространенном виде сырья — болотной руде. Составленная академиком Б. А. Рыбаковым карта показывает, что южная граница распространения болотной руды совпадает с границей лесостепи, включая, таким образом, и нашу местность. Болотная руда — бурый железняк органического происхождения. Содержит от 18 до 40 процентов железа. По своим технологическим качествам болотная руда была наиболее подходящим сырьем для средневековой металлургии, так как она принадлежит к наиболее восстанавливаемым породам. Залегают такая руда на дне болот, озер или выходит в разрезы речных берегов.

Основные компоненты руды — это окись железа и кремнезем, который можно удалить из руды еще до процесса плавления путем размола, просеивания и промывания (эти операции называются обогащением руды). Этнографические материалы упоминают следующие процессы обогащения руд: просушка, обжиг, измельчение, промывка, просивание. Вполне понятно, что эти же операции применялись и металлургам Ютановского поселения.

Добывали руду обычно летом, месяца два сушили, дробили, обжигали. Затем начинался самый трудный и ответственный этап работы — выплавка железа из руды. У многих народов древности железо «варилось» в горнах, сопровождаясь сыродутным процессом. Сущность последнего заключается в том, что руда, засыпанная в печь поверх горящего угля, подвергается химическим изменениям: окислы железа (руда) теряют кислород и превращаются в железо, которое густой тестовидной массой стекает в нижнюю часть печи. Это и называется восстановлением железа.

Необходимым условием для восстановления является постоянный приток воздуха — дутье. Оно считается «душой» плавки и применялось для повышения температуры горения, создания газовой тяги, интенсивного образования окиси углерода. Нагнетался «сырой», непрогретый воздух. Отсюда и весь процесс плавки назывался сыродутным.

Считается, что у мастеров салтово-маяцкой культуры (VIII—

X вв.) был приблизительно такой же технологический путь получения железа.

В 1966 году при раскопках Волчанского городища археологи обнаружили шлаки, древесный уголь, фрагменты горна. По этим находкам удалось реконструировать железоплавильный горн, для которого был присущ именно сыродутный способ производства.

Подходил к концу полевой сезон 1978 года, и мы произвели последний контрольный осмотр Ютановского поселения. Вот тут-то наше внимание и привлекло обожженное пятно глины в дорожном обрыве. Оставлять обследование до весны было непростительно. Очередная подчистка дороги могла уничтожить то, что скрывалось за этим пятном. Два осенних воскресенья мы посвятили раскопкам...

Расчищена сохранившаяся часть топочной камеры с материковым воздухопроводом, патрубков-сопло из огнеупорного материала, боковое отверстие. Обнаружено много металлургического шлака, древесный уголь, кусочки руды и фрагменты тигля-домницы. Вот они, «железные» доказательства местной металлургии VIII—X веков!

Для салтово-маяцкого общества это было не случайным, а закономерным явлением. Известно, что носители ее достигли больших успехов в развитии многих видов ремесла, и открытый краеведами факт совершенного по тому времени способа производства железа является не лишним аргументом в подтверждении этого высокого развития.

Новые данные порождают бесконечные вопросы: какова форма тигля-домницы и температурного режима в ней? Сколько осталось железа в шлаках? Какова производительность труда средневековых металлургов? Вопросы — не самоцель. Ответы на них дадут дальнейшие исследования древней истории края.

Впереди следующий полевой сезон, а вместе с ним — новые интересные находки и открытия далекого и загадочного прошлого.

ЗА XV ВЕКОВ ДО ОЭМК

К истории развития черной металлургии в лесостепном Поосколье

ФАКТЫ ГОВОРЯТ...

Бурное освоение железорудных богатств Курской магнитной аномалии вызвало у нас вполне естественное стремление заняться изучением истории развития черной металлургии в Белгородском крае. В немалой степени этому способствуют археологические раз-

ведки, проводимые в зоне лесостепного Поосколья красведческой группой «Алан».

Уже первоначально мы обратили внимание, что на площади многих поселений встречаются металлургический шлак и фрагменты тиглей, в которых плавилась железная руда. На одних поселениях их было много, на других меньше. Но всегда шлаки и обломки тиглей сопровождалась керамикой, которая относилась к распространенной в Подонье салтово-маяцкой культуре и датировалась VIII—X вв. нашей эры.

Тщательный анализ керамики выявил весьма любопытную деталь. Оказалось, что во многих черепках есть мелкодробленые шлак и фрагменты тиглей. Использование этих материалов в качестве примеси — технологическая особенность гончарного производства Подонья, вызванная обилием отходов металлургического ремесла.

Перечисленные факты неоспоримо свидетельствовали о развитии металлургии на территории КМА в VIII—X вв. нашей эры.

ГОРНЫ ЮТАНОВСКОГО ТИПА

Шло время. На карте Приосколья появлялось все больше открытых поселений, стоянок, городищ. Но не было металлургических горнов. С настойчивостью осматривались надпойменные террасы Оскола между Валуйками и Новым Осколом. И наконец, удача — обнаружен горн хорошей сохранности у с. Ютановки (позже он вошел в науку как горн ютановского типа).

Через три года еще открытие. В 1982 году в Черняпском районе, у села Ездочное, найден и исследован металлургический комплекс, состоящий из горна, агломерационных ям и хранилищ для древесного угля и железной руды.

Как же был устроен горн ютановского типа?

Центральную часть горна занимала камера в виде колбообразного тигля. Условно мы называли ее колбой. Формовалась она из песка, глины и какого-то связующего компонента, который остается пока неизвестным. В нижней части колбы, по бокам, делались два отверстия диаметром 1,5—2 сантиметра. Они предназначались для подачи воздуха. Высота колбы 65—75 см, ширина у места максимального расширения плечиков 60—65 см.

Внутренний объем — 0,07—0,08 куб. м. Верхняя часть тигля (20x18 сантиметров) являлась колошником горна. Внизу колба имела отверстие для выпуска шлаков и извлечения крицы. Толщина стенок тигля 3—40 миллиметров. После заготовки тигля, в материковой глине выкапывалась овальная в плане яма-шахта глубиной 100—105 см. В ней устанавливалась колба. Свободное прост-

ранство между стенками шахты и колбой заполнялось песчаной футеровкой. Шахта с установленной колбой соединялась наклонным каналом с пригорновой ямой.

В колбу загружали железную руду, древесный уголь и другие, необходимые для производства железа, компоненты. Чтобы повысить температуру, в тигель, сквозь отверстия, подавался, не прогретый, «сырой» воздух. В камере происходил процесс прямого восстановления железа из руды, который называется сыродутным. В ходе плавки шлак, оседающий на дно колбы, выпускался через отводной наклонный желоб в пригорновую яму. Таким путем извлекалась и крица. Весьма интересно, что этот же метод прямого восстановления железа из руды будет и на Оскольском электрометаллургическом комбинате (ОЭМК).

После нескольких плавок внутренние стенки тигля покрывались толстым слоем шлака, объем камеры уменьшался, появлялись трещины, стенки прогорали. Отслужившую свой срок колбу мастер извлекал из ямы и выбрасывал. Развалы выброшенных колб мы обнаружили на оскольских поселениях.

Кроме Оскола, такой материал обнаружен в верховьях Северского Донца и на Дону, у Маяцкого городища. Он свидетельствует о том, что лесостепное междуречье Северского Донца и Дона в VIII—X вв. являлось крупным центром черной металлургии в Юго-Восточной Европе.

ИСТОКИ БЕЛГОРОДСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

Установив, что сыродутные горны принадлежали алано-болгарским племенам Подонья, мы, тем не менее, должны были заняться вопросом генезиса (происхождения) этих горнов. Поиски аналогий оказались безрезультатными — на соседних и удаленных территориях прямых аналогов ютановскому горну не было.

А может быть начало горну искать здесь, в Поосколье? Но этого нельзя было и предполагать. Считалось, что в крае до VIII века не было оседлого населения. Данное положение определялось отсутствием поселений первой—третьей четверти I-го тыс. нашей эры.

Однако с каждым годом археологическая ситуация на Осколе все более разъяснялась. Были открыты поселения II—V вв., а затем и V—VIII вв. н. эры. В последние годы обнаружены развалы колб ютановского типа, которые сопровождалась не круговой керамикой салтово-маяцкой культуры, а вылепленной вручную. По

ряду признаков лепную керамику и сопутствующие ей колбообразные тигли мы отнесли к V—VIII ввкам. Такая датировка — один из основополагающих факторов в изучении истории развития металлургии Подонья.

Становится очевидным, что наш край в третьей четверти I-го тысячелетия н. э. был заселен довольно оседлым населением.

Истоки черной металлургии в Подонье (Поосколье) были заложены не в VIII—X вв., а значительно раньше, т. е. в середине I-го тысячелетия нашей эры. И сделало это местное население, достижения которого в области металлургии получили свое дальнейшее развитие в VIII—X веках. Таким образом, на протяжении второй половины I-го тыс. нашей эры район Верхнего Подонья был крупным очагом черной металлургии в Восточной Европе.

Поскольку каждая последующая культура воспринимает достижения предшествующей, при наличии населения, обладающего этими достижениями, правомерным будет наше предположение о том, что в состав доископского, салтово-маяцкого общества вошло местное население предыдущего (V—VIII вв.) периода. Судя по разведочным данным, оно было многочисленным, а поэтому не только внесло определенный вклад в развитие яркой, салтово-маяцкой культуры, но, возможно, и сохранило свое самоназвание, свое имя.

СОТВОРИВШИЕ ГОРН

Как же назывался тот народ, который проживал в нашем крае с V по VIII век, затем вместе с аланами и древними болгарами в последующие века? Кто сотворил оригинальную для своего времени металлургическую установку — сыродутный горн ютановского типа?

В поисках ответов обратимся к письменным источникам. Первый из них — «Худуд ал-Алем» («Области мира»), написан персидским Анонимом в середине IX века. В тексте рукописи подробно описана конфигурация реки Рус, расположенной в Восточной Европе. С рекой соприкасались три своеобразных города-государства: Уртаб, Салаб, Куйафа. Автор сообщает: «Есть еще река Рус, вытекающая из глубины земли Славян и текущая в восточном направлении вплоть до границы русов. Затем она проходит по пределам Уртаб, Салаб и Куйафа, которые являются городами русов... (и течет) по пределам Кипчак. Затем она меняет направление и течет в южном направлении к пределам печенегов и впадает в реку Атиль».

В Восточной Европе есть две реки с подобной конфигурацией — Днепр и Дон. Можно было бы подразумевать под рекой Рус — Днепр, если бы не упоминание кипчаков, печенегов и соседней реки Атиль (Волги). Значит неизвестный автор писал о Доне, называемым в

то время рекой Рус.

Достаточно понятно источник сообщает, что к одной и той же реке Рус (Дону) примыкают три города с пределами, т. е. принадлежащей им территории. Регион вокруг реки Рус и три города населены русами. Вполне вероятно, что владения одного из городов могли распространяться и на Поесколье.

Таким образом, становится известным, что во второй половине I-го тыс. н. э. в зоне лесостепня, от Северского Донца и до Хопра, проживали русы, которые часто упоминались восточными авторами. На этой территории находились три города-государства: Уртаб, Салаб, Куйафа. В это же самое время здесь действовали и горны ютановского типа.

Могли русы иметь какое-то отношение к обнаруженным горнам? Занимались ли они металлургией? И на эти вопросы попытаемся найти ответы в этом же географическом описании.

Характеризуя города русов, Аноним пишет: «Куйафа — это город Русц, ближайший к странам ислама, приятное место и резиденция царя. Из него вывозят различные меха и ценные мечи. Салаб — приятный город, из него, когда царит мир, ездят торговать в болгарский округ. Уртаб — город, где убивают иностранцев, когда они попадают туда. Там производятся ценные клинки для мечей и мечи, которые можно перегнуть надвое, но если отпустить их, они возвращаются в прежнее состояние».

При анализе текста заметно, что автор очень внимателен к экспортному товару русов — мечам и клинкам для мечей. Подчеркивается местное производство оружия, невозможное без развития металлургии и металлообработки. Русы Подоонья имели самое непосредственное отношение к черной металлургии. Обнаруженные развалы оскольских горнов, сопровождаемые лепной керамикой третьей четверти I-го тыс. нашей эры, вероятно, принадлежали им. Именно они являлись создателями горнов ютановского типа, в которых, должно быть, получали металл высокого качества. На это указывает и источник — клинки мечей, производимых русами, можно было перегнуть надвое с последующим возвращением клинка в прежнее состояние. Такое качество проявляется только при высокой пластичности и крепости металла. Возможно, для производства клинков русы использовали металл, близкий к булату. Естественно, такое производство было засекречено. Иначе трудно понять, почему всех иностранцев, пытавшихся проникнуть в этот район, убивали. Не могли допустить русы, чтобы их тайна в одном из видов ремесла была утрачена. Тех, кто пытался проникнуть в город Уртаб с недобрыми намерениями, ждала смерть.

Необходимо заметить, что колбы ютановского типа имеют не-

большой внутренней объем и незначительный ареал распространения. Первое объясняется тем, что металл высокого качества легче получить в тиглях с меньшим объемом. Причина второго кроется в засекреченности металлургического производства. И эти факты в какой-то степени подтверждают принадлежность некоторых горнов Оскола русам.

Рассмотренные положения о расселении русов в Подонье и их городах удивительно точно подтверждаются другим письменным источником — картой 1154 года, которую оставил нам араб Идриси. Обладавший огромной географической библиотекой, Идриси составил карту на основе более ранних и прижизненных источников. Имея определенные недостатки, она убедительна и вызывает доверие. Особая надежность карты — в реальном изображении речной системы. Здесь есть все основные реки, впадающие с севера или запада в Каспийское и Черное моря. Для читателя доступны и понятны изображения Дуная, Днестра, Днепра, Волги, Урала. Между Днепром и Волгой, несколько выпрямленная в меридиональном направлении, изображена река Русия. Это современный Дон. Никакой другой полноводной реки, кроме Дона, в этом районе быть не может. Не только персидский Аноним, но и арабский географ Идриси упорно называли Дон одним и тем же названием — Рус, Русия.

На этой же карте, между Атилью (Волгой) и Русией (Доном), на широке лесостепи, добросовестный картограф размещает группу русов и их города: Кинну (Куйафа), Салав (Салаб) и Артан (Уртаб).

Итак, оба письменных источника дополняют и взаимно проверяют друг друга. Они убеждают нас в том, что в лесостепном Подонье жил народ Рус (Рус). Здесь же были их три города-государства, в которых трудились многочисленные мастера-металлурги, сотворившие оригинальный горн.

Совокупный анализ вещественных и письменных источников позволяет сделать вывод о том, что истоки черной металлургии в Подонье (Поосколье) были заложены народом Рус (Рус) в середине — третьей четверти I-го тыс. нашей эры. В последующее время (VIII—X вв.) достижения русов-металлургов переняли алао-болгары Подонья. Проживая вместе с русами, они воспринимались иногда восточными авторами как русы.

ЗА XV ВЕКОВ ДО ОЭМК

ПОИСК

Весной 1984 года юные краеведы Волоконовки производили конт-

рольный осмотр древнего поселения Оскольское II (Новооскольского района). Поселение располагалось на дюне, еще не тронутой распашкой, в пойме левого берега Оскола. Вокруг блестели старичьи озера, в воздухе струился медовый запах вербы и слышался гул мощных самосвалов на строительстве Холковской птицефабрики. Было предельно ясно, что этот первозданный уголок Оскольской долины скоро испытает прикосновение плуга, либо в его песчаные недра врежется ковш экскаватора.

Ребята старательно осматривали площадь поселения, собирали обломки древней керамической посуды, напослали на план обнаруженные куски тяжелого металлургического шлака. Для определения мощности культурного слоя поселения они быстро заложили шурф и, поглядывая на часы (как бы не опоздать на пригородный поезд) внимательно просматривали выбрасываемый грунт.

Вдруг... на глубине 20 см от современной дневной поверхности они заметили, что вместо темного, загумусированного песка появился красный и оранжевый. Прекратились разговоры. Внимание — до предела!

Тщательно зачищается дно шурфа. На глубине 25 см на фоне серого материкового песка обозначилось красно-оранжевое пятно диаметром 80 сантиметров. В центре его хорошо просматривались контуры колошника (завалочного отверстия) древнего сыродутного горна. Так был открыт, третий по счету, древний сыродутный горн лесостепного Приосколья.

Поиск закончился успешно. Но откладывать исследование интересного объекта нельзя — в любой день могли его разрушить. Шла напряженная учебная четверть. Мы жили в 60 км от обнаруженного горна. И все же...

Девятого мая 1984 года краеведы из группы «Алап» вновь появляются у села Оскольское и с первыми лучами солнца начинают охранные раскопки. Как оказалось позже в тот день мы исследовали самый древний сыродутный горн Оскольского края.

Данная публикация впервые вводит в краеведческий оборот материалы об этой находке. Думаем, что уникальная конструкция установки вызовет интерес не только у краеведов, но и специалистов-металлургов Курской магнитной аномалии. Вот почему наше описание горна будет детальным.

ГОРН ЮТАНОВСКОГО ТИПА

В раскопе площадью 96 кв. м. была исследована древняя металлургическая площадка. Первоначально мы удалили слой загумусированного песка с включением шлака, керамики и кремневых отщепов. На глубине двадцати пяти сантиметров обозначились

13 пятен от ям различной формы. Следующий этап — исследование этих ям.

Центральным объектом на площадке оказались пригорновая яма и яма, с установленным в ней колбообразным тиглем (колбой). Они-то и составляли собственно горн.

Основная деталь горна — колбообразный тигель. Он формировался из песка, глины и какого-то третьего, связывающего компонента. Верхняя часть тигля являлась колошником горна.

Стенки тигля, плавно расширяясь от плоскости колошника, через 25 см переходили в плечики. Еще ниже, через 15—18 см колба сужалась с последующим расширением в самой нижней части. Высота тигля — 60 см, наибольшая длина (на уровне плечиков) — 65 см, наибольшая ширина (на уровне плечиков) — 30 см. Сечение стенок тигля у колошника — 5 мм, в средней и нижней частях 50—60 мм. С двух противоположных сторон в колбе пробиты два отверстия диаметром 1,5 сантиметра. Они находились над плечиками и предназначались для подачи воздуха. Внутри, стенки колбы покрыты слоем шлаковой корузы (1—8 см). В заполнении тигля — песок, шлак, древесный уголь. В его нижней части имелось овальное отверстие (32x15 см) для выпуска шлака и извлечение крицы.

Колба установлена в яме-шахте, но так, что ее нижняя часть не доходила до дна (дна ямы) 25—35 сантиметров. К моменту раскопок это пространство было заполнено песком, древесным углем и шлаком. Глубина ямы 85—87 см, длина — около 70 см, ширина — не более 40 см. Между стенками ямы и колбой находилась песчаная футеровка. В тигель загружали железную руду, древесный уголь и другие компоненты. После этого в нем происходил процесс прямого восстановления железа из руды. Вследствие высокой температуры песок, окружавший тигель был спекшимся и с различной окраской. Первоначально колбу окутывал песок розового цвета (1—3 см), затем красного (2—10 см) и оранжевого (5—20 см).

Между ямой-шахтой и пригорновой ямой имелась песчаная перегородка (25—30 см). В ее нижней части мы зафиксировали отводной канал (высота 34 см, ширина 27—30 см, длина 25 см).

Предгорновая яма была заполнена: загумусированным песком, чернометаллургическим шлаком (около 200 кг), древесным углем, фрагментами ранее функционировавшего горна, комьями оранжевого и красного песка, кусочками железной руды и обломками древней керамики. Возможно, в бытность свою, стенки пригорновой ямы облицовывались.

Еще ранее горня такого же устройства обнаружены нами у

села Ютановки (Волоконовского района) и у села Ездочное (Чернянского района). Они исследованы совместно с Оскольским отрядом Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции и в археологическую науку вошли как горны ютановского типа.

Из тринадцати зафиксированных в раскопе ям — восемь относятся к горну и составляли с ним комплекс древней металлургической площадки.

ИСТОКИ БЕЛГОРОДСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

Любой предмет древности включает в себе запрограммированные прошлым вопросы: когда оставлен, кем оставлен? Относятся они и к нашему горну.

На первый вопрос помогла найти ответ обнаруженная керамика. Мы разделили ее на две группы. К первой относятся 48 обломков, оставленные населением эпохи бронзы. Поскольку датировка сыродутного горна временем эпохи бронзы бессмысленна, эту группу керамики мы не берем во внимание.

Остается вторая группа (21 фрагмент). Здесь обломки от лепных, коричневых или серых горшков. В примеси теста — железная руда и шамот. Иногда поверхность бугристая. Венчики (верхние края) горшков срезаны наружу. Донные части массивны.

В поисках аналогий, перечисленные признаки керамики второй группы уводят нас в третью четверть 1-го тыс. нашей эры, к так называемой ньковской культуре. Она оставлена населением Днепровского левобережья в V—начале VIII вв. нашей эры.

В связи с этим сыродутный горн, обнаруженный у села Оскольское, мы также датировем V—VIII веками нашей эры и относим к распространенной в нашем крае культуре оскольско-ньковского облика.

Сыродутные горны у Ютановки и Ездочного датируются исследователями временем VIII—X вв. нашей эры. Горн у села Оскольское, таким образом, является наиболее ранним из всех, ранее обнаруженных горнов этого типа.

Наша многолетняя разведка показала, что зона Приоскольской лесостепи насыщена шлаком и развалами колбообразных тиглей. Во второй половине 1-го тыс. н. э. здесь дымились сотни горнов, у которых колдовали искусные мастера-металлурги. Пятнадцать веков назад в Оскольской долине начался первый этап освоения железорудных богатств края. Это были истоки современной, белгородской металлургии.

Удивительно, что при огромной разности в масштабах освоения — горны ютановского типа и ОЭМК (Оскольский электрометаллургический комбинат) имеют в основе своей один и тот же

технологический процесс — процесс получения железа и стали непосредственно из руды.

СОТВОРИВШИЕ ГОРН

Анализируя письменные источники арабо-персоязычных авторов мы пришли к выводу, что горны ютановского типа оставлены народом Рус.

В VI—X вв. нашей эры русы занимали территорию междуречья Северского Донца и Хопра, от берегов Черного моря до Донского лесостепья. Имея определенное государственное устройство, народ Рус состоял из многих этнических групп. Здесь были славяне, ирано- и тюркоязычные племена (в том числе аланы и древние болгары), а также незначительная группа населения скандинавского происхождения.

В различных областях указанного региона преобладал тот или иной этнический компонент — славянский, тюркский или ираноязычный. Но в границах государственного объединения все племена носили общий этноним — Рус. Возможно имя свое они восприняли от местного, скифо-сарматского населения.

Конкретно же, в зоне лесостепного Подонья (Приосколья) письменные источники размещают русов-тюрков. Они-то и являются создателями ушкальских горнов ютановского типа.

В письменных источниках нет сведений о горнах, но в них многократно упоминается о мастерстве русов при изготовлении мечей. Значит русы имели прямое отношение к черной металлургии.

Анализ письменных и вещественных источников убеждает нас в том, что горны ютановского типа, обнаруженные на территории Старооскольского, Чернянского, Новооскольского, Волоконовского и Валуйского районов, созданы народом Рус во второй половине I-го тыс. нашей эры.

ПРИМЕЧАНИЕ. Кольбообразный тигель, обнаруженный у села Оскольское, находится в Старооскольском краеведческом музее.

Юные краеведы продолжают археологическую разведку.

Результаты поиска дополнительно подтверждают наше предположение о том, что лесостепное Приосколье во второй половине I-го тыс. нашей эры являлось крупным центром черной металлургии Юго-Восточной Европы.

ЗАГАДКА „СВЯЩЕННОЙ ГОРЫ„

ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ

В любом краю найдется таинственное место, о котором давно сложены и живут многочисленные легенды и сказания. Есть и в нашей местности интересный холм. Расположенный юго-западнее Волоконовки, на правом берегу Оскола, в народе он называется «Священной горой». Над ним всегда гуляет ветер. Но сколько бы ни дули ветры, они так и не развеяли завесу тайны этого холма.

Мое поколение в детстве знало его под тем же названием. Поднявшись по крутым склонам холма, мы с высоты старались отыскать свой дом, определить расстояние до соседней деревни, охватывали взглядом просторы родного края. Уже тогда это место было для нас каким-то загадочным, таинственным. Наслушавшись «страшных» рассказов о «горе», мы не раз организованно прыгали на ее вершине, мечтая провалиться в «пещеры», наполненные древним оружием. Под ногами что-то гудело. Припадая к земле, ребячья ватага внимательно прослушивала толщи мела, но, кроме стрекота кузнечиков да песни жаворонка, мы ничего не улавливали.

Проходили годы. Детская мечта, расшифровать загадку холма, не проходила. И хотя в этом не могли помочь ни письменные источники, ни местные краеведы, поиски истины не давали покоя. Что-то правдоподобное слышалось в легендах о холме. Слишком часто в них упоминались узкогорлые керамические сосуды. Собирая «россыпь» волнующих рассказов, нам сообщили, что в «горе» есть пещеры, в которых «турки» спрятали несметные сокровища. может, сокровища вовсе не в пещерах, а в сосудах, запрятанных глубоко в земле.

Бытовал и такой вариант легенды. Лет двести назад крестьянин из Нижних Лубянок распахивал вершину холма. Соха не глубоко входила в землю, но и этого было достаточно, чтобы в борозде появился узкогорлый кувшин. Смахнув шершавой ладонью частицы пыли, крестьянин открыл сосуд. Из него вылетелось вино. Но не это удивило хлебопашца. Присмотревшись, он увидел в кувшине плавающий предмет. Быстро отбив горловину, пахарь замер от изумления: перед ним плавало живое человеческое сердце. Не рад крестьянин находке, готов возвратить ее земле.

— Не спеши, добрый человек, — грустно промолвило сердце.
— Не возвращай меня земле. Я там живу давно, с тех пор, как девушка, которой я принадлежало, ушла из жизни, отказавшись

выйти замуж за нелюбимого. Другой был мил ее сердцу.

Сказало сердце такие слова и исчезло, превратилось в ничто. Потому и холм у Нижних Лубянок называется «Священной горой» — в память о светлой и верной девичьей любви.

Много сказаний об этой высоте мы записали, но, что лежало в их основе, никто сказать не мог. Загадка «горы» не однажды будоражила умы волокончан, но так и уносили ее неразгаданной многие поколения. Кому-то надо было основательно взяться за разгадку тайны, и эту задачу попыталась разрешить краеведческая группа «Алан» Волоконовской средней школы. Она состояла из подростков, которым не сиделось дома и кого неудержимо влекла к себе древняя история края.

Проанализировав легенды и сказания, мы пришли к выводу, что без археологической науки в таком деле не обойтись. Тем более, своевременным оказалось наше увлечение этой трудной наукой о древностях. Получив Открытый лист — право на производство самостоятельных археологических раскопок, группа приступила к тщательному обследованию загадочной «горы».

Разведки по северному склону не принесли результатов. Оставался южный склон, изрезанный глубокими оврагами и многочисленными промоинами. В мае 1973 года, когда сошел уже почерпевший снег, ребята занялись его обследованием. Братья Коротких — Борис и Николай, цепляясь за колючий кустарник, осматривали стенки оврагов, оползни и глубокие расщелины. Пока самые ловкие работали на высоте, остальные подростки шли по дну оврага. Мы искали узкогорлые сосуды.

Однажды Борис, прыгнув на глиняный уступ, замер, а потом взволнованно сообщил:

— Нашел! Топорик... Множество бус...

Мои помощники рванулись к удачливому искателю. Но я возвратил их назад. Надо осмотреть дно оврага. Впереди, прикрыв весеннюю промоину, лежит огромное корневшище. Вова Пистун поднимает несколько упругих «нитей» и не верит глазам — в промоине пять узкогорлых сосудов.

Оживают сказания, в груди восторг. Вот она, основа «преданий старины глубокой!» Значит, есть в толщах холма сосуды, есть доля правды в легендах! Не дают покоя вопросы: к какому времени принадлежат находки, чьи руки сотворили эту обычную и вместе с тем не характерную для нашего края посуду? Пройдут годы, и мы ответим на эти вопросы. А пока ребята с величайшим интересом рассматривали вещественные исторические источники.

На небольшой площадке вместе с железным топором лежали кусочки древесного угля и частично сохранившееся погребение.

— Вероятно, на склоне холма древний некрополь, — решили юные археологи, продолжая извлекать бусы и другие предметы.

Так оно и было. Погребальные камеры, сооруженные глубоко в земле, уже давно разрушались оврагами. Кувшины, в которых находилась посмертная пища, не однажды скатывались на дно Гледовой балки. Потоки воды выносили их в долину Оскола. Случайно найденные людьми, они содействовали появлению всевозможных легенд и сказаний.

О найденных предметах древности сообщаем в Москву, в Институт археологии. Росмее в книгах, журналах. Обращаемся к ученым. Наконец, узнаем, что обнаруженные вещи и некрополь относятся к VIII—X векам нашего времени, к периоду расцвета салтово-маяцкой культуры.

Не успели ребята прийти в себя после первых открытий, как на «Священной горе» появился тяжелый трактор. Лемеха прицепного плуга легко резали мягкий грунт, а мы, перебегая от борозды к борозде, ждали появления все тех же узорчатых керамических сосудов. Трактор работал на том самом месте, где, по преданию, крестьянин нашел кувшин с сердцем девушки. Последняя борозда оказалась беспредельно успешной — на гребнях перевернутой земли торчали осколки семи раздавленных сосудов. Десять веков стояли незримо эти свидетели истории. В них не было ни золота, ни сердец, но факт их обнаружения был удивительным. (Как выяснилось, трактор разрушил одну из помпальных тризны, расположенных на вершине холма).

После этих находок нам не составило труда открыть на «горе» и поселение людей, оставивших некрополь. Поскольку оба археологических памятника расположены у села Нижние Лубянки, то и названы были Нижне-Лубянскими.

В деятельности группы началась полоса археологических открытий. На первый взгляд они происходили по «щучьему велению». Но за всем этим скрывались огромный труд, собранность и целеустремленность ребячьего коллектива. В своем увлечении мы были настойчивы. Легенды обретали плоть и становились былью. Уже можно было предполагать, что в основе тайны холма — жизнь давно ушедших поколений. Но какова она, эта быль? Кто здесь жил и чем занимался? Ответы могли дать лишь дальнейшие археологические раскопки.

«Священная гора» медленно, но верно отвечала на наши вопросы. Отвечала не спеша, испытывая волю и терпение. На склонах этого холма ребята росли и закалялись, узнали цену глотку воды и крепкой дружбе. Уставшие и грязные, в тридцатиградусную жару, они не раз мечтали окупаться в сверкающий на солнце Ос-

кол. Но еще больше хотелось поскорей узнать, что там, в земле, какую страницу истории предстоит перевернуть нашим мозолистым рукам. Надо было копать, и это «надо» было превыше всего.

Исследуя Нижне-Лубянский некрополь, мы узнали, что население «Священной горы» совершало обряд погребения в глубоких камерах-склепах. Это были семейные усыпальницы, сооруженные в плотных слоях мела, глины или камня-песчаника. Случайно обнаруженные людьми, они содействовали появлению легенд о наличии пещер в недрах загадочного холма.

В обследованных камерах находились предметы различного назначения. Имми должен был пользоваться умерший в «потустороннем мире». Языческие представления людей древности привели к тому, что в камерах оказались определенные наборы керамических сосудов, орудия труда, оружие, предметы быта и украшения. Находки представляли огромную познавательную ценность. Здесь были керамические кувшины, горшки, кружки, амфоры, баклажки, а также деревянная посуда.

Орудия труда представляли мотыжки, похи, пробойники, зубила и жернова. Из предметов вооружения обнаружили сабли, топоры, кинжалы, луки, наконечники стрел и копья.

При погребениях воинов-дружинников находились уздечки, стремена, удила и украшенные пояса. В камерах найдены тысячи бусин, браслеты, перстни, амулеты и талисманы. Сейчас эти находки заняли надежное место в хранилищах Ленинградского Эрмитажа, шефствующего над нашей группой.

ГОРОД У ЮТАНОВКИ

Расширяя поиски и дешифруя загадку «Священной горы», мы неожиданно затронули и другую тайну. Скрытая толщами земли и безвозвратно ушедшим временем, она долго ждала пытливых исследователей. Оказалось, что загадка «горы» — всего лишь часть другой великой были Оскольской долины. Она заключалась в том, что в районе Нижних Лубянок — Ютановки в VIII—X веках происходило формирование средневекового города. Нет, это был не современный город. Однако в нем были все те классические условия и признаки, которые отличали его от сельского поселения. Не забвение и безмолвие царило у Волоконовки тысячу лет назад. Здесь кипела жизнь человеческих отношений, успешно развивались производительные силы общества, происходил бурный процесс становления феодального строя. На границе леса и степи возникал город.

Чтобы вернуть эту забытую истину, нам пришлось в течение многих лет присутствовать при любых дорожно-строительных

работах в районе Волокоповки, Нижних Лубянок и Ютановки. В поле зрения были все котлованы, траншеи, ямы, борозды и карьеры. Тщательно просматривая их разрезы, мы находили остатки древних жилищ, хозяйственных ям и производственных сооружений. Проанализировав результаты собственных исследований, а также учитывая все предыдущие исследования русских и советских ученых в области этой культуры, мы получили возможность установить следующее.

В Оскольской долине, от Нижних Лубянок до Ютановки располагалось огромное поселение, представлявшее посад средневекового города. Население посада занималось всевозможными ремеслами, торговлей (местной и транзитной) и сельским хозяйством. Среди ремесленников были гончары, металлурги, кузнецы, столяры и мастера других специальностей. При обследовании центральной усадьбы совхоза удалось обнаружить гончарную печь для обжига керамической посуды, горн для выплавки железа, массу металлургических шлаков, применяемых в гончарном производстве. Вероятно, здесь располагался квартал металлургов и гончаров. Ремесленники производили свой товар для продажи и на заказ, обеспечивая им как окрестное население, так и проходящие через посад торговле караваны.

Именно в этом месте пересекались два торговых пути, один из которых был водным, другой — сухопутным. Оскол соединял Нижнее и Среднее Подонье с областью, населенной вятичами. Другой путь вел из области Верхнего Дона в земли славянского племени северян. Много времени население посада уделяло скотоводству и земледелию. Но с каждым годом эти занятия все больше и больше отходили на второй план, уступая место ремеслу и торговле.

В условиях внешнеполитической стабилизации посад не имел каких-либо укреплений в отличие от феодального замка, расположенного в районе нынешней нефтебазы совхоза. Сейчас — это высокий мыс, склоны которого круто обрываются к реке. Оконечность мыса отделена от поля двумя глубокими рвами и четырьмя валами на выкйд. Образовавшаяся площадка была обведена по периметру глубоким рвом и укреплена эскарпированием. Здесь находилась резиденция крупного феодала.

Народ, проживавший в районе «Священной горы», Ютановки и всего лесостепного Подонья, с этнической точки зрения назывался алано-болгарами. Территория, на которой он проживал в VIII—X веках, входила в состав Хазарского каганата. Алано-болгары Подонья вместе с другими племенами каганата имели общий язык, письменность, а также многие элементы материальной и духовной культуры. В связи с этим их называли хазарами. С таким именем они и остались в истории.

У населения лесостепного Поосколья так же, как и в каганате, появилось неравенство.

К эксплуатируемому большинству относилось податное, бедное население — крестьяне, ремесленники, обедневшие скотоводы и воины. Из года в год напряженно трудились они, чтобы обеспечить собственное существование и выполнять многочисленные повинности в пользу феодалов. К другому классу относились родовая и служилая аристократия, богатые дружинники. Проживая в укрепленных местах, они держали в повиновении окрестное население, возглавляли гарнизоны хазарских крепостей по Северскому Донцу, Осколу и Дону, собирали дань с подвластных племен и народов.

Алано-болгарское переселение в Подонье ускорило процесс феодализации хазарского общества, содействовало развитию производительных сил и возникновению средневековых городов. В период расцвета могущества хазар их кагану платили дань некоторые славянские племена. Вероятно, функции сборщиков дани выполняли со своими дружинами феодалы Донского лесостепья. Пока они занимались полюбьем среди своего и славянского населения, крестьяне и ремесленники алано-болгарских поселков в поте лица обрабатывали землю, выращивали пшеницу, ячмень, просо; ремесленники строили жилища и крепости, добывали руду, делали керамическую посуду, орудия труда, предметы быта.

Для укрепления государственного авторитета и собственной власти один из каганов Хазарии вместе со своим близким окружением принимает иудейскую религию. Новая религия, непризнанная большинством населения, осложнила внутривластическое положение. В каганате развиваются процесс феодальной раздробленности и борьба за власть. На его территорию вторгаются печенеги и венгры. А в это время рядом с каганатом возрело Древнерусское государство. Особождаются от хазарской дани и присоединяются к Руси славянские племена северян и радимичей. Ощутимый удар Хазарии получает от киевского князя Святослава Игоревича.

Пытаясь освободить вятичей от хазарской зависимости, он стремится нанести каганату военное поражение в области Донского лесостепья. В 965 году Святослав совершает поход в эти земли. Битва русской дружины с войском кагана завершается полным хазарским разгромом. И, как следствие, сдача русскому воцарившемуся хазарской крепости Саркел — Белая Вежа, подчинение на какое-то время алано-болгарского населения (ясов) Подонья,

нарушение торгово-экономических и военно-политических связей в каганате. Хазария доживала последние десятилетия. Разваливаясь на части, она теряла былую силу и значение. Прерывался процесс образования городов. Алано-болгарское население Подонья, вероятно, не принявшее вассалитет Древнерусского государства, начинает обратную миграцию на свою далекую прародину — Северный Кавказ. Переселение затягивается до XII века.

На берегах Оскола замирает оседлая жизнь. Укрываются пластом земли раннесредневековые следы человеческой деятельности. Донские просторы наполняются тревожным шумом половецкого и монголо-татарского нашествия. Трудно было выжить земледельцу на привольном для кочевников Диком поле, — постоянные набеги, пожарища.

В 1389 году дьякон Игнатий в описании хождения митрополита Пимена в Царьград представляет наш край совершенно безлюдным. Проплывая по Дону мимо впадения в него Тихой Сосны и других притоков, он пишет, что было это путешествие печально, кругом пусто, хотя и стояли в древности здесь грады (города) красны. (Вероятно, в XIV веке по берегам Дона сохранились остатки белостенных хазарских крепостей). Такая же картина наблюдалась по берегам лесостепного Оскола и Северского Донца.

Но не мог богатый край долго оставаться пустынным. В XVI—XVIII веках он снова принимает переселенцев. Теперь они из Русского государства и Украины. Возникают современные города, слободы и деревни. Первым поселенцам Волоконовки, Нижних Лубянок и Ютановки земля возвращает трудно объяснимые предметы из жизни их предшественников. То провалится погребальная камера на «Священной горе», то вдруг в Ютановке обнаружится узкогорлый стройный кувшин. Можно ли было не посягнуть легендам? Над одной из них мы попытались приоткрыть завесу. В тайне «Священной горы», в легенде о сосуде с сердцем девушки — эпохе далеких веков, голоса ушедших поколений.

ВЗГЛЯД В ГЛУБИНУ ВЕКОВ

Главная задача нашей краеведческой группы, действующей в лесостепном Приосколье, состоит в том, чтобы наиболее полно выяснить археологическую ситуацию данного района. До последнего времени в его древней истории «белым пятном» выделялись I—VIII века нашей эры. После долгих и упорных поисков юным краеведам удалось найти археологические памятники, оставлен-

ные населением в I—V веках н. э. Но заселялась ли Приоскольская лесостепь в V—VIII веках нашей эры? Еще в конце прошлого столетия здесь обнаружили отдельные вещи, которые были отнесены учеными к этому периоду. Но сопутствующие им поселения не удавались, и вопрос оставался без ответа.

Год за годом группа «Алан» тщательно и повсеместно обследовала Оскольскую долину. Шло накопление фактов, наблюдений, находок. Большое внимание уделялось пойме реки. Осматривался каждый квадратный метр ее площади. Это было нелегко, особенно в весеннюю распутицу. Был открыт ранее неизвестный на Сосколе слой древностей (группа находок, со своей топографией и временем бытования). Что же он собой представляет?

В основном это керамика (обломки глиняных сосудов). Ее мало, но она имеет характерные признаки. Обломки от лепных, тонкостенных сосудов, орнаментация отсутствует. Иногда только венчики (верхняя часть сосудов) имеют насечки или наливные зацепы. Среди форм выделяются горшки и сковородки. Путем магнитной сепарации удалось выяснить, что в глиняном тесте есть примесь бурого железняка (руды). Поверхность сосудов в древности заглаживалась. Из-за рыхлости теста обломки плохой сохранности, тем более, что они, в силу своей топографии, постоянно находятся в сыром грунте.

Лепной керамике в незначительном количестве сопутствует круговая, в том числе амфорная. Вместе с керамикой встречаются разбитые кости домашних животных, биконическое пряслице и сыродутный горн ютаноковского типа. Применение железной руды в качестве примеси к глиняному тесту и наличие сыродутных горнов неопровержимо свидетельствуют, что население, оставившее этот слой древностей, имело прямое отношение к зарождению металлургии в нашем крае.

Интересны размеры и топография данных поселений. По площади они небольшие и состояли из одной-трех усадеб. Кратковременность существования позволяет назвать их стойбищами. Обычно они располагались в пойме, между рекой, старицами, бесчисленными озерами и болотами. Иногда это был ровный участок, во чаще — всхолмления.

Слой древностей на поселениях незначителен и незаметен. Его можно обнаружить на пахоте или в случайных выбросах только при отсутствии травяного покрова и при тотальной разведке. Мы преодолели много водных преград, чтобы пройти на то или иное всхолмление и внимательно осмотреть его. Обильно увлажненная почва, сплошные озера, протоки, заросшие камышом и кустарником, создавали видимость размещения этих стойбищ на своеобраз-

ных островках. К какому времени относятся эти поселения, ответить трудно, имея в руках только подъемный материал. Тем более, что аналоги этому слою древностей (назовем его оскольским) пока не найдены. Остается лишь высказать предположение. Среди керамики оскольского слоя не зафиксировано ни роменской (северянской), ни боршевской (донских славян), ни салтово-маяцкой (алано-болгарской) — все три группы керамики твердо датируются VIII—X веками нашего времени.

При описании упоминалось, что среди оскольского слоя есть незначительное количество круговой керамики, которую нельзя отнести к древнерусской XI—XII вв. н. э. Вот мы и датируем (предварительно) оскольский слой древностей VI—VII веками н. э. Вполне возможно, что древности оставлены населением, которое передвигалось с востока после гунского нашествия. Смешавшись с местными жителями, обладая навыками металлургического ремесла и богатой сырьевой базой, оно и заложило основы для развития металлургии в нашем крае в последующие века (VII—X).

Хозяйственная деятельность не ограничивалась производством железа и его обработкой. В Оскольской долине в это время велась стада крупного и мелкого рогатого скота, развивались охотничий промысел и рыболовство. Топография стоянц показывает, что их немногочисленное население, вероятно, имело своеобразные пашни, которые представляли небольшие поля-огороды, орошаемые ручьями, старицами, озерами.

Возможно, обнаруженные поселения представляли специализированные стоянцы металлургов, которые в силу жизненной необходимости занимались земледелием, скотоводством и побочными промыслами. Аналогии таким стоянцам мы находим, например, в Хакасии, на Ангаре, среди памятников курыканской культуры VII—IX вв. н. э.

Население, оставившее оскольский слой древностей VI—VII веков нашей эры, было не единственным в то время в долине нашей реки. По берегам Оскола проживала еще одна группа населения. Ее гончары изготавливали лепные толстостенные, с бугристой поверхностью горшки, сковородки, диски-жаровни. В глиняное тесто они также добавляли мелкодробленную железную руду или шамот. В целом же ассортимент и форма керамики, а также технология производства совпадают с гончарным производством пеньковской культуры, распространенной в левобережье Днепра в те же времена. Поэтому другой слой древности мы называем слоем пеньковского облика.

По нашим наблюдениям оскольский слой древностей какое-то время сосуществовал с древностями пеньковского облика. В эти-

ческом плане это выглядит, как сосуществование двух разнородных групп населения. Обе группы обладали секретами металлургического производства. Именно в это время (VI—VII вв. н. э.) в зоне лесостепного Поосколья (от Старого Оскола до Валук) начинают появляться оригинальные металлургические установки, в основе которых был колбообразный тигель.

В первой половине VIII века этнокультурная ситуация в Приосколье резко изменяется. Долину реки, и особенно ее правый берег, заселяет аланское население, частично мигрировавшее с Северного Кавказа. Вместе с аланами с Приазовья передвигается и контингент древних болгар. Местное (оскольско-пеньковское) население частично сливается с пришлым и принимает активное участие в развитии яркой и самобытной салтово-маяцкой культуры. Оно делится своими достижениями в области металлургии, у алан же перенимает гончарный круг. По-прежнему их поселения находятся в пойме и надпойменной террасе левого берега Оскола.

Другая часть местного населения, вероятно, отходит на север к своим соплеменникам (территории Чернянского и Старооскольского районов), где продолжает развивать оскольско-пеньковский вариант культуры. Предварительно мы датировем его VIII—X веками нашей эры.

Археологические памятники этого варианта представлены поселениями и пунктами древней металлургии. Поселения расположены на надпойменных террасах или в пойме, на песчаных дюнах. Основу слоя древностей составляют керамика и металлургические шлаки. Керамика лещая. Фрагменты не орнаментированы, поверхность бугристая или приглаженная. В глиняном тесте — примесь железной руды или металлургического шлака.

Пункты древней металлургии всегда находятся у воды, в пойме или надпойменной террасе. На площадках пунктов зафиксированы шлаковые отвалы и развалы колбообразных тиглей, ютановского типа. Мы пытаемся найти в подъемном материале этих памятников характерные черты роменской или борщевской археологических культур, но пока безрезультатно. Вероятно, в верховьях Оскола в VIII—X веках нашей эры проживала какая-то другая группа населения, имевшая высокие достижения в области черной металлургии. Говорить о ее этнической принадлежности пока затруднительно.

Основываясь на тщательности разведки, можем предположить, что эта группа населения использовала погребальный обряд трупопожжения. И еще, она имела тесные контакты с расположенным южнее населением салтово-маяцкой культуры. Такой нам пред-

ставляется историко-археологическая ситуация на востоке и юго-востоке Белгородщины во второй половине I-го тысячелетия нашей эры. Дальнейшее исследование пластов оскольской древности, без сомнения, обогатит группу «Алан» новыми интересными данными.

НОВЫЕ НАХОДКИ КРАЕВЕДОВ

И в эту летнюю «пятую четверть» юные краеведы группы «Алан» не покидают интересной, хотя и нелегкой тропы поиска и познаний. Археологическая разведка в зоне Приоскольской лесостепи продолжается. Наш рассказ — об открытиях полевого сезона 1986 года.

В Старооскольском районе у села Нижнее Атаманское мы обнаружили три поселения, расположенные в левобережной пойме Оскола. Они небольшие по размерам, с незначительным культурным слоем (керамика, кости домашних животных, иногда куски металлургического шлака) и располагаются на чуть возвышающихся дюнах. Вокруг ручьи, протоки, старичные озера и болота. В весеннюю пору в древности такие места проживания людей выглядели своеобразными островными поселениями.

У путешественников, бывавших в нашем крае, складывалось впечатление, что население Оскольской долины проживает на островах. Так могли появиться многочисленные рассказы об «острове русов» (или «островах русов»), оставленные восточными географами раннего Средневековья.

Обнаруженные поселения мы относим именно к русам, которые жили в нашем крае во второй половине I тыс. н. эры. Два таких поселения открыты и у нас в Волоконовке, близ шкубаторной станции.

У южной окраины рабочего поселка Чернянка зафиксированы следы пребывания человека в эпоху бронзы. Здесь найдены кремневые отщепы и керамика. На правом берегу Оскола, возле чернянской мельницы юные краеведы обнаружили значительный выброс чернометаллургического шлака. Несомненно, в этом районе, во второй половине I тыс. н. эры действовали сыродутные горны. Фрагменты таких же горнов найдены и у села Песчанки Новооскольского района.

Южнее Песчанки, на берегу реки, расположено село Таволжанка. Здесь есть поселение, культурный слой которого интенсивно разрушается водами Оскола. По мнению исследователей, оно

функционировало в VIII—X веках нашей эры и оставлено алано-болгарским населением.

В 1986 году мы произвели зачистку берегового отреза с целью определения состава и мощности культурного слоя. В результате пришли к выводу, что поселение оставлено не алано-болгарцами, а местным оскольским населением, которое заселяло долину Оскола с V—VI вв. н. эры, то есть до переселения в наш край аланских и древнеболгарских племен. Тщательный анализ стратиграфии поселения позволяет утверждать, что и после прихода алано-болгарское коренное оскольское население никуда не сдвигалось и не уходило. Оно осталось на месте. Но в результате активного контакта с пришлым населением его материальная культура приобрела новые признаки, сходные с алано-болгарскими (ныне салтово-маяцкая археологическая культура).

В этническом плане местное население продолжало успешно развиваться, но уже не как самостоятельный, а составной компонент нового этнического объединения. Этот сложный процесс, вероятно, начался в Донском лесостепье и (Приосколье) в начале VIII века н. эры.

В сфере экономики коренное и переселившееся население активно обменивались хозяйственными достижениями. В итоге, лепное гончарное производство уходит в прошлое и господствующим становится круговое производство керамики, привнесенное алано-болгарским населением. Местное население Приосколья начинает производить почти такую же посуду, как и алано-болгарские мастера. Тем самым оно как бы скрыло, завуалировало себя от поколений будущих исследователей, основным материалом для которых является керамика. Вот почему до последнего времени считалось, что салтово-маяцкая керамика Подонья принадлежала в основном аланам и древним болгарам и что долина Оскола в ее лесостепной части была практически незаселенной со II до VIII в. н. эры.

Извлекая находки и изучая их, мы не раз удивлялись такому логическому несоответствию — благодатный край со всеми данными для развития производительных сил — и не заселен в течение шести-семи веков! Потребовалось 15 лет неустанных поисков, чтобы это несоответствие заменить вполне доказанной истиной: во II—VIII веках нашей эры в многочисленных поселках Приоскольской лесостепи бурлила жизнь!

В течение многих лет мы производили разведку и на территории Валуйского района. В текущем сезоне здесь открыто несколько поселений эпохи мезолита (VI тыс. до н. эры) и бронзы.

Продолжаются поиски славянских поселений VIII—X веков на-

шей эры. Однако несмотря на близость Северского Донца (где жили северяне) и Среднего Дона (место проживания донских славян), славянские археологические памятники в лесостепном Подсколье пока не обнаружены. Пребывание же древнерусского (XI—XII века нашей эры) населения в оскольском крае подтверждается нашими единичными находками керамики у села Колосково (Валуийский район) и у села Окуни (Чернянского района), а также наличием известного древнерусского памятника — Холковского городища.

Создается впечатление, что Оскольская лесостепь в это время была заселена незначительным контингентом древнерусского населения. Причиной этого являлась либо печенежско-половецкая опасность, либо присутствие какого-то другого населения, еще не выявленного археологическими исследованиями.

И, наконец, последняя находка относится к палеонтологии (науке о древних животных). Это массивная челюсть неизвестного животного с хорошо сохранившимися зубами, которую обнаружили в Волоконовке участники нашей группы Саша Ковыженко и Сережа Прилипчук. Определением ее видовой принадлежности занимается еще один активный участник наших поисков — Алеша Алейников.

Итак, «пятая» трудовая четверть юных краеведов продолжается. Об окончательном итоге полевого сезона 1986 года мы расскажем в следующий раз.

ПРИМЕЧАНИЕ

Когда готовился этот номер газеты, стало известно, что юные краеведы группы «Алан» обнаружили фрагмент своеобразной форсунки, через которую продувался воздух в камеру сыродутного горна (при выплавке железа). Место находки — село Завалишено Чернянского района. Деталь форсуночного устройства (из огнеупорного материала) относится к VI—X вв. нашей эры. Эту интересную деталь древней металлургии, пока не имеющей аналогов в отечественной археологии, а также расположенные рядом с этой находкой три поселения и пункт древней металлургии мы обнаружили с помощью местных жителей села Волоконовки Чернянского района Эмилии Георгиевны и Ивана Николаевича Бурдюговых. За это приносим им искреннюю благодарность.

КТО ВЫ, ПРЕДКИ?

К вопросу этнической истории восточной и юго-восточной части Белгородчины

Если вы неравнодушны к истории родного края, то несомненно хотите знать не только о том, как жили люди в далеком прошлом, но и какое имя носил тот или иной народ, то есть узнать его этническую принадлежность. Вопрос этот не из легких. В самом деле, кто жил по берегам Оскола в Средневековье?

Наличие населения в лесостепном Приосколье в V—X веках нашей эры подтверждают многочисленные археологические памятники: стоянки, поселения, городища, могильники. Их относительно легко обнаружить, гораздо труднее определить, кто их оставил. Особенно поселения. Одним из главных критериев при определении этнической принадлежности является погребальный обычай населения. Этой цели может служить и керамика (обломки глиняной посуды) в комплексе с погребальным обрядом.

На основе историко-археологических исследований ученые установили, что в лесостепном Приосколье в VIII—X вв. н. э. жили аланы и древние болгары. Этническая принадлежность первых определяется по катакомбному, вторых — по ямному обрядам погребения.

Считается, что для аланских и древнеболгарских поселений характерна круговая керамика салтово-маяцкой культуры (VIII—X вв. н. э.). Однако в ходе разведок нередко возникали ситуации, когда открытые поселения этой культуры оказывались без сопутствующих ямных или катакомбных могильников. И тогда основным, если не единственным критерием этнического определения становилась керамика.

Некоторые исследователи все поселения с салтово-маяцкой керамикой определяли как аланские или алано-болгарские. До поры, до времени и мы придерживались такого же мнения. Ведь в последние годы по Осколу было открыто много археологических памятников салтово-маяцкой культуры. Они расположены не только на правом, высоком берегу. Многие из них находятся в пойме и надпойменной террасе левого берега реки. При сложившихся взглядах можно было бы утверждать, что и там, и здесь проживали аланы и древние болгары.

Но так ли это?

В настоящее время доказано, что аланы хоронили своих соплеменников в грунтовых камерах-склепах, известных в археологии как катакомбы. По Осколу такие могильники обнаружены у сел

Нижние Лубянки, Ютановка, Столбище, Афоньевка — все на правом берегу. Характерно, что и в Подошье катакомбные могильники расположены в основном на правобережье больших и малых рек.

Это не случайно. Для сооружения катакомб необходимы плотные слои грунта (мел, глина, камень). Сооружение катакомб требовало и определенного рельефа местности.

Рельеф и геологическую структуру, соответствующие устройству катакомб, мы имеем на правом берегу Оскола (между Валуйками и деревней Холки Чернянского района), где среди поселений салтово-маяцкой культуры обнаружено несколько катакомбных могильников. При этом все они примыкают к однослойным и синхронным поселениям. Все это, вместе взятое, убеждает нас в том, что основным населением лесостепного правобережья Оскола (до Холковского городища) в VIII—X вв. н. э. были аланы.

Иная геологическая структура в пойме и надпойменной террасе левого берега Оскола. Другой здесь и рельеф. Однако и в этой полосе открыто много поселений с салтово-маяцкой керамикой. Значит ли, что и здесь проживали аланы с катакомбным обрядом погребения? Вспомним, почти все левобережные салтово-маяцкие поселения расположены на песчаном грунте, вокруг — одни пески. Возможно ли в таком сыпучем грунте сооружать катакомбы глубиной до 6 метров? Конечно, нет. Участки же с плотным грунтом расположены на значительном расстоянии от поселений.

Таким образом, в полосе левобережья отсутствуют не только геологические условия, но и та традиционная топография, которая учитывалась аланами при устройстве поселений и сопутствующих им катакомбных могильников. Вполне понятно, что при такой ситуации население левобережных оскольских поселений не могло применять катакомбный обряд погребения.

Вероятно, здесь проживали не аланы, а какое-то другое население с присущим ему погребальным обычаем. Возможно, оно применяло ямный обряд, характерный для древних болгар. Но такой могильник мы обнаружили только один, у Волоконовки. Можно предположить, что для левобережного оскольского населения характерным был обычай трупосожжения. Данная точка зрения базируется на интересном и немаловажном факте, зафиксированном в ходе наших полевых исследований.

Дело в том, что на многих левобережных салтово-маяцких поселениях обнаружена лепная керамика, не принадлежащая ни аланам, ни древним болгарам. Расположена она ниже салтово-маяцкой круговой керамики. Факт неожиданный и многообещающий. Оказывается, в лесостепном Припосколье было оседлое население еще в V—VII веках нашей эры!

Анализ арабо- и персоязычных письменных источников (с учетом археологических исследований) привел нас к выводу, что это местное население лесостепного Подонья (Припосколья) известно в восточных письменных источниках под именем русов. Именно в этих источниках упорно повторяется, что основным погребальным обычаем русов было трупосожжение.

Культура оскольских русов до VIII века развивалась без особого влияния извне. В VIII веке в Донское лесостепье переселяется с Северного Кавказа определенный контингент аланского населения. Причины миграции пока неизвестны.

Контакт двух народов и двух культур сопровождался процессами трансформации, взаимообмена, утверждения более совершенных орудий труда и технологий. Рождался новый вариант культуры, известный в археологической науке как лесостепной, аланский вариант.

Аланы расселяются на правом берегу Оскола, что и подтверждается археологическими исследованиями.

Русы, перенимая у них гончарный круг, а также формы и технологию изготовления глиняной посуды, продолжали жить на старых поселениях. Вот почему левобережные салтовские поселения содержат в верхних слоях уже не лепную, а аланскую, то есть салтово-маяцкую круговую керамику.

Нивелирование (сглаживание) культурных достижений создавало положение, при котором две народности производили и применяли в быту одинаковый керамический комплекс. Такая преграда, как вода Оскола, не могла гарантировать ни для алан, ни для русов абсолютной традиционности этнографических и религиозных обрядов. В связи с этим в будущем возможно выявление трупосожжений на аланских кагакомбных могильниках. Не будет ничего удивительного, если археологи обнаружат кагакомбные или ямные погребения на коренной террасе левого берега Оскола. В условиях тесного контакта двух народов такие факты являются закономерными.

Но суть дела от этого не изменится — лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры (лесостепное Подонье) создавался не только переселившимися, но и местным населением.

Археологические памятники этого населения открыты группой «Алан» только в последние годы. При своей многочисленности они еще совершенно не подвергались раскопкам. И все же бесспорно, что это местное, донское население вместе с аланами и древними болгарами входило в какое-то государственное образование и на Востоке было известно под именем русов.

ДОНСКАЯ РУСЬ

К ВОПРОСУ ЛОКАЛИЗАЦИИ РУСОВ В БАССЕЙНЕ ДОНА

В одной из публикаций мы высказывали предположение о том, что в VI—X веках, в бассейне Дона жили русы (донские русы). В это же время здесь оформилось государство Донская Русь, границы которого изменялись, и доходили, иногда, до берегов Черного моря. В состав Донской Руси в VI—X веках входила территория и население лесостепного Припосколья, то есть нашего края.

Эти предположения являются неслучайными. Они — результат нашей работы с письменными источниками. При работе с ними мы применяли метод картографирования сведений о русах, их географическом расположении.

Предлагаем читателям эти сведения в краткой форме, и соответственно, их приблизительные координаты на карте Юго-Восточной Европы (смотрите на карту). При картографировании используются и данные топонимии. Номер на карте соответствует порядковому номеру сведений.

1. Сирийский источник VI века. Упоминает народ рос, живший по соседству с мифическими амазонками в бассейне Дона.

2. Русов в VI веке, где-то в районе севернее Кавказа, помещает прикаспийский хронист XV века Захир-ад-дин Марашси.

3. В сочинении Географа Баварского (середина IX века) есть указание, что русы живут между устьями и хазарами, на север от Черного моря.

4. На основе «Бертинских анналов» (839 г.) можно сделать вывод, что владения русов находились на север от Черного моря, между Днепром и Волгой.

5. В 80—90-х годах IX века норвежец Оттер сообщил королю Альфреду Великому о далеком, где-то у верховьев Дона, государстве и народе «Рошцаско».

6. Анонимный персидский автор X в. пишет о русах, живущих у Черного моря.

7. Восточный географ Ал-Бекри (жил в XI в.) пишет о русах, как соседях Волжской Булгарии. Вместе с тем он указывал, что русы граничат с Черным морем.

8. На карте Махмуда-ал-Кашгари (70-е г. XI века) Русь размещается на северо-западе от Каспийского моря.

9. Восточный географ Аль-Балхи (X в.) сообщает, что русы живут между Болгарией (Волжской — А. Н.) и Словошней (северянами — А. Н.).

10. Аль-Истахри, персидский географ середины X века, писал: «Рус есть народ в соседстве с Булгаром, между сим последним и Словошней».

11. Арабский географ Масуди (писал в первой половине X века) сообщал, что русы живут по берегам Черного моря и только они плавают по этому морю, которое называется Русским.

12. Арабский географ Идриси составил в 1154 году карту, на которой река Дон называется Русией. У этой же реки он размещает три города русов: Кишиу, Салав, Арган.

13. Русский историк Д. Иловайский, на основе каких-то источников сообщает в 1882 г., что река Оскол называлась Русью.

14. На Крымском полуострове распространены топонимы с корнем «рос».

15. Арабский географ Ибн-Фадлан (X в.) писал: «Итиль (Волга — А. Н.) есть имя великой реки... в стране Хазар и протекает она мимо страны Русов и Булгар (Волжских — А. Н.)».

Таким образом, на основе всей совокупности сведений достаточно четко вырисовывается территория расселения русов в VI—X веках. В границы расселения русов входили: бассейн Дона, Приазовье и Крым (см. карту).

Примечание: названия рек Днабр, Атиль, Русия, Сакир — по карте Идриси. Река Буртас — по сведениям Масуди.

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ АЛАН В ДОНСКУЮ ЛЕСОСТЕПЬ В VIII ВЕКЕ Н. Э.

ВОПРОСЫ К ПРОШЛОМУ

По крутым берегам лесостепного Оскола, Северского Донца и Дона обнаружено много археологических памятников (поселений, городищ, могильников), оставленных аланским населением в VIII—X вв. Аланы переселились в Подошье с Северного Кавказа. Есть такие памятники и в Волокоповском районе у сел Нововзаводка, Афоньевка, Столбнице, Югановка, Волокоповка, Пятницкое, Верхне-Яблоново.

В силу каких причин аланы переселились в Донское лесостепье? Этот вопрос интересует не только ученых-специалистов, краеведов, но и ребят из краеведческой группы «Алан». Прошлое влечет нас, как и будущее.

Поиск ответа на этот вопрос невозможен без прикосновения к истории славян и русов. О славянах и русах раннего Средневековья много сведений оставили нам восточные (арабские и персидские) географы. Они хорошо знали и тех и других, соприкасались с ними. В своих сочинениях они пишут о их географическом расположении, занятиях, этнографических признаках, то есть пишут о славянах и русах, как о совершенно разных народах.

Славяне и русы — этнические понятия, с детства олицетворяющие наших далеких предков. Они отождествляются нами в единое целое без учета хронологии и территории. Здесь-то мы и ошибаемся. Арабские географы четко различали славян и русов. Они сообщают, что каждый из них, в определенное время, имел свою историю, свой путь развития.

Вполне естественно, географическая близость и другие условия содействовали переплетению судеб и путей. Но это будет позже, с образованием Древнерусского государства, когда в Приднепровье, а затем и шире, исторические судьбы русов, славян и других народов сольются воедино.

В исторической науке русы и их города размещались специалистами в различных регионах Европы. И каждый раз ту или иную локализацию русов авторы обосновывали критическим анализом письменных источников. Мы не будем заверять читателя в этом. Но в основу своей статьи мы вкладываем здравый смысл, доверительное отношение к средневековым авторам, некоторые результаты археологических и гидронимических разысканий.

В пространстве — нас интересует Донской регион лесостепи и степи, от Северского Донца и до Хопра. Предполагаем, что именно здесь жили русы восточных географов.

Наш хронологический интерес — VI—X века н. э. В это время в Подонье появляется государственное образование Донская Русь. Сюда же переселяются и аланы. Рассказ об аланах невозможен без рассказа о донских русах.

В Донской лесостепи, в нашем крае, когда-то населенном русами, часть аланского населения Северного Кавказа обрела свою новую Родину, здесь аланы жили несколько столетий под именем русов, отсюда и возвратились они на свою прародину — Северный Кавказ.

ГИПОТЕЗЫ И ОТКРЫТИЯ

Переселение алан на Дон является миграцией населения. Любая миграция населения имеет свои причины и цели. Чтобы пра-

вильно объяснить их, надо представлять ситуацию (социально-экономическую, военно-политическую, этническую) не только в регионе, откуда идет переселение, но и в регионе, куда направлено передвижение.

Наиболее приемлемы, на наш взгляд, причины миграции алан, обоснованы в гипотезах С. А. Плетневой и Г. Е. Афанасьева. Точка зрения С. А. Плетневой базируется на том, что переселение части аланских племен на Дон связано с арабским нашествием на Северный Кавказ, и конкретно, в связи с походом на северокавказскую Аланию арабского полководца Мервана в 735 году.

По предположению Г. Е. Афанасьева, переселение алан на Дон связано с социально-экономическим развитием самого аланского общества. Недостаток земли и других природных ресурсов привел к межплеменным столкновениям, что и явилось причиной переселения.

Достаточно аргументированные и логически стройные, гипотезы отвечали уровню исследований 60—80-х годов нашего века. Они будили мысль и содействовали поиску новых предположений. Но в этих гипотезах наиболее аргументированной выглядела ситуация на Северном Кавказе и неясной оставалась ситуация в Подонье. В то время археологи никак не могли найти доказательств проживания оседлого населения в Донском крае в VI—VIII вв. (для Оскола в I—VIII вв.). Поэтому Подонье до прихода алан считалось незаселенным. Из этого и исходили авторы гипотез. В 80-е годы уровень разведочных полевых исследований возрос. Оказалось, что до прихода алан и других этнических групп, жизнь в Подонье бурно развивалась. По берегам Оскола и других рек проживал значительный контингент населения.

Исходные данные для поиска причин переселения изменились и расширились. Появилась возможность в какой-то степени реконструировать ситуацию в Донском регионе накануне миграции северокавказского населения. Это, в свою очередь, создает условия для более полного объяснения причин переселения алан.

РУСЫ И СИТУАЦИЯ В ПОДОНЬЕ

Какой же была ситуация в Донской лесостепи? В VI веке к местному населению Подонья присоединяется большой массив тюркского населения, близкородственного хазарам. Основав свои поселения в левобережье и пойме рек, оно перенимает у местного населения имя и называет себя русами. Позже на карте 1147 г. этот этнический массив был обозначен как русы-тюрки.

Многочисленность тюркского компонента обеспечила господство социальной верхушке тюркского происхождения, что и за-

фиксировано восточными географами. Русы Подонья вошли в письменные источники под именем русов-тюрков.

В VII веке здесь оформляется государственное образование Донская Русь с системой управления, иерархией власти, со своими царями (каганами), экономикой, языком, письменностью и сложным этническим составом населения. Государственное образование донских русов не могло развиваться без экономики, которая носила в то время своеобразный характер.

Основным занятием русов Подонья были военные походы и торговые экспедиции. Традиционные, переходившие из поколения в поколение, они определяли характер государства и самой экономики, политики и религии, быта и топографии поселений. Русы оставили о себе много сведений. Не только потому, что в Донской Руси частыми гостями были восточные купцы, но и потому, что сами донские русы появлялись неоднократно в различных регионах Европы, Азии и Африки. По совершеннолетию и до старости они все свое время проводили на кораблях, реках и морях, в различных странах, с мечом или весами в руках. Сильные и отважные, известные как опытные воины и предприимчивые купцы, они большинство своих походов совершали на кораблях (больших лодках с парусом). Но военный промысел и опасности формировали у них не только положительные качества.

Источники сообщают об отсутствии у русов земледелия, деревень, обширных пашен, лошадей. Это вполне объяснимо. Народ, у которого самая дееспособная часть населения уходила на месяцы и годы в походы и экспедиции, не мог иметь развитого пашенного земледелия и скотоводства. Вместе с тем источники неоднократно подчеркивают наличие у русов металлургии и металлообработки.

С 1982 года мы открываем в долине Оскола поселения незначительных размеров, со слабо насыщенным культурным слоем. Они расположены вблизи Оскола, среди стариц, озер и болот. В распаханном слое находим незначительное количество костей домашних животных, обломки лепной глиняной посуды. Здесь же металлургический шлак, россыпи дробленой железной руды, биконические пряслица (грузики для веретена). Сами поселения тяготеют к островному расположению, и их топография явно несет защитную функцию. Такие поселения мы датировем VI—VIII веками нашей эры и относим к культуре пеньковского облика. Ее создателями, до переселения алан, было коренное местное население — донские русы.

Нетрудно предположить, что оставшиеся в поселениях, после

ухода мужчин в походы, старики, женщины, дети, а также мастера-металлурги, кузнецы и охотники занимались огородничеством на близлежащих участках Оскольской поймы, выращивали в ограниченном объеме зерновые культуры, занимались прядением, изготавливали кухонную посуду, охотились. Оскольские металлурги и кузнецы уже тогда славились своими знаниями и мастерством. Они активно осваивали железорудные богатства края, добывали руду шахтным (?) способом, получали высококачественное железо в оригинальных горнах, ковали мечи и орудия труда.

Но в целом экономика Донской Руси в VI—VIII веках носила военно-торговый характер, с ограниченными возможностями. Сама действительность, жизнь заставляла донских русов искать и стремиться к какому-то толчку в развитии своей экономики и укреплению тыла. Эти задачи можно было решить привнесением в экономику элементов производящего хозяйства — развитого пашенного земледелия, скотоводства, недостающих отраслей ремесла. Имея свободную территорию по правобережью рек, русы Подонья готовы были пригласить переселенцев, чтобы с их помощью решить эти экономические проблемы.

Но у донских русов была и военно-политическая проблема. Донская Русь, располагая организованной, первоклассной военной силой, в периоды военно-торговой активизации, оказывалась беззащитной. Самая дееспособная часть населения уходила в походы и торговать. Территорию, города, поселки, оставшиеся семьи с хозяйством надо было кому-то охранять и защищать. Не в ущерб своим традиционным занятиям, донские русы должны были искать выход из такой парадоксальной, но серьезной ситуации.

Итак, внутреннее развитие Донской Руси, ее экономические и военно-политические проблемы способствовали зарождению миграции какой-то группы населения в данный регион.

Такой представляется нам ситуация в Донской лесостепи накануне переселения.

МИГРАЦИЯ АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

На Дон переселились аланы Северного Кавказа. В первой половине VIII века их значительный контингент расселился по берегам Оскола, Северского Донца и Дона. Вероятно, процессу миграции предшествовало какое-то соглашение или договор между Донской Русью и северокавказской Аланией, при участии Хазарского каганата. Трудно предполагать другие условия договора, но главным пунктом и его практической реализацией и явилось собственно переселение алан в Подонье. Почему в лесостепь Дона мигрировало именно аланское население? Потому что донские

русы, именно с аланами, могли решить все те проблемы и задачи, которые мы отмечаем выше. Экология Донской лесостепи содействовала более быстрой адаптации аланского населения к местным условиям.

Накануне переселения аланы вели устойчиво-оседлый образ жизни. Их экономика отличалась высокой культурой земледелия, они занимались скотоводством, имели многоотраслевое ремесло.

Северокавказская Алания прилагала много сил, чтобы отразить нашествие арабов. Ее население хорошо знало военное дело, а воины считались лучшими наездниками Восточной Европы.

Периоды разорительных арабских походов чередовались временем восстановления и подъема хозяйства. И тогда в районах с высокой плотностью населения проявлялся недостаток природных ресурсов, земли.

Такая ситуация, вызванная военно-политической обстановкой и развитием аланского общества, также содействовала организации переселения в наиболее благоприятный регион.

Таким образом, миграция избыточного аланского населения на Дон носила мирный, организованный и целенаправленный характер.

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ВЗЛЕТ ЭКОНОМИКИ

Приток северокавказского населения содействовал дальнейшему развитию производительных сил Подонья. Аланы устраивали свои поселки на пустыющих землях правого высокого берега реки Оскола, Северского Донца, Дона, Тихой Сосны. Заселялась экологическая полоса, напоминающая переселенцам их далекую родину.

Аланы привносят в хозяйство Подонья развитое пашенное земледелие, скотоводство, производство круговой керамической посуды и другие свои достижения. Вместе с тем они воспринимают достижения донских русов в металлургии и металлообработке. Процесс взаимообмена и взаимообогащения опытом, орудиями труда и технологиями происходил активно и заинтересованно. Этому содействовали — стабилизация военно-политической обстановки в Донской лесостепи, наличие богатейших природных ресурсов, климат, успехи в торговле, трудолюбие земледельцев и ремесленников. Экономика Донской Руси начинает свой стремительный взлет.

Необходимо отметить, что вместе с аланами в Подонье переселяется и древнеболгарское население, которое также активно участвует в развитии экономики.

Культурные достижения донских русов, алан, древних болгар

и других этнических групп, трансформируясь, создают на территории Донской Руси единую, высокоразвитую и яркую салтово-маяцкую культуру (лесостепной вариант). У истоков этой культуры находились те миграционные процессы, которые происходили в нашем крае в VIII—IX веках.

Сохраняя основные этнографические признаки, аланы и древние болгары Донского лесостепья воспринимают местный этноним и называются русами.

Отряды алано-болгарских воинов составляли в Донской Руси организованную военную силу, которая подчинялась каганам и успешно выполняла военные задачи.

Донские русы укрепляют свои границы многочисленными крепостями-городищами. Они используют опыт крепостного строительства, приобретенный в Византии и Северной Африке.

Стабилизация обстановки и успехи экспансии содействовали развитию феодального строя и зарождению городов в Подонье. Шло время IX—X веков.

Но и при этих условиях определенная часть местного, коренного населения продолжала участвовать в военных походах и торговых экспедициях. Письменные источники сообщают, что в X веке русы (донские русы — А. Н.), совершают походы на Каспий, Византию, Волжскую Булгарию, Хазарский каганат.

Однако не эта часть населения определяла развитие производительных сил Подонья. Такую задачу успешно решали те, кто в поте лица обрабатывал землю, разводил домашний скот, строил, вращал гончарный круг, в отвесах огня, варил стекло и железо, кто относится к созидательному труду как к физиологической потребности, кто сохранял, развивал и передавал опыт и трудолюбие следующим поколениям. Все это делало многочисленное, разнотипное население Подонья с общим именем — русы.

К ПОИСКУ ИМЕНИ НОСИТЕЛЕЙ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДОНЬЯ

В полевом сезоне 1989 года краеведы группы «Алаш» открыли в долине Оскола еще пять поселений салтово-маяцкой культуры.

Салтово-маяцкая археологическая культура отражает высокий уровень развития производительных сил Подонья и относится к VIII—X векам нашей эры. Создателями ее было разнотипное население Донской Руси. В его состав входили: потомки населения, проживавшего в нашем крае в I—VI веках нашей эры, многочисленное коренное население тюркского происхождения, близкородственное хазарам; древние болгары, оседавшие в Донской

лесостепь в периоды их передвижений из Приазовья на Среднюю Волгу; аланы, переселившиеся из районов Северного Кавказа и другие этнические группы.

Каждая из перечисленных групп внесла свой заметный вклад в развитие салтово-маяцкой культуры — яркой средневековой культуры Юго-Восточной Европы.

Основной этнический компонент Донской Руси представляло тюркское население. Их поселения занимали участки поймы и первой надпойменной террасы по левому берегу Оскола. Аланские поселения, в большинстве своем, располагались на более высоких участках правого берега Оскола.

Уже не одно десятилетие ученые и краеведы пытаются ответить на вопрос — под каким именем в письменных источниках упоминались создатели салтово-маяцкой культуры Подонья?

О событиях того времени в Подонье сообщали авторы древнерусских летописей, западноевропейских хроник, византийских исторических сочинений, арабских и персидских историко-географических описаний. Наиболее полная информация находится в древнерусских летописях, в арабских и персидских письменных источниках. Необходимо отметить, что авторы этих источников хорошо представляли общую ситуацию в Юго-Восточной Европе и в частности в Подонье.

Вполне понятно, что в письменных источниках разных народов население Донской Руси называлось не совпадающими ни в произношении, ни в написании именами (этнонимами).

Но при различной форме этнонимов мы предполагаем в них наличие внутреннего единства, т. е. единства содержания.

В этом единстве должно было отразиться хорошее знание этнической ситуации в Донской Руси и таких ее составляющих, как многочисленность тюркского компонента и господство его социальной верхушки. Работа с письменными источниками продолжается.

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИОСКОЛЬЕ

НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ, ГРАНИЦЫ...

В ходе археологической разведки юные краеведы группы «Алан» обнаружили в Оскольской долине большое количество чернометаллургического шлака, фрагменты тиглей, россыпи мелкодробленой железной руды и древесного угля. Все это — неопровержимое доказательство развития металлургии в нашем крае и

прошлые века и тысячелетия.

Металлургические находки зафиксированы от села Нижнее Атаманское (Старооскольский район) до села Кузнецовка (Валуйский район). Но особенно много их на участке долины (см. рис.) от деревни Новиковой (окрестности ОЭМК) до села Средние Лубянки (Волоконовский район).

От Оскольского электрометаллургического комбината (ОЭМК) и до села Атаманское этот пласт древностей становится менее насыщенным, а у Старого Оскола совсем исчезает.

На юге, от села Троицкое до села Кузнецовка (Валуйский район), слой находок беднее. Здесь, у границы лесостепи и степи, несмотря на то, что зафиксированы развалы тиглей у сел Троицкое и Помниново, находки представлены лишь отдельными шлаками (у сел Овчинниково, Принцевка, Колосково Валуйского района).

Уже первым находкам шлаков и фрагментов тиглей сопутствовали обломки керамической посуды, изготовленной в VIII—X веках нашей эры. Этим временем и было датировано древнее металлургическое производство Приосколья. Проблем с датировкой не было. Но очень долго мы не могли обнаружить производственное сооружение (горн), в котором выплавлялось железо. И только в 1979 году такой горн был открыт у села Ютановка (Волоконовский район). Это существенное открытие в отечественной археологии. Ютановский горн явился основой для типологии других горнов такой же конструкции. Основной частью горна ютановского типа является колбообразный тигель, изготовленный из специальных сортов глины, песка и еще каких-то неизвестных компонентов. Тигель внушительных размеров: по высоте около метра, на уровне плечиков — 60—80 см.

В последующие годы нами обнаружено и исследовано еще несколько горнов, которым сопутствовала керамика VI—VIII веков нашей эры. Поэтому древнее металлургическое производство в нашем крае датируется суммарно — VI—X веками нашей эры.

Располагая ярко выраженными доказательствами (шлаковые выбросы, развалы тиглей и т. п.), мы определили границы пунктов древней металлургии (ПДМ). На начало 1990 г. в Оскольской лесостепи зафиксировано 80 таких пунктов.

На составленной карте-схеме видно, что располагались они по всей долине относительно равномерно, в границах, указанных выше. И все же, картографируя пункты, заметили, что в определенных местах они группируются. В связи с этим удалось выделить семь локальных групп пунктов древней металлургии.

ОСКОЛ И ПУНКТЫ ДРЕВНЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ

Первая группа объединяет ПДМ, расположенные в окрестностях ОЭМК и у сел Голофесевка, Казачек, Ивановка. Здесь на пахоте и в осыпях обнаружены развалы колбообразных тиглей, обильные шлаковые выбросы, отдельные шлаки.

Южнее расположена вторая локальная группа. Пункты древней металлургии обнаружены у сел: Завалишено, Антонов Хутор, Окуни. На территории этой группы найдены развалы тиглей ютатовского типа, выбросы шлака, обожженный песок оранжевого и красного цветов.

Затем следует участок долины, где признаков древней металлургии нет (кроме находок у поселка Черьянки).

Обилие металлургических находок вновь просматривается у сел Ездочное, Холки, Елецкая, Оскольское.

В этом районе зафиксированы не только развалы тиглей и выбросы шлака, но и достаточно хорошо исследованы площадки ПДМ с обнаруженными на них горнами у сел Ездочное и Оскольское.

Основная территория четвертой локальной группы находится к югу от города Нового Оскола. Пункты древней металлургии открыты у села Свистовки, города Нового Оскола, сел Подольки и Песчанка. И здесь наблюдается высокая степень насыщенности развалами тиглей, шлаковыми выбросами, отдельными шлаками, россыпями мелкодробленой железной руды и древесного угля.

На территории Волоконовского района выявлено две локальные группы пунктов древней металлургии. Пятая группа находится у сел Новоивановка и Коровино. Кроме отдельных шлаков и фрагментов тиглей, у с. Новоивановки уверенно зафиксированы горн ютатовского типа (развал оранжевого обожженного песка, среди которого находились шлаки и обломки тигля).

Шестая группа ПДМ расположена у сел Столбище, Ютановка, п. Волоконовка, с. Средние Лубянки. У этих населенных пунктов — те же шлаки, фрагменты тиглей и горн у села Ютановки.

От Средних Лубянок и до с. Кузнецовки (Валуевский район) слой металлургических находок менее насыщен. Наряду с развалами тиглей — это в основном отдельные шлаки. На данном участке долины расположена седьмая локальная группа пунктов древней металлургии.

Такова краткая характеристика локальных групп ПДМ, действовавших в нашем крае более тысячи лет назад.

ЖЕЛЕЗНАЯ РУДА: БОЛОТНАЯ ИЛИ ЗАЛЕЖНАЯ?

В ходе исследований нас, естественно, занимали вопросы: с каким сырьем работали металлурги раннего Средневековья? С болотными рудами или залежными?

В поисках ответа мы сравнили карту распространения пунктов древней металлургии с картой железорудного бассейна Курской магнитной аномалии. Результаты оказались интересными и удивительными (см. рис.).

Территория первой локальной группы ПДМ совпала с ныне известным Стойленским месторождением железной руды. Вторая группа оказалась у Чернянского месторождения. Третья локальная группа располагалась на территории ныне известного Погромецкого месторождения, а четвертая — у Новооскольского месторождения железной руды.

Результаты сравнения подтверждают, что металлурги раннего Средневековья использовали в своих горнах залежную железную руду. Вероятно, пласты этой руды выходили близко к поверхности, и ее добывали шахтным или открытым способом.

Таким образом, о железорудных богатствах КМА было известно во второй половине I тысячелетия нашей эры. Не оказалось известных ныне месторождений для пятой, шестой и седьмой локальных групп ПДМ. Но, судя по интенсивности древнеметаллургического производства, в районах пятой и шестой групп также были запасы железной руды. На территории седьмой группы, судя по снижению интенсивности древнеметаллургического производства, мастера-металлурги могли работать с привозным сырьем. Но, возможно, и здесь были определенные железорудные залежи.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПОДТВЕРЖДАЮТ

Любое производственное сооружение древности должно иметь свой ареал (границы) распространения. Определяя его, мы можем на той или иной территории представить экономическую, военно-политическую, этническую ситуации. Интересны и сами по себе вопросы — на какой территории функционировали горны ютановского типа? Какому народу принадлежали?

Что касается Оскольской долины, то здесь налицо строгая очерченность границ распространения горнов. На север от города Старого Оскола и к югу от города Валуйки горны ютановского типа в раннем Средневековье не применялись. Возможно, в этих районах была какая-то другая конструкция горнов.

На этой же широте, т. е. в зоне лесостепи, обнаружены горы югановского типа на Северском Донце. Применялись горы такого типа и донским населением, которое проживало у слияния Тихой Сосны с Доном. На сопредельных и других территориях горы югановского типа не обнаружены.

Итак, ареал распространения таких горнов занимает узкую полосу лесостепи от Северского Донца — на западе, до Дона — на востоке.

Учитывая оригинальность конструкции горна и тигля, специфическую технологию и узколокальный район распространения горнов, наше внимание привлек письменный исторический источник, сведения из которого мы относим к Донской лесостепи второй половины I тысячелетия нашей эры.

Речь идет об известном в науке историко-географическом описании «Худуд-а-л-Алем» («Области мира»), написанном персидским Анонимом в середине IX века. В нем автор описывает три города русов-тюрков, которые на карте арабского географа Идриси (1154 г.) находились у реки Рус (Дона — А. Н.), т. е. где-то в степном и лесостепном Подонье. Характеризуя города русов, автор пишет:

1. «Куйафа — это город Руси, ближайший к странам ислама, приятное место и резиденция царя. Из него вывозят различные меха и ценные мечи.

2. Салаб — приятный город и из него, когда царит мир, ездят торговать в болгарский округ.

3. Уртаб (Артаб) — город, где убивают иностранцев, когда они попадают туда. Там производятся ценные клинки для мечей и мечи, которые можно перегнуть надвое, но если отпустить их, они возвращаются в прежнее состояние».

В этих документах мы обратили внимание на следующее: во-первых, города расположены в Подонье; во-вторых, население городов определяется как русы-тюрки; в-третьих, наличие и высокое качество металлургии и металлообработки; в-четвертых, на жестокие меры, которые применялись к иностранцам в одном из городов. Из текста можно понять, что такое отношение к иностранцам было связано с производством ценных клинков для мечей.

Сразу же заметим, что в понятие «город» мы вкладываем не современный смысл. Убеждены, что это были города с пределами, т. е. с принадлежащей им территорией. Вероятно, пределы были значительными. Не о трех городах сообщает анонимный автор, а о трех городах-государствах со значительной территорией у каждого. Эти и другие города-государства Подонья, имея свое реги-

ональное управление, являлись составными частями Донской Руси — государственного образования, объединяющего города-государства под главенством центральной власти. Именно таким нам представляется административно-территориальное устройство Донской Руси — государства, располагавшегося во второй половине I тысячелетия нашей эры на просторах Подонья: от Северского Донца — на западе и до Хопра — на востоке; от границы леса и лесостепи — на севере и до Азово-Черноморского побережья и Крыма — на юге. Несомненно, что на протяжении веков эти границы неоднократно изменялись.

Возвратимся к Уртабу. Невозможно понять и как-то объяснить жестокое отношение к иностранцам, если не подразумевать под иностранцами людей, которые имели повышенный интерес как к технологии производства ценных клинков, так и к технологии получения высококачественного металла, близкого булату. Понятно, что достижения в металлургии и металлообработке гарантировали определенное материальное благополучие не только труженикам города, но и принесли немалую прибыль господствующей группе населения. Очевидно и то, что в Уртабе основу экономического развития составляли: металлургия, металлообработка и торговля. При такой значимости первых двух видов ремесла в Уртабе заботились о сохранении в тайне ремесленных технологий. Вероятно и то, что были желающие выведать технологические секреты. Это в свою очередь, и заставляло правителей города прибегать к самым жестоким мерам.

Судя по тексту источника, Уртаб представлял территорию с повсеместным занятием металлургией и металлообработкой, специфическими технологиями в ремесле, оригинальными производственными сооружениями в области металлургии. Все эти признаки соответствуют результатам археологической разведки в Оскольской долине.

На основе письменных источников и археологических исследований предполагаем, что во владения города-государства Уртаб (Артаб) входили лесостепное Подонье и Приосколье.

В связи с этим становится понятным то незначительное распространение горнов ютановского типа, зафиксированное в лесостепном Подонье. Стремление сохранить в тайне высокорентабельное производство, основанное на передовой технологии, привело в Уртабе к строгим охраняемым мерам. Они-то и сдерживали распространение подобных горнов и металлургического производства на большей территории.

При изучении средневековой металлургии Донской Руси необходимо вспомнить другой письменный исторический источник. Это

— трактат о железе, написанный в 1048 году хорезмийским ученым Бируни. В своем сочинении Бируни пишет, что «из шабуркана (вид стали — А. Н.) — мечи румейцев, русов и ас-сакалибов (соответственно: византийцев, донских русов и славян — А. Н.), относительно шабуркана я слышал от многих рассказывающих, что русы и сакалибы раздробляют его на мелкие куски и замешивают его в муке и им кормят уток. Затем они смывают с него помет и повторяют это (операцию) с ним несколько раз. Затем сваривают их (кусочки стали — А. Н.)... после погружения в огне.

...Русы выделывают свои мечи из шабуркана (стали — А. Н.), а долы посредине их из нармохана (мягкое железо — А. Н.), чтобы придать им прочность при ударе, предотвратить их хрупкость. Ал-фулад (сталь) не выносит холода их зим и ломается при ударе. Когда они (донские русы — А. Н.) познакомились с фарандом (с новым видом стали — А. Н.), то изобрели для долов плетенье из длинных проволок... И стали получать у них на сварных плетеньях при погружении (травлении) вещи удивительные и редкостные, такие, какие они желали и намеревались получить».

В своем сочинении автор беспристрастно рассказывает о творческом поиске, таланте и знаниях мастеров-металлургов и кузнецов, которые жили по берегам Оскола, Северского Донца и Дона. Это были известные мастера, продукция которых расходилась далеко за пределы Донской Руси и ценилась за свое высокое качество.

Кричное железо, сырцовую сталь, чугуи можно было получать в колбообразных тиглях ютановского типа. Для донских металлургов раннего Средневековья первым этапом при получении железа и стали являлись подготовка и изготовление тиглей. Объем и форма тигля должны были соответствовать технологии и задумкам мастера. Тигель надо было изготовить из специальных сортов глины, ведь температура в нем достигала 1600 градусов. Письменные источники и наши археологические исследования красноречиво говорят о том, что металлургии Донской Руси успешно справлялись с этими задачами.

ВЫВОДЫ: ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ

1. Припоскольская лесостепь, как составная часть Донской Руси, в VI—X вв. нашей эры была крупным центром черной металлургии Юго-Восточной Европы.
2. Горны ютановского типа принадлежали русам-тюркам Донской Руси.
3. Еще в раннем Средневековье населению Донской Руси было

известно о железорудных богатствах Курской магнитной аномалии. Раннее Средневековье (VI—X вв. н. э.) — первый этап освоения богатств КМА.

4. Уникальная конструкция сыродутного горна ютановского типа предполагает высокое качество металлургической и металлообрабатывающей продукции. Это же подтверждается письменными историческими источниками.

5. Конкурентоспособность продукции отражает высокий профессионализм и трудолюбие оскольских умельцев Средневековья. Безвестные мастера-металлурги жили и трудились обыденно, но славно.

ЭТНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВО- ВАНИЕ О ПРИОСКОЛЬСКОЙ ЛЕСО- СТЕПИ В I ТЫС. Н. Э. БЕРЕГ ЛЕВЫЙ

Информация, полученная археологической разведкой группы «Алан» (краеведческая группа при Волоконовском Доме пионеров — Ред.), в совокупности с письменными источниками, позволяет в определенной степени реконструировать прошлое. В ходе полевых исследований все открытые поселения Оскольской долины наносились на карту. Перед нашим взором все шире и шире открывалась панорама жизни общества по берегам Оскола в древности. Метод картографирования всегда дает интересные результаты.

Для примера возьмем территорию долины по левому берегу Оскола, от города Валуйки до села Окуни. Эта узкая полоса, протяженностью в 100 км, включает в себя пойму и земли первой надпойменной террасы. На основе добытой информации попытаемся восстановить здесь жизнь общества в VI—VIII веках нашей эры.

В этот период на Оскольском левобережье функционировали 29 поселений. Каждое из них имело небольшие размеры и, как правило, находилось в пойме. Но, иногда, поселения размещались на песчаных склонах первой надпойменной террасы. Пойменные поселки были окружены озерами, болотами, протоками, ручьями. Островное расположение не содействовало их укрупнению.

Люди этих поселений очень дружили с водой, с рекой. Кругом сухой и здоровый воздух, плоскогорье, склоны и участки с черноземом. Только осваивай их! Но нет. Люди левобережных поселений не уходили от реки, из поймы. Они не заселяли менее заболоченную, правобережную часть поймы. Здесь (от города Валуйки

до села Холки) нами обнаружено только три небольших поселения этого периода. Фактически правобережье Оскола было совершенно неосвоенной экологической полосой. Первопричина заключалась в образе жизни левобережного населения, нуждающегося в естественной защите своих поселений.

На правом берегу Оскола не было тех самых дюнных песчаных всхолмлений, окруженных водой, на которых можно было бы основать поселения. Вероятно, правобережье Оскола использовалось только в качестве охотничьих угодий. Если бы население занималось земледелием и скотоводством, то и на правом берегу Оскола были бы основаны многие населенные пункты. Но мы, при нашей работе, не смогли найти этому подтверждения.

Факт наводит на мысль, что земледелие и скотоводство не находили себе места в укладе жизни оскольского населения в VI—VIII вв. нашей эры. Это положение подтверждается еще и тем, что в распаханном культурном слое левобережных поселений мы зафиксировали очень мало костей домашних животных, а также не обнаружили ни одного фрагмента жерновов. Безусловно, факт, сам по себе необычный — отсутствие земледелия и скотоводства в местности, где не заниматься этим было просто нельзя. И все же, чем занималось оскольское население в это время? Судя по разведке и топографии поселений — охотой и рыболовством. Рыбные богатства для Оскола того времени несомненны. Кроме того, здесь водились многие виды диких животных, в том числе исчезнувшие на сегодняшний день: чернубурые лисы, медведи, бобры.

Население изготовляло лепную керамическую посуду, занималось ткацким ремеслом, огородничеством, разведением, мелкого рогатого скота, торговлей, но главными занятиями были металлургия и металлообработка. На многих оскольских поселениях обнаружены: чернометаллургический шлак, железная руда, древесный уголь, обломки колбообразных тиглей, в которых выплавлялось железо.

Наличие в резерве экологического пространства на правобережье Оскола заставляет нас предположить, что в эпоху великого переселения народов таким жизненно важным пространством могло владеть воинственное население.

И еще один факт просится в строку напоминанием. Удивляет топография левобережных поселений. Их население проживало на заболоченных островках, окруженных водой и поросших лесом. В целом как район Приосколья, так и Подонье очень благодатны для жизни. Но несмотря на это — жизнь людей в заболоченной местности, у воды, рядом с рекой.

ИМЯ ОСКОЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Под каким именем левобережное оскольское население было известно среди других народов? Да и упоминалось ли оно в письменных источниках?

Мы продолжали поиск. Нам помогали своеобразные ориентиры из жизни средневекового оскольского населения: отсутствие земледелия и скотоводства, наличие развитой металлургии, воинственность населения, островная топография поселений, наличие речного торгового пути. Все признаки-ориентиры оказались в наличии при описании русов-тюрков Подонья. Имя этого народа особенно часто упоминается в арабских и персидских письменных источниках. Более того, позже, в XII веке, территория русов-тюрков была выделена на одной из карт арабского географа Идриси. Это был все тот же регион Подонья. В интересующих нас письменных источниках очень много информации об отсутствии пашен у русов, развитии металлургии, роли речных торговых путей, о торговле пушниной и воинственности населения. В письменных источниках, наряду с упоминанием благоприятной местности, часто встречается сообщение о расселении русов на острове или островах. Письменный источник IX века сообщает о стране русов как территории, изобилующей всеми жизненными благами. Автор XIV века информирует нас: «Они (русы — А. Н.) большой народ из турок. Страна их граничит со славянами. Они живут на острове, окруженном озером, и он подобен крепости, защищающей их от врагов». Во многих документах говорится: «На острове живут 100000 русов». Мы считаем, такого «острова русов» в природе не существовало. Предполагаем, что один из первых авторов-информаторов применил иносказательную форму к локализации русов-тюрков, подразумевая под «островом русов» область или целый регион. Все последующие авторы-компиляторы добросовестно повторяли эту информацию. Под «островом русов» подразумевалась та своеобразная топография поселений русов-тюрков, которая действительно схожа с островом или островами, но только в миниатюре. Если же взять реки Донского региона (Северский Донец, Оскол, Дон) с притоками и суммировать площадь всех островных поселений, то, несомненно, получится как бы большой «остров», на котором жили 100000 русов.

Итак, данные археологической разведки и письменных исторических источников совпадают. В связи с этим можно утверждать, что на левом берегу Оскола, а также в регионе Донской лесостепи, в VI—VIII веках нашей эры жили русы-тюрки, являвшиеся носителями известной в археологии пеньковской культуры.

РУСЬ: ДОНСКАЯ И КИЕВСКАЯ

В нашем рассказе речь идет о восточной части страны русов, о пространствах Донского бассейна в его лесостепной и частично степной зоне, о территории Северного Причерноморья, Приазовья и Крыма. Но русы жили и в Приднепровье, на Днестре и Дунае. Огромное пространство между Доном и Дунаем занимал этот разноразличный народ в VI—VIII веках нашей эры. Это было коренное население Юго-Восточной Европы, принадлежность которого была отнюдь не славянской.

В Донском регионе большинство населения было близкородственно хазарам, т. е. имело тюркскую основу. До переселения на Дон тюркская группа населения проживала где-то на Востоке. Сам же процесс переселения и их родство с собственно хазарами описан в некоторых источниках. Один из авторов XII века сообщает: «Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и так как не имел места, которое пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашел место себе. Остров не большой и не маленький, с болотистой почвой и гнилым воздухом: там он и обосновался». Персиянин Мирхонд в XV веке писал: «Пришел Рус в окрестности страны Хазара и отправил посланца с требованием поселиться в том месте. Хазар очень обладал его посланца, изволил передать ему некоторые из островов той области, которые имели хороший воздух и чистую землю».

Есть и другие источники, которые сообщают о родстве русов и хазар, а также о том, что русы-тюрки появляются в Подонье в то время, когда в Прикаспии уже развивается Хазарское государство. Пришедшее тюркское население расселяется в тех самых левобережных оскольских поселениях, в VI—VIII веках нашей эры. Оно смешивается с незначительным по количеству местным населением, которое уже называлось русами. Переселившиеся тюрки воспринимают это имя и в последующее время смешанное население упоминается в письменных источниках как русы-тюрки.

В Подонье происходит этнический симбиоз, в результате которого образуется новая этническая общность. На левом берегу Оскола полнокровно функционируют 29 поселений. Развивается материальная и духовная культура пеньковского облика.

В это время на просторах Восточной Европы происходят массовые передвижения народов, их смешение, взаимовлияние и рождение новых этносов. Одни этнические имена исчезают навсегда, другие остаются в письменных источниках, третьи утверждаются для последующих веков и тысячелетий. Но сами народы не исчеза-

ли. Растворяясь друг в друге, через взаимовлияние они поднимали общую планку своих достижений, формировали генсалогическое древо человечества с его гармонией единства и многообразия.

При естестве и необходимости процессов смешения и взаимовлияния этносов человечество проявляло как разум, так и безумие. Наряду с мирной жизнью, история человечества наполнена войнами, нашествиями, насилием. Порою трудно определить, по злой или доброй воле происходило заселение определенной территории. В нашем же, частном случае расселение тюркского населения Донской лесостепи происходило мирно. Донской регион до VI века был малонаселенным и готовым к принятию мигрирующей группы населения.

Массовое передвижение населения происходило и в Поднепровье. На территорию русов в VII—VIII вв. передвигается славянское население. Происходит симбиоз славянского и русского этносов. Именно на этой основе, позже, оформляются древнерусская народность и государство Киевская Русь. Местный этноним «рус» оказался более устойчивым, и его воспринимает не только тюркское население Подонья, но и славяне Поднепровья.

В Днепро-Донском междуречье образовались два государства, одно из которых общезвестно под именем Киевской Руси, другое — под именем Русского каганата или Донской Руси, о котором почти ничего не известно. Территория Киевской Руси находилась в Поднепровье, Донской Руси — в бассейне Дона. Рождение Киевской Руси связано с миграцией славянского населения на западную территорию русов, рождение Донской Руси связано с приходом тюркского населения на восточную территорию русов.

Исторический путь Киевской Руси хорошо прослеживается в веках и тысячелетиях. Историческая судьба Донской Руси сложилась по-иному. Предшественник Киевской Руси, Донская Русь, прожившая с VI по X век, ушла в прошлое и осталась незаслуженно забытым государственным образованием. О Донской Руси (Русском каганате) нам напоминают лишь некоторые упоминания в письменных исторических источниках и материальные следы этой жизни, скрытые толщами земли.

Славяно-русское население Поднепровья воспринимало русов-тюрков Донской Руси как хазар. Этим подчеркивалась их тюркоязычность и родство с собственно хазарами, жившими южнее Подонья. В последующие, IX—X вв., после миграции в Подонье аланского населения, древнерусские летописи продолжают называть население Донской Руси хазарами. В это имя вкладывался не территориально-государственный, а этнический смысл. С исчезновением Донской Руси в X веке исчезают и принадлежавшие ей этно-

ными: русы-тюрки и хазары. Таким образом, население Приоскольской лесостепи, как и всего Донского региона, упоминается в различных письменных источниках в различной форме произношения и написания. Но суть их одна. Восточные письменные источники называют население Донской Руси русами-тюрками, древнерусские летописи — хазарами. Но в том и другом случае говорится о тюркской этнической принадлежности основной части донского населения. К тому же, восточные источники, употребляя этноним русы-тюрки, напоминали о симбиозе тюркского компонента с местными русами.

Касаясь этого сложного и запутанного вопроса, мы хотели бы отметить особую устойчивость в Восточной Европе этнонима «рус». Этим именем-феноменом назывались народы и государства, моря, реки и города. Каково первоначальное происхождение этого имени и в чем причина его устойчивости — на это должны ответить будущие исследователи.

Далее. Упоминание хазар в древнерусских летописях, в связи с рождением Киевской Руси и деятельностью ее первых князей, не должно направлять нашу мысль в обязательном порядке в сторону Хазарского каганата и собственно хазар. Здесь возможна и альтернатива: хазары древнерусских летописей — это русы-тюрки Донской Руси. Не учитывать этого, значит сохранять возможность значительного искажения отечественной истории.

Без истории Донского региона и Донской Руси невозможно достаточно правдиво написать историю Киевской Руси и Хазарского каганата. Хотим ли этого или нет, но это так. Допская Русь — соединительное звено в средневековой истории Восточной Европы, оказавшее огромное влияние на политику и экономику своих соседей.

БЕРЕГ ПРАВЫЙ

Историческое повествование мы начали с определения степени заселенности левого берега Оскола в VI—VIII вв. нашей эры. Правобережье оставалось пустынным. Но очень скоро обстановка изменяется. Наступает бурное время освоения экологической полосы правого берега Оскола (от Валух до с. Холки). На эти земли и в регион лесостепного Подонья переселяется значительный контингент аланского населения Северного Кавказа. Переселение было мирным и дальновидным внешнеполитическим шагом в истории русов-тюрков и алан. Мы неоднократно писали об этом историческом факте и сейчас напомним о том, что в первой половине VIII века в Юго-Восточной Европе сложилась обстановка, которая должна была завершиться переселением какой-то части на-

селения Северного Кавказа в Донской регион, на территорию Донской Руси.

В это время на Северном Кавказе наблюдается избыток населения и недостаток земельных угодий, т. е. происходит давление производительных сил. Периоды мирной жизни чередовались с вторжением арабских завоевателей на территорию северокавказской Алании.

В Донской Руси наступило время, когда требовался толчок для дальнейшего развития ее экономики. Воинственное население Донской Руси, уходя в далекие походы, оставляло свои поселения беззащитными. Для Донской Руси был необходим контингент населения, который бы состоял из воинов - земледельцев, выполняющих функции пограничников. Это население должно было обеспечить защиту поселений русов-тюрков и своих собственных. Надежда возлагалась на северокавказских алан. Как видим, палитца серьезные экономические и военно-политические причины зарождения миграции в Донскую лесостепь.

Кроме этого, в резерве у русов было высокогорное правобережье Оскола, мало чем отличавшееся по рельефу от предгорий Северного Кавказа. Это способствовало более быстрой адаптации алан на новом месте.

Целенаправленной, взаимоприемлемой и регулируемой миграции всегда сопутствует стремительный взлет экономики. Появляются более производительные орудия труда, передовые технологии, новые экономические отношения, духовные достижения. Это и есть прогресс человечества. Все передовое и прогрессивное, появившись в одном регионе, оказывает благотворное влияние на соседние и более удаленные территории. Так было и в нашем крае в VIII—X веках нашей эры.

На правом берегу Оскола (от г. Валуйки до села Холки) появляются 22 крупных аланских поселения общей площадью 3054747 квадратных метров. На левом берегу реки (от Валух до села Окуни) теперь функционируют 63 поселения общей площадью 2580215 кв. метров. Между коренным и переселившимся населением устанавливаются хорошие, добрые отношения. Они выражались в экономических, культурных, духовных и семейных связях.

В результате общих и дружеских усилий в Донской лесостепи бурно развиваются земледелие, скотоводство, торговля, охота, рыболовство.

В аланской полосе Оскольского правобережья появляются суродутные горны, изобретенные русами-тюрками в VI—VIII веках нашей эры. На левом берегу реки, в поселениях русов-тюрков лентное гончарное производство заменяется круговым, привнесен-

ным аланами. Создалось положение, при котором изменения в этнической сфере происходили медленнее, чем в материальной. Формирование нового этноса не успевало за материальным развитием. Сохранялась разнотипность населения, пользующегося достижениями вновь созданной салтово-маяцкой культуры. Не учитывать эти обстоятельства, значит сохранять возможность ошибки в современных исторических построениях, что случилось когда-то и с нами.

Оказавшись под влиянием общепризнанного мнения, мы считали, что на левобережных и правобережных оскольских поселениях, где обнаружена салтово-маяцкая круговая керамика, проживали аланы. Мы не учитывали ни топографии поселений, ни характера предшествующего культурного слоя. Создалось впечатление, что Оскольский край в VIII—X веках был заселен в основном аланами. И только выросший уровень полевых исследований, приобретенные знания и опыт позволили нам проследить трансформацию пеньковской культуры VI—VIII веков в салтово-маяцкую VIII—X веков нашей эры, вместе с этим и значительное присутствие в Донском регионе русов-тюрков не только в VI—VIII веках, но и в последующих, VIII—X веках нашей эры. В конечном счете, здесь в процессе симбиоза должно было появиться какое-то новое этническое образование.

Но история распорядилась по-своему. В силу еще неизвестных обстоятельств, начавшийся процесс формирования нового этноса был прерван. Но и то, что оставили после себя русы-тюрки, депские аланы, древние болгары и другие этнические группы Подонья, вызывает уважение и чувство долга.

Прошагав небольшой отрезок исторической вертикали, мы немало узнали о прошлом Оскольского края. Но многое еще скрывает завеса времени.

ПОЛОВЕЦКАЯ СТАТУЯ

О том, что в Покровке обнаружено скульптурное изображение и, возможно, древнего происхождения, нам сообщил учитель истории Покровской средней школы Н. В. Кириллов.

Участники краеведческой группы «Алан» выехали к месту находки и совместно с учителями Покровской средней школы осмотрели ее. Надо отметить, находка оказалась крайне интересной. Это была высеченная из песчаника половецкая каменная статуя («баба»), высота которой 170 сантиметров. Несмотря на повреждения (сбиты лицо, левая часть правой ноги) сохранившаяся

часть скульптуры дает нам полное представление о ее первоначальном виде.

Скульптурное изображение принадлежит к типу «стоящих» и как бы прислонено к массивной плите (общий вес не менее 300 килограммов). Со стороны спины статуя плоская, руки скрещены на животе и держат какой-то предмет (возможно, сосуд).

Каменное изваяние, обнаруженное в Покровке, — образец половецкого скульптурного искусства и предварительно датируется нами XII веком. После длительного перерыва на территории нашего района обнаружен исторический памятник, подтверждающий наличие половецких кочевий в лесостепном Приосколье. В свое время этот памятник самобытного, половецкого, монументального искусства был, видимо, установлен для поклонения где-то на водоразделе Оскола и Тихой Сосны. Изготовление каменных статуй и поклонение им — одно из самых выразительных проявлений культа предков у половцев.

Благодарим администрацию, учителя П. В. Кириллова и учащихся Покровской средней школы за меры, принятые по сохранению этого исторического памятника. Надеемся, что он займет достойное место в экспозиции школьного краеведческого музея.

ДОНСКИЕ ЯСЫ

Лесостепное Приосколье в X—XIII вв.

Одним из загадочных периодов в истории нашего края является время с конца X до начала XIII века. Если история Приосколья предшествующего времени (VIII—X веков) в какой-то степени реконструируется благодаря археологическим источникам, то интересующий нас период не отражен пока ни в археологических исследованиях, ни в историко-теоретических разработках.

Как развивалась история лесостепного междуречья Северского Донца, Оскола и Дона в X—XIII веках? — вопрос трудный и еще ждет своих исследователей.

Посмотрим на учебную карту «Русские княжества в XII веке». Вот он, наш край. Ни границ, ни окраски, ни названий народа и городов. Только красные стрелы указывают на то, что здесь в 1185 году проходили дружины князя Игоря Святославича на половцев. С северо-запада Донское лесостепье граничило с Переяславским, Новгород-Северским и Черниговским княжествами. С юга край «омывали волны» кочевников-печенегов, тюрок, половцев. Других данных нет. На карте «белое» пятно.

И все же, несмотря на это, мы выскажем ряд предположений по истории края в этот загадочный и далекий период. В основе предположений — свидетельства письменных источников и результаты археологических исследований на памятниках лесостепного Подонья, относимых к VIII—X векам. Сразу оговоримся, что археологических памятников, датирующихся XI—XIII веками в Подосколе (лесостепном) еще не выделено. Исключение составляет Холковское городище. Это не означает, что край в то время был пустынным и безжизненным. Некоторые письменные источники подтверждают, что земли на границе степи и лесостепи были заселены в XI—XII веках оседлым населением (смотрите карту).

Об этом нам сообщают древнерусские источники — Лаврентьевская и Ипатьевская летописи. В них говорится о походах русских князей на Дон, против половцев. Во время походов было взято три городка, заселенных в основном аланами (ясами), друженственно настроенными к русским. В 1116 году князь Ярополк Владимирович взял отсюда (т. е. с Подонья) жену «красну вельми, яьского князя дщерь...» (красивую, яского князя дочь). Нетрудно, в связи с этим, прийти к выводам: Донское лесостепье в XII веке было заселено оседлым аланским (яским) населением; в данном районе были городки-крепости, которые появились здесь не вдруг; у местного аланского населения был свой князь.

Не менее интересен и другой, письменный источник — карта и описание к ней арабского географа Идриси (XII века). На карте, между Итнлем (Волгой) и Днепром он изобразил реку Русию (Русия — по имени города Роспя, расположенного у устья реки). Мы предполагаем, что река Русия — это современный Дон с его основными притоками. В районе этих притоков на карте нанесены знаки шести крепостей, а вся область в верховьях реки названа Ниварией.

Жители Ниварии — «необычайно воинственные и привыкли никогда не расставаться со своим оружием». Под Ниварией арабский географ, вероятно, подразумевал земли, расположенные в лесостепи Северского Донца, Оскола и Дона.

Сведения о проживании аланского населения на Дону оставил нам итальянский путешественник Плано Карпини, сообщая, что аланы составляют вместе с хазарами и русскими население города на Дону, который он назвал Арпа.

Кто же такие аланы (ясы) Подонья, о которых упоминают письменные источники XII—XIII веков?

Они — прямые потомки алано-болгарского населения, проживавшего в нашем крае в VIII—X веках. Предки ясов переселились в Верхнее Подонье с Северного Кавказа и Приазовья еще в начале VIII века.

Переселенцы, обретя новую Родину, оставили в археологии так называемый аланский (лесостепной) вариант салтово-маяцкой культуры. Историю этого населения принято завершать X веком. Согласно нынешней датировке археологического материала считается, что непоправимый урон этой культуре нанесло печенежское вторжение.

Но, имея свидетельства вышеперечисленных письменных источников, закономерно возникает предположение, что аланский вариант салтово-маяцкой культуры не погиб. Он сохранился, и его развитие продолжили ясы. Материальная и духовная культура ясов продолжала не просто существовать, а находилась на определенном, уже достигнутом уровне.

В бурное время вторжения кочевых племен, в период феодальной раздробленности на Руси, история этого островка на границе леса и степи затерялась от внимания географов и историков того времени. И все же, нет-нет, да и промелькнет имя ясов на страницах того или иного письменного источника.

Сложными и чрезвычайно опасными были внешнеполитические условия для княжества донских ясов. Земли богатого и благодатного края, заселенные развитым и разнообразным населением, не вошли ни в состав древнерусских княжеств, не относились к печенежским и половецким территориям. Отстоять определенную политическую самостоятельность в XI—XII веках было очень трудно. Вполне допустимо, что в различные периоды своей истории княжество донских ясов находилось в вассальной зависимости от Древнерусского государства, раздробленных древнерусских княжеств, а также от печенегов и половцев. Вассальная зависимость — вынужденная необходимость иметь сильного покровителя — сюзерена. Вместе с тем правители использовали в своей внешней политике как тончайшую дипломатию, так и готовность защищать свое княжество. Именно в этот период могли появиться большинство тех самых салтово-маяцких городищ, известных сейчас в Подонье.

Княжество донских ясов, являясь звеном когда-то существовавшей общей цепи (союз племен и народов Хазарского каганата), вынуждено было считаться с создавшимся положением и держать результате тотальных археологических разведок ориентацию на мирные и, в основном, добрососедские отношения с древнерусскими княжествами. Такие отношения были взаимно приемлемы. Ясы, в случае вторжения печенегов и половцев, могли рассчитывать на помощь древнерусских княжеств. Вместе с тем территория ясов представляла «буферную» зону, которая прикрывала юго-восточные границы княжеств от вторжения кочевников. Изменившаяся политическая обстановка могла нарушать эти от-

ношения и тогда политические вопросы разрешались силой оружия.

В X—XII веках жизнь народа в Донской лесостепи продолжалась. На определенном уровне находились производительные силы, так же, как и раньше, на берегах Оскола и других притоков Дона существовало земледелие, скотоводство и многочисленные ремесла: гончарное, металлургическое, кузнечное, ювелирное, ткацкое, деревообрабатывающее и другие. Исторически сложившаяся экономика не могла обойтись без торговых связей. Донские ясы торговли с древнерусским населением, с печенежскими и половецкими кочевьями.

Когда же окончательно исчезло с карты Подонья это значительное политическое образование? Очевидно, в начале XIII века, в период нашествия монголов на Северный Кавказ и древнерусские княжества. Обратившись на Северный Кавказ, донские ясы могли выступить на стороне своих сородичей (северокавказских алан) в их борьбе против монгольских завоевателей. Так представляется нам история лесостепного Подонья (и Поосколья) в X — начале XIII вв.

Наши предположения высказаны на основе письменных источников. Археологических источников нет. И не потому, что их нет вообще. Они есть. Но они скрыты в массе археологического материала, традиционно датирующегося VIII—X веками. Придет время, и это недостающее источниковедческое звено будет выделено. Это неизбежно. Оседлое население всегда оставляет материальные следы своей жизни.

ПО СЛЕДАМ КНЯЗЯ ИГОРЯ

Археологический отряд Воронежского университета под руководством кандидата исторических наук А. З. Винникова начал стационарные раскопки Холковского городища. В исследовании известного в Приосколье археологического памятника приняла участие и краеведческая группа «Алан» из Волоконовки. Ребята внесли свой посильный труд, познакомились с процессом раскопок, а через находки — и с достижениями древнерусской культуры, прослушали беседы по истории родного края.

Городище, расположенное у села Холки Черныянского района, давно привлекало к себе внимание археологов, историков и краеведов.

В 1983 году отряд Института археологии под руководством Г. Е. Афанасьева частично исследовал укрепление городища. Несколь-

ко ранее, в 1982 году, группа «Алаи» обнаружила на городище керамику, которую мы отнесли к VI—X вв. н. э.

В лесостепном Приосколье — это пока единственный археологический памятник, содержащий древнерусский культурный слой.

Примечательно, что стационарные раскопки экспедиция А. З. Винникова начала в то время, когда мы отмечаем 800-летие гениального произведения древнерусской литературы «Слова о полку Игореве». Как известно, в нем описывается поход новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году. Переправившись через Северский Донец в начале мая 1185 года, Игорь, по свидетельству летописца, ждал своего брата Всеволода на Осколе — «перейде Донец и тако прииде ко Осколу и жеде два дни брата своего Всеволода», который шел с дружиной из-под Курска.

Место остановки и встречи на Осколе ученые указывают по-разному. Свою точку зрения высказала доктор исторических наук С. А. Плетнева. В статье, посвященной Холковскому городищу, она пишет: «Нам кажется вполне правомочным предположение, что Игорь и Всеволод, условившись встретиться на Осколе, имели в виду какой-то определенный пункт. Этим пунктом могла быть единственная русская крепость на Осколе — Холок. Всеволод подойдет к ней из Курска дорогой через перевалочку, а Игорь «перейде Донец по броду у впадения в Донец Нежеголи» пошел по Нежегольскому шляху, действующему и поныне, к Холку... Игорь же ждал Всеволода у Холка 4—5 мая, а 6 мая они тронулись по Изюмскому шляху или вдоль берега Оскола на юг, к половецким кочевьям».

Вполне закономерное предположение. С военной точки зрения местом встречи дружин должен быть какой-то опорный пункт, древнерусская колония, расположенная в степи. Там русские князья не только объединяли силы для походов на половцев, но и предоставляли войску кратковременный отдых, приводили в порядок снаряжение, пополняли продовольственные запасы, предварительно знакомясь с обстановкой в степи. Таким опорным пунктом для древнерусских княжеств юго-восточной окраины была крепость у нынешнего села Холки.

Много загадок хранит в себе высокий меловой холм у слияния реки Холок с Осколом. Пройдут годы, и настойчивый разум исследователя расшифрует то, что до поры до времени скрывают земля и время прошедших веков.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как складывалась историческая судьба донских русов в последующее время? Вопрос трудный.

Мы предполагаем, что часть донских русов, а именно аланы, жили в Подонье до XIII века. Затем они вновь мигрируют на Северный Кавказ, на свою прародину. Вероятно, это было связано с тревожным временем монголо-татарского нашествия.

Другая часть донских русов — русы-тюрки, в отличие от аланов, ведут в Подонье в это время (X—XIII вв.) несколько мобильный, но не кочевой, образ жизни. В письменных источниках они упоминаются под именем бродников и выступают союзниками половцев, древнерусских князей и монголо-татар.

Бродников мы считаем предшественниками донского казачества. Уместно заметить, что предшественниками днепровского казачества, вероятно, были потомки русов западной ветви.

Таким образом, наши прямые и далекие предки — не только восточные славяне, но и русы. Русы — как аборигенное население Днепро-Донского междуречья, жившее здесь до славян.

* * *

Автор благодарит своих спутников-«алан» за их неустанный поиск на нелегкой тропе познания истории своего Отечества.

ВРЕМЯ И МЕСТО ПУБЛИКАЦИИ ЗАМЕТОК

1. **Имя нашей реки.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 13 октября 1977 г.
2. **Катит воды Оскол.** Белгород, «Белгородская правда», 31 октября 1981 г.
3. **Жил народ рос.** Белгород, «Белгородская правда», 19 марта 1983 г.
4. **Документы истории.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 2 июня 1981 г.
5. **Орудия труда из камня.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 4 июля 1981 г.
6. **Находки на стадионе.** Белгород, «Белгородская правда», 11 июля 1985 г.
7. **К истории Волоконовки.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 28 февраля 1981 г.
8. **Имя нашего поселка.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 3 марта 1981 г.
9. **К вопросу основания Волоконовки.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 18 октября 1986 г.
10. **Имена наших улиц.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 26 июля 1984 г.
11. **К истории Волоконовки.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 24 апреля 1990 г.
12. **«Белые пятна» на карте.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 16 ноября 1971 г.
13. **Из истории района.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 19 февраля 1977 г.
14. **Оскольская Хазария.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 7—18 октября 1975 г.
15. **Жилища Оскольской Хазарии.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 4 мая 1978 г.
16. **Жернова Оскольской Хазарии.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 21 апреля 1977 г.
17. **Деревянные находки волоконовских археологов.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 23—30 декабря 1975 г.
18. **Оружие Оскольской Хазарии.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 1 и 3 июля 1976 г.
19. **Древние металлурги Ютановки.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 4 января 1979 г.
20. **За XV веков до ОЭМК.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 23 и 28 августа 1984 г.

21. **За XV веков до ОЭМК.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 3 июля 1986 г.
22. **Загадка «Священной горы».** Волоконовка, «Красный Октябрь», 18—30 декабря 1980 г.
23. **Взгляд в глубину веков.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 29 августа и 5 сентября 1985 г.
24. **Новые находки краеведов.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 31 июля 1986 г.
25. **Кто вы, предки?** Волоконовка, «Красный Октябрь», 20 февраля 1986 г.
26. **К вопросу локализации русов в бассейне Дона.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 3 марта 1988 г.
27. **О переселении алан в Донскую лесостепь в VIII в. н. э.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 30 августа и 1 сентября 1988 г.
28. **К поиску имени носителей салтово-маяцкой культуры Подонья.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 14 декабря 1989 г.
29. **К вопросу развития черной металлургии в лесостепном Приосколье.** Валуйки, «Звезда», 14 апреля 1990 г.
30. **Этно-историческое повествование о Приоскольской лесостепи в I тыс. н. э.** Валуйки, «Звезда», 28 сентября 1990 г.
31. **Половецкая статуя.** Волоконовка, «Красный Октябрь», 11 октября 1986 г.
32. **Донские ясы.** Старый Оскол, «Оскольская Магнитка», 10 июня 1982 г.
33. **По следам князя Игоря.** Белгород, «Белгородская правда», 16 августа 1985 г.

ЛИТЕРАТУРА

АРТАМОНОВ М. И. История хазар. Ленинград, издательство ГЭ, 1962 г.

АФАНАСЬЕВ Г. Е. К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры. В книге: Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981 г.

АФАНАСЬЕВ Г. Е., НИКОЛАЕНКО А. Г. О салтовском типе сырودутного горна. СА, 1982, № 2.

АФАНАСЬЕВ Г. Е. Этническая территория буртасов во второй половине VIII — начале X в. СЭ, 1984, № 4.

АФАНАСЬЕВ Г. Е., НИКОЛАЕНКО А. Г. Металлургический комплекс у с. Ездочного. В книге: Маяцкое городище, Москва, Наука, 1984 г.

АФАНАСЬЕВ Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Северского Дона в VIII—X вв. АОН. Вып. 2, 1987 г.

БАБЕНКО В. А. Памятники хазарской культуры на юге России. Труды XV АС, 1914, т. 1, Москва.

БАРТОЛЬД В. В. Арабские известия о русах. Советское востоковедение. 1940, вып. 1, Ленинград.

БЕЙЛИС В. М. Ал-ИДРИСИ (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель. В книге: Древнейшие государства на территории СССР. Москва, Наука, 1984 г.

БЕЛЕНИЦКИЙ А. М. Глава «О железе» минералогического трактата Бируни. КСИА, т. XXXIII, Москва, 1950 г.

БЕРЕЗОВЕЦ Д. Т. О имени носителей салтовской культуры. Археология, выпуск XXIV, Киев, 1970 г.

БОЛХОВИТИНОВ П. Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800 г.

БОБРИНСКИЙ А. А. Гончарство Восточной Европы. Москва, 1978 г.

ВЕСТБЕРГ Ф. Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, 1908 г. XIII.

ВИННИКОВ А. З. Славяно-алано-болгарские контакты в лесостепном Подонье. Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. Москва, 1980 г.

Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971 г.

ГАРКАВИ А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870 г.

ГОТЬЕ Ю. В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? Известия ГАИМК. 1927, выпуск 5, Ленинград.

ГЕНИНГ В. Ф., ХАЛИКОВ А. Х. Ранние болгары на Волге. Москва, 1964 г.

- ГОРОДЦОВ В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года. Москва, 1905 г.
- ГУМИЛЕВ Л. Н. Открытие Хазарии. Москва, 1966 г.
- ГУМИЛЕВ Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. Москва, 1989 г.
- ДЕГТЯРЬ А. К. Некоторые вопросы истории населения верхнего течения Северского Донца. Вестник ХГУ № 214, Харьков, 1981 г.
- ДОБРОДОМОВ Н. Г. Оскол. Журнал «Русская речь». № 3, 1986 г.
- ДОЛЬНИК К. А., ВТОРОВ Н. Воронежские акты. Книжка III, Воронеж, 1853 г.
- ЗАХОДЕР Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Москва, 1965 г.
- ПЛОВАЙСКИЙ Д. Разыскания о начале Руси. Москва, 1882 г.
- Известия Ал-БЕКРИ и других авторов о Руси и Славянах. часть I, СПб., 1878 г.
- История агван Моисея Каганкатваца писателя X века. СПб., 1861 г.
- КАХОВСКИЙ В. Ф. Происхождение чувашского народа. Чувашское издательство, 1965 г.
- КОЛЧИН Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА, 1953, № 32, Москва.
- КОЛЧИН Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, Е1--55, Москва, 1968 г.
- КРАСИЛЬНИКОВ К. И. Гончарная мастерская салтово-маянской культуры. СА, № 3, 1976 г.
- КУЗНЕЦОВ В. А. Аланские племена Северного Кавказа. Москва, 1962 г.
- ЛЕБЕДЕВ Г. С. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах. В книге: Из истории феодальной России. Ленинград, 1978 г.
- ЛОВМЯНСКИЙ Х. Русь и норманны. Москва, 1985 г.
- ЛЯПУШКИН И. П. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, Москва, 1958 г.
- МАВРОДИН В. В. Происхождение русского народа. Ленинград, 1978 г.
- МАГОМЕДОВ М. Г. Образование Хазарского каганата. Москва, 1983 г.
- МАКАРЕНКО И. Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. ИАК, вып. 19, СПб., 1906 г.

МИНОРСКИЙ В. Ф. История Ширвана и Дербента X—XI веков. Москва, 1963 г.

МЕРПЕРТ Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем Средневековье. СА, XXIII, Москва, 1955 г.

МЕРПЕРТ Н. Я. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI. Москва—Ленинград, 1951 г.

МИХЕЕВ В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, издательство «Высшая школа», 1985 г.

НИКОЛАЕНКО А. Г. Донская Русь. К происхождению имен рек Оскол и Дон. «Красный Октябрь», Волоконовка, 1987 г.

НИКОЛАЕНКО А. Г. К тайнам истории. Воронеж, 1988 г.

НИКОЛАЕНКО А. Г. Лесостепное Приосколье в I тыс. н. э. (Материалы к археологической карте). Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж, 1988 г.

НИКОЛАЕНКО А. Г. Древности земли Оскольской. (Список и карта археологических памятников лесостепного Приосколья). Волоконовка, 1990 г.

НОВОСЕЛЬЦЕВ А. П., ПАШУТО В. Т., ЧЕРЕПНИН Я. В., ЦУШАРИН В. П., ЦАПОВ Я. П. Древнерусское государство и его международное значение. Москва, 1965 г.

ПЛЕТНЕВА С. А. Средневековые поселения верховьев Северского Дона. КСИИМК, вып. 79, 1960 г.

ПЛЕТНЕВА С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв., СА, № 1, 1962 г.

ПЛЕТНЕВА С. А. От кочевий к городам. МИА № 142, Москва, 1967 г.

ПЛЕТНЕВА С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья. В книге: Новое в археологии. Москва, 1972 г.

ПЛЕТНЕВА С. А., НИКОЛАЕНКО А. Г. Волоконовский древнеболгарский могильник. СА, № 3, 1976 г.

ПЛЕТНЕВА С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. Москва, Наука, 1989 г.

ПЛЕТНЕВА С. А. Хазарские проблемы в археологии. СА, № 2, 1990 г.

Полное собрание русских летописей, т. II. III Ипатьевская летопись. СПб., 1843 г.

Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. ч. I. Москва—Ленинград, 1950 г.

ПРОСВИРКИНА С. К. Русская деревянная посуда. Москва, 1955 г.

ПРОХОРОВ В. А. Надпись на карте. Воронеж, 1977 г.

РУНИЧ А. П. Катакомбы Рим—горы. СА, № 2, 1970 г.

РУСАНОВА И. П. Славянские древности VI—VII вв. Москва, 1976 г.

РЫБАКОВ Б. А. Ремесло Древней Руси. Москва. 1948 г.

РЫБАКОВ Б. А. Русские земли на карте Идриси 1154 года. КСИИМК, вып. 43, 1952 г.

РЫБАКОВ Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. СА, вып. XVIII, 1953 г.

РЫБАКОВ Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. Москва, Наука, 1982 г.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под редакцией В. П. Семенова. т. II, СПб., 1902 г.

СТАНЧЕВ С. Р. Новый памятник ранней болгарской культуры.

Спутник Пассажира по Юго-Восточным железным дорогам. Вып. II. Москва, 1900 г.

СА, XXVII, 1957 г.

САНЧУГАШЕВ Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Новосибирск, Наука, 1979 г.

СУХОБОКОВ О. В. Славяне Днепровского левобережья. Киев, 1975 г.

ТАЛИС Д. Л. Росы в Крыму. СА, № 3, 1974 г.

ФЛЕРОВ В. С. Маяцкий могильник. В книге: Маяцкое городище. Москва, Наука, 1984 г.

ХАРУЗИН Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. Москва, 1896 г.

ХУДУД-АЛ-АЛЕМ. Рукопись Туманского. Ленинград. 1930 г.

ХВОЛЬСОН Д. А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн-Даста. СПб., 1869 г.

ШРАМКО Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АОН — Археологические открытия на новостройках.

АС — Археологический съезд.

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.

ГЭ — Гос. Эрмитаж.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ИАК — Известия Археологической комиссии.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

МИА — Материалы исследования по археологии СССР.

СА — Советская археология.

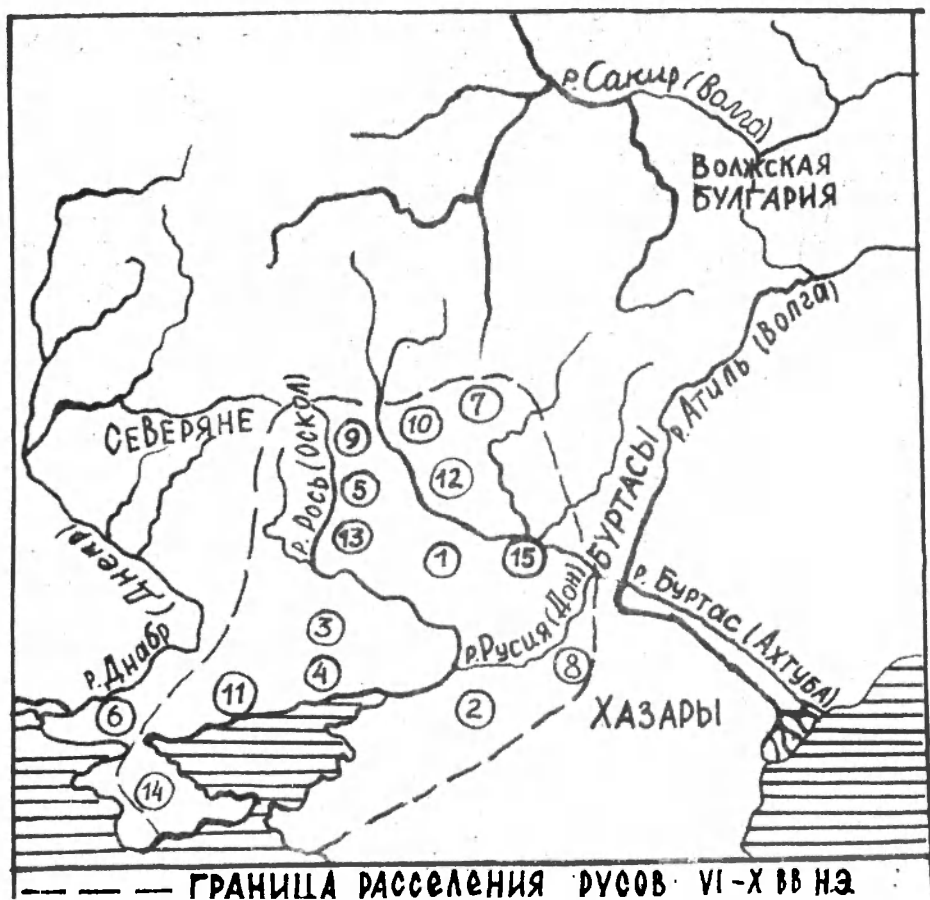
САН — Свод археологических источников.

СЭ — Советская этнография.

ХГУ — Харьковский государственный университет.

СОДЕРЖАНИЕ

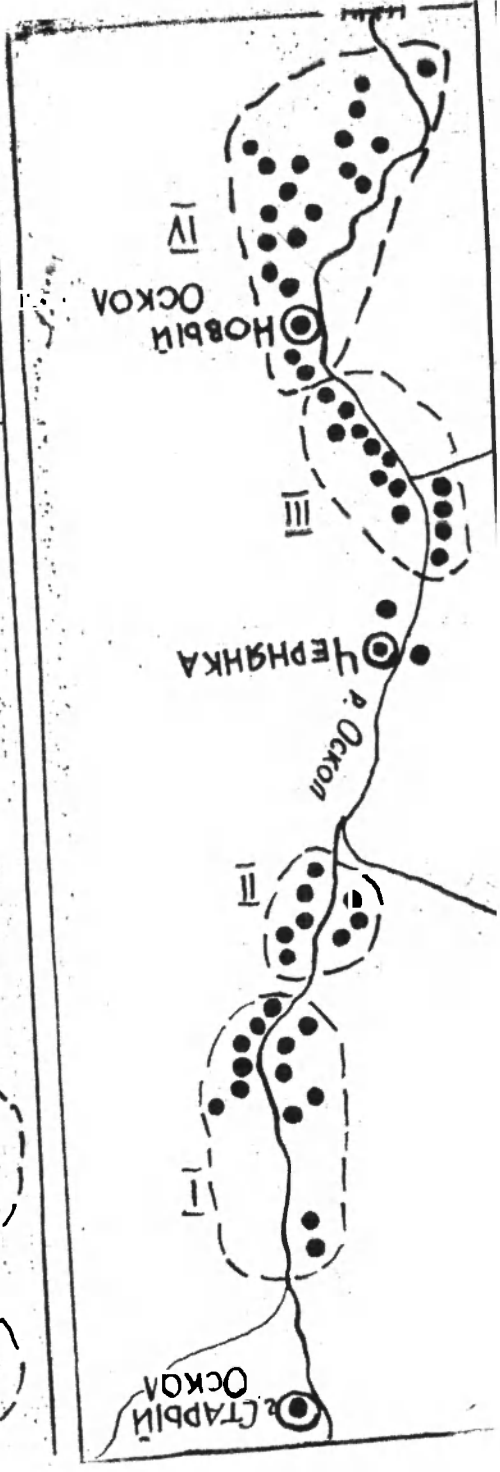
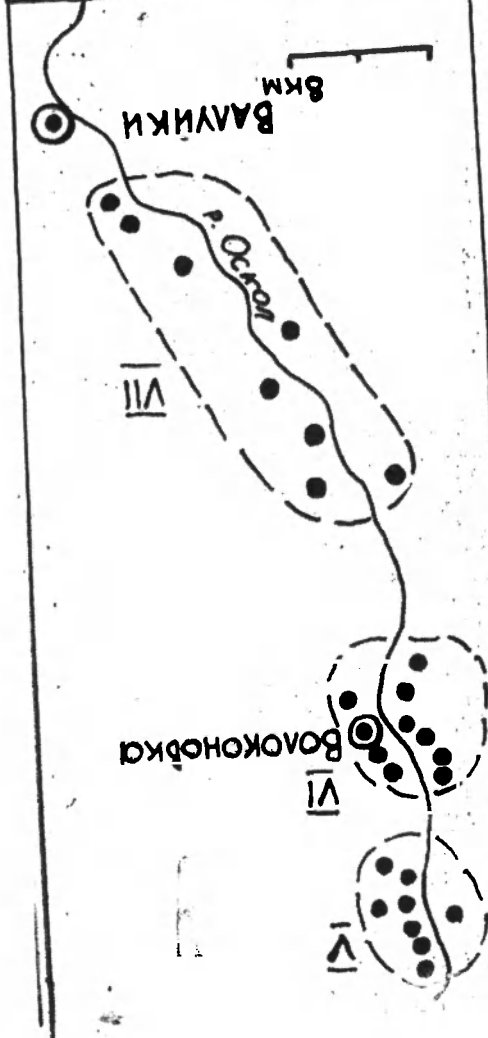
От автора	1
Имя нашей реки	4
Катит воды Оскол	7
Жил народ рос	9
Документы истории	11
Орудия труда из камня	13
Находки на стадопне	14
К истории Волоконовки	15
Имя нашего поселка	17
К вопросу основания Волоконовки	19
Имена наших улиц	20
К истории Волоконовки	24
«Белые пятна» на карте	27
Из истории района	29
Оскольская Хазария	31
Жилища Оскольской Хазарии	42
Жернова Оскольской Хазарии	46
Деревянные находки волоконовских археологов	48
Оружие Оскольской Хазарии	54
Древние металлурги Ютановки	57
За XV веков до ОЭМК	59
За XV веков до ОЭМК	64
Загадка «Священной горы»	69
Взгляд в глубину веков	75
Новые находки краеведов	79
Кто вы, предки?	82
К вопросу локализации русов в бассейне Дона	85
О переселении алан в Донскую лесостепь в VIII в. н. э.	86
К поиску имени носителей салтово-маяцкой культуры По- донья	92
К вопросу развития черной металлургии в лесостепном Приосколье	93
Этно-историческое повествование о Приоскольской лесосте- пи в I тыс. н. э.	100
Половецкая статуя	107
Донские ясы	108
По следам князя Игоря	111
Послесловие	113
Время и место публикации заметок	114
Литература	116
Список сокращений	120

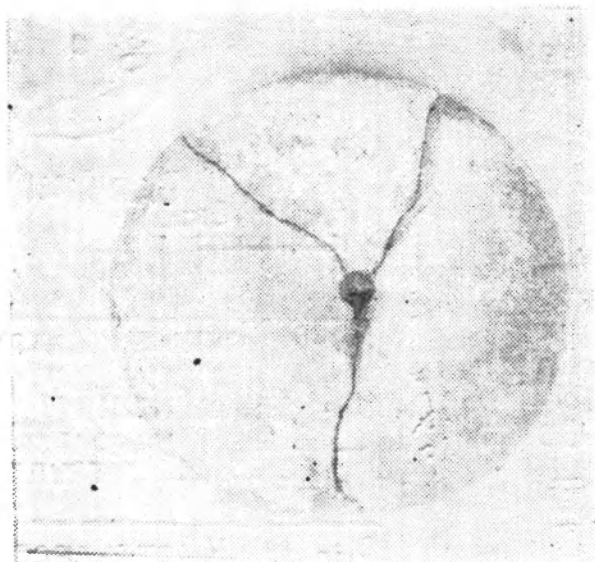

Карта расселения русов в VI—X вв. («К вопросу локализации русов в бассейне Дона»).

Рис. 1 Карта лесостепи
 НОВО ПРИОСКОВЬЯ.
 ПУНКТЫ ДРЕВНЕЙ МЕТАЛ-
 ЛУРГИИ.
 Составил: А. НИКОЛАЕНКО.

● - РАЙОННЫЕ ЦЕНТРЫ
 ● - ПУНКТ ДРЕВНЕЙ
 МЕТАЛЛУРГИИ (ПДМ)
 I - НОМЕР И ГРАНИЦА
 ДОКАРНЫХ ГРУПП
 ПДМ

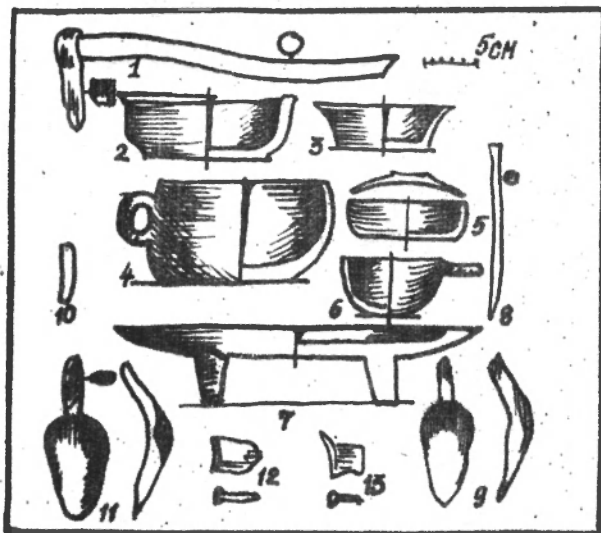
Каменные жернова VIII—X вв.
из поселения Столбище II. («Жернова
Оскольской Хазарии»).

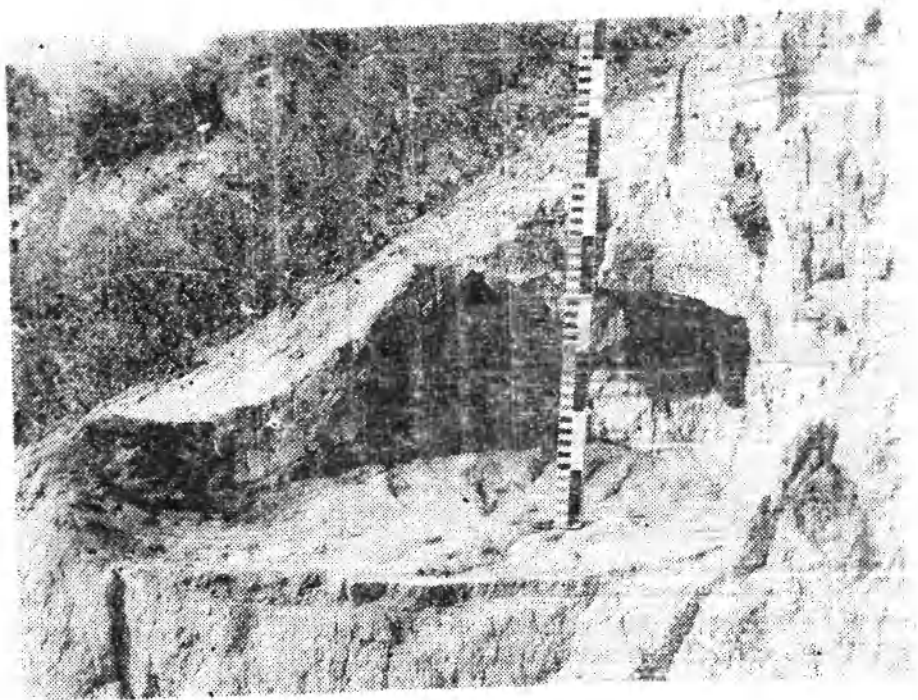
Горшок IX в. н. э. из глины.
Кувшин VIII—X вв. Глина.

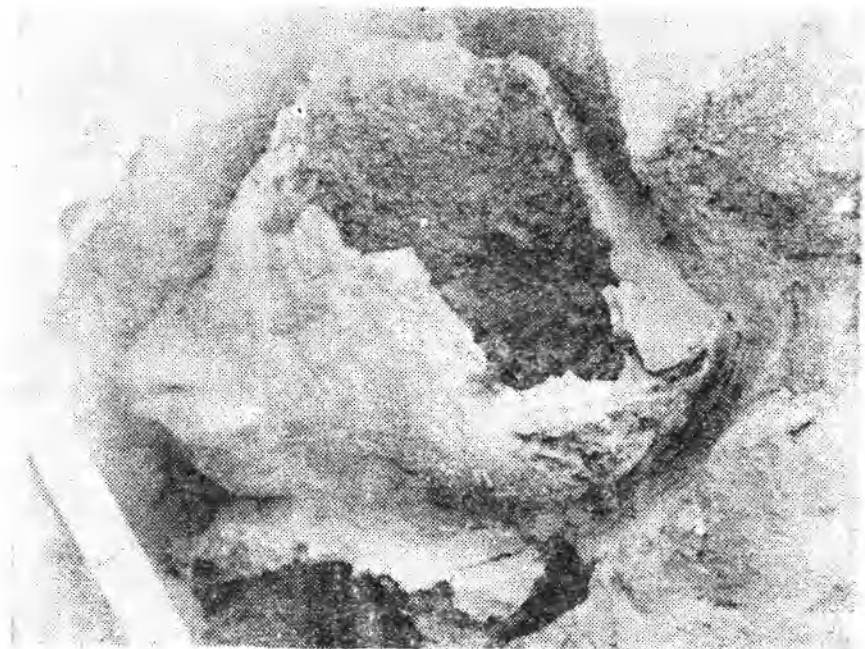
Карта расселения донских ясов.
(К статье «Донские ясы»).

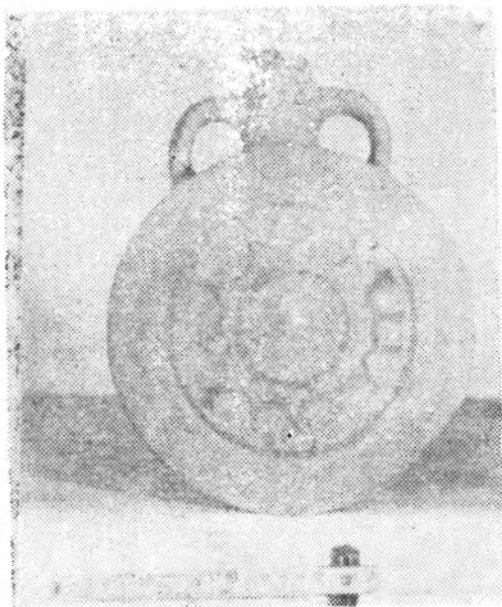
Деревянная посуда и рукоять мо-
тыжки из Нижне-Лубянского могильни-
ка VIII—X вв. («Деревянные находки во-
локоновских археологов»).

Топочная камера гончарного горна VIII—X вв.

**Колбообразный тигель для выплавки железа
VII—X вв. Ютановка
Фрагмент устройства для подачи воздуха в металлургические
горны VI—X вв. (Лесостепное Приосколье)**

Фляга VII—X вв. из глины.
Колбообразный тигель VIII—X вв.
для выплавки железа («За XV веков
до ОЭМК»).